

The background of the cover is a stylized illustration. In the upper left, a dark ship with a single smokestack is visible on a sea of ice. The ice is depicted with broad, wavy strokes of blue and yellow. The sky above is filled with vertical streaks of blue and green, suggesting a dramatic or stormy atmosphere. Several white birds are shown in flight across the sky.

В. В. ХОДОВ Н. А. ГРИГОРЬЕВА

**ДОРОГИ
ЗА ГОРИЗОНТ**

В. В. ХОДОВ
Н. А. ГРИГОРЬЕВА

ДОРОГИ ЗА ГОРИЗОНТ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1981

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Художник А. М. Павлов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крошечный унылый островок в Карском море. Плоский, как доска, бесплодный клочок земли. Два года он был домом родным четырем полярникам. Трое из них порой надолго покидали свое обиталище. Уходили в неведомое. Им выпала счастливая доля быть первопроходцами неизвестной земли. Один из четырех всегда оставался на острове. Этого требовал распорядок работ. Оставался один на один с полярной ночью, с Арктикой. Было ли это испытанием человеческих сил, воли? Конечно. Двадцатидвухлетний комсомолец Вася Ходов его выдержал.

Оставаясь один, он не был одинок. Два года вместе с ним работали смелые, настоящие люди — руководитель экспедиции на Северную Землю, талантливый организатор Георгий Алексеевич Ушаков, известный исследователь Таймыра Николай Николаевич Урванцев и Сергей Прокопьевич Журавлев. У них Ходов и учился жить.

Видные научные авторитеты — академик В. А. Обручев, профессор В. Ю. Визе и Н. Н. Зубов, а также другие оценивали эту экспедицию как одно из наиболее значительных географических предприятий 30-х годов. Экспедиция на Северную Землю поражает своей смелостью, преданностью долгу и, конечно, достигнутыми результатами. Она стерла с карты Арктики огромное «белое пятно» — обследовала почти неизвестный до того архипелаг площадью 37,5 тысячи квадратных километров, открыла большое количество островов, заливов, проливов, ледников, собрала ценные данные о природе Северной Земли, ее климате, режиме морских вод, условиях прохождения радиоволн. Итог самоотверженного труда полярников и их гордость — первая карта архипелага была опубликована в газете «Известия» 24 октября 1932 года. Так было завершено крупнейшее географическое открытие нашего века.

Василий Васильевич Ходов в экспедиции был радистом и метеонаблюдателем. На страницах этой книги читатель найдет рассказ о жизни полярников на Северной Земле. Необыкновенную окраску ему придает романтичность. Она, словно отголосок тех лет, когда творческий энтузиазм масс достигал апогея, окрыляет лучшие страницы этой книги. Ее главные герои — преданные своему долгу труженики, представители поколения, путь которого был не гладким, но счастливым и чрезвычайно насыщенным событиями. Поколения, мечты которого при жизни становились былью.

Порой кажется, что повествование в книге ведет двадцатилетний юноша, только что вернувшийся из Арктики. И понимаешь, что полюбил он ее всей душой и на всю жизнь. Эта любовь, верно, и помогла Ходову сохранить воспоминания о столь дорогих и незабвенных годах на Северной Земле в своей первозданной силе.

Путевку в Арктику Ходову, как и десяткам других полярников, дало радиолюбительство — общественное движение, возникшее в нашей стране в начале 20-х годов. Имена Э. Т. Кренкеля, Н. Н. Стромиллова, В. В. Ходова, Д. П. Аралова, О. А. Куксина и многих других вошли в летопись полярных исследований. Все они начинали свой жизненный путь с радиолюбительства, которое потом питало их своими живительными соками всю жизнь.

И вот в преддверии главного рассказа о Северной Земле дано несколько глав. Они знакомят читателя с некоторыми весьма заметными в истории нашей страны событиями конца 20-х годов. Это и знаменитая красинская эпопея, когда советские люди спасли потерпевших аварию участников итальянской экспедиции Нобиле, и советско-германская экспедиция на «крышу мира» — Памир, и первый полет на радиофицированном аэростате. Казалось бы, разные, ничем не связанные события, но есть у них и нечто единое — настрой, стремление людей принести максимальную пользу своей Родине, беззаветно отдать ей все силы и знания, новые отношения людей — дух коллективизма.

В целом книга посвящена людям, которые пришли в Арктику, чтобы преобразить ее. Партия и правительство в годы первых пятилеток поставили цель включить богатства полярных окраин и Сибири в народнохозяйственный оборот. Для этого надо было освоить побережье, моря и острова Северного Ледовитого океана, изучить содержащее подземных кладовых, развить охотничьи промыслы и рыболовство, построить поселки и города, связать их морским и воздушным сообщением, дать Арктике радиосвязь и радиовещание.

Обо всем этом и ведется разговор в книге. В последних главах ее мы видим уже преобразенную Арктику с добротными жилыми домами, с центральным отоплением и мощными радиостанциями,

перекинувшими свои радиомосты в Москву и Ленинград, Архангельск и Красноярск.

Чтобы изменить облик Заполярья, потребовалось несколько десятков лет. Такое по плечу только людям, подобным Василию Васильевичу Ходову. Двадцать пять лет проработал он, занимая ответственные посты, в Главсевморпути. Большую часть этих лет он отдал организации полярной радиосвязи. Схема ее, разработанная под его руководством в 1933 году, сохраняется и поныне. За свою работу в Арктике он был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

«Дороги за горизонт» написана Василием Васильевичем Ходовым в соавторстве с журналисткой Натальей Александровной Григорьевой. Для обоих это серьезный литературный дебют. Каждый вносил в совместный труд посильную лепту. Ведь работа над книгой, особенно документальной, — это дни и месяцы, проведенные в библиотеках и архивах, встречи с людьми — участниками событий, поиск новых фактов, имен, интересных фотографий... У книги два автора, хотя в основу ее положены воспоминания одного из них — того, кто был непосредственным участником описываемых событий. Поэтому повествование ведется от одного лица — Василия Васильевича Ходова. Но в книге немало страниц, рассказывающих и о других людях. И на долю второго автора выпала не только литературная шлифовка, но и самостоятельная работа в тех разделах книги, где повествование выходит за рамки воспоминания одного человека.

От души хочется пожелать книге доброго пути.

И. Д. Папанин

КАК ПРИХОДИЛИ К ЛЮДЯМ ВЕСТИ В ПРОШЛОМ

30 сажен, вошедшие в историю человечества. «Газета без бумаги и «без расстояний»». Второе рождение радио. Испытательный полигон — вся планета

Ценой огромных лишений и жертв доставались человечеству почти все великие географические открытия прошлых веков. Первое кругосветное путешествие совершила экспедиция Магеллана в 1519—1522 годах. 265 человек вышли в плавание на пяти парусных судах. Через три года на родину возвратилось лишь одно судно и 18 моряков. Погиб и сам Магеллан.

Если корабль терпел бедствие, известие о катастрофе приносили послания, закупоренные в залитых смолой бутылках или бочонках. Их доверяли морским течениям и воле случая. Иногда такая «почта» странствовала по морям и океанам многие годы. Так, письмо, отправленное Колумбом в бочонке, было найдено лишь через 359 лет.

Едва ли когда-либо приходилось первопроходцам претерпевать бóльшие лишения, чем в походах по морям Ледовитого океана.

В 1845 году из Англии на судах «Эребус» и «Террор» вышла полярная экспедиция Джона Франклина, целью которой было открытие Северо-Западного морского прохода из Атлантики в Тихий океан. В составе ее было 134 человека. Десятки спасательных экспедиций на протяжении почти ста лет безуспешно пытались установить судьбу Франклина и его спутников. По крупицам воссоздавалась картина полярной трагедии, до конца не раскрытой и до сих пор.

В июле 1897 года шведы Соломон Андрэ, Нильс Стриндберг и Кнут Френкель на неуправляемом аэростате «Орел» вылетели со Шпицбергена, рассчитывая пересечь район Северного полюса и достичь берегов Аляски. Андрэ со спутниками исчезли бесследно. Аэронавты взяли с собой почтовых голубей и буи. По прошествии двух лет на берегу Исландии был найден брошенный в первый

день полета буюк, а потом еще один — у берегов Норвегии, ничего нового не внесшие в выяснение судьбы воздухоплатователей. Только спустя 33 года после их гибели на острове, лежащем всего в 60 милях от Шпицбергена, случайно были найдены останки и дневники аэронавтов. Выяснилось, что на третий день экипаж был вынужден прервать полет и спуститься на лед. После изнурительного трехмесячного перехода по дрейфующему льду Андрэ и его товарищи погибли на острове Белом.

А трагедии полярных экспедиций начала нашего века — Георгия Брусилова, Владимира Русанова и многих других? Будь в руках первопроходцев радиосвязь, она бы вывела их из ледового арктического лабиринта. Но всего лишь около 80 лет назад путешественники и мореплаватели обрели возможность мгновенно связываться с людьми на Большой земле, их перестала страшить оторванность от мира, безысходность судьбы в случае неудач или катастроф.

Если обратиться к истории, то легко убедиться, что потребность в быстром сообщении между собой люди испытывали и на заре цивилизации. Когда нужно было дать знать об угрожающей опасности, о смерти вождя, о внеочередном созыве племенного совета, в качестве быстроходных «вестников» использовали звуки барабанов, свет факелов и костров. В древних государствах — Ассирии, Египте, Индии, а затем Греции и Римской империи — световая и звуковая сигнализация достигли значительного развития. О падении Трои царь Агамемнон сообщил своей жене Клитемнестре сигналами яркого света, передававшимися через целую сеть промежуточных «станций». Расстояние в 555 километров было преодолено за одну ночь.

Проходили века, возникали и исчезали цивилизации, все ярче разгорался светоч человеческого разума, усиливалось стремление людей познать неведомое и преодолеть неизвестное. Утлый челн первобытного человека сменили парусные суда египтян, галеры римлян, бальсовые плоты инков. Ладьям Лейфа Эйриксона и кочам Семёна Дежнева пришли на смену паровые суда — вначале неуклюжие колесные, а затем исполинские быстроходные океанские лайнеры.

Появились новые средства связи — телеграф и телефон. По бесконечным проводам и кабелям, опутавшим всю планету, шел непрерывный поток депеш. И только средства связи с кораблями на море даже на рубеже XX столетия оставались на первобытном уровне. Лишь вместо барабана — корабельный колокол да пушка.

Люди продолжали мечтать о волшебном средстве сообщения, для которого бы не существовало непреодолимых препятствий.

Мечту эту на рубеже XIX и XX веков осуществил наш соотечественник Александр Степанович Попов. 7 мая 1895 года в Петер-

бургском университете на заседании Физико-химического общества А. С. Попов впервые публично доложил о результатах своих опытов «по сигнализации без проводников на открытом воздухе при дальности до 30 сажен». Всего 30 сажен... вошедших в историю человечества и положивших начало новой эре в нашем бытии и сознании.

Гражданские радиостанции появились в нашей стране только в 1909 году. К началу первой мировой войны их насчитывалось всего 30, построенных преимущественно по берегам морей, омывающих территорию страны. На подступах к Арктике первыми начали работать радиостанции в Петропавловске-на-Камчатке, Ново-Марьинском порту на реке Анадырь, Исакогорке под Архангельском, Югорском Шаре на Новой Земле, на Вайгаче и в Марселе на Ямале. Радиус их действия был невелик.

В начале первой мировой войны для связи со столицами союзников — Лондоном и Парижем — были построены мощные искровые радиостанции в Царском Селе под Петроградом и на Ходынке в Москве.

Первое мое знакомство с удивительным миром радио, поначалу незадачливое, состоялось в Царском Селе в 1917 году.

Царскосельская радиостанция даже по современным масштабам могла бы произвести впечатление величественного инженерного сооружения. В те же годы она казалась потрясающим чудом техники: с лесом высочайших ажурных мачт, со зданием, залитым ослепительным светом, и рокотом дизель-агрегатов, по мощности не уступавших электростанциям всего города. Во время радиопередачи искровой разрядник станции было слышно за несколько километров. Голос его звучал приятным баритоном. В такт с передаваемыми сигналами через окна станции проникал феерический свет, отражавшийся в стеклах домишек окранны города.

У ограды из колючей проволоки, в канаве, заросшей бурьяном и крапивой, я и мои сверстники, забыв про все и всех, могли лежать часами, слушая морзянку, искать и не находить объяснения чуду — таинству радиотелеграфии. Нужно ли говорить, что в то время мы изъяснялись в основном на языке азбуки Морзе.

Во время второго наступления на Петроград белогвардейского генерала Юденича, в 1919 году, Царскосельская радиостанция была взорвана. Повзрослевшие, потрясенные горем, мы бродили по руинам нашего кумира.

Карманы мальчишек всегда набиты «неземными» ценностями. На сей раз с осторожностью и трепетом мы собирали осколки изоляторов, куски проволоки, части разбитой аппаратуры. Карманы моих брюк были заполнены стеклянными трубками (сепарация от кислотных аккумуляторов). Наутро первые в моей жизни настоя-

щие брюки (а не штанишки!) являли печальное зрелище: карманы и штанины были целиком съедены кислотой. Других брюк у меня не было, а приобрести новые в те годы было очень трудно. Так что мама, к сожалению, меня не поняла.

Таким образом я познакомился с миром радиотехники. Лишь много лет спустя появилась популярная книга «Радио...? Это просто». В те же далекие годы подобных книг не было. До всего приходилось доходить своим умом. И у меня имелись основания полагать, что радио... это совсем не просто!

Годы были до предела тяжелыми. Первая мировая война, а затем интервенция породили разруху, голод, холод, эпидемии. Большинство заводов и фабрик было парализовано. В дома не подавалось электричество, от морозов спасались у «буржеек». Их топили бумагой, мебелью, на дрова разбирали деревянные домишки. У булочных стояли вечные очереди: на одну карточку выдавали три осьмушки хлеба (150 граммов).

Телеграф, телефон и почта, полученные в наследство молодой Республикой Советов, находились в тяжелейшем состоянии. Полукустарная промышленность едва сводила концы с концами. Учреждения и заводы связи испытывали острейший недостаток в кадрах. Однако, несмотря на все это, ученые и специалисты в первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции приступили к созданию отечественной радиотехники. И в этом большая заслуга В. И. Ленина, который прекрасно понимал значение радиосвязи для нужд страны. Именно по его инициативе в 1918 году была создана радиолaborатория в Нижнем Новгороде (нынешний Горький), ставшая колыбелью отечественной радиотехники. Она по существу была первым в России радиотехническим исследовательским институтом, объединившим лучшие научно-технические силы страны. Одной из первоочередных задач лаборатории было создание станций для радиовещания. «Пользуюсь случаем, — писал в 1920 году В. И. Ленин М. А. Бонч-Бруевичу, руководителю Нижегородской радиолaborатории, — чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радионизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам» *.

Ныне на планете насчитываются десятки тысяч радиовещательных станций. А тогда, в 20-х годах, в разных странах только начали появляться первенцы широковещания. В 1922 году первой в Европе начала работать радиовещательная станция имени Коминтерна в Москве.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 130.

В стране тогда было всего несколько сот радиоприемников. Они находились в основном на станциях Наркомпочтеля. Для населения радиоприемников не изготавливали. Любознательные любители мастерили их сами. В ход шли всякие подсобные материалы.

В начале 20-х годов у нас в стране сформировалось общественно-техническое движение, получившее название радиолюбительства. Официальным днем его рождения считают 28 июля 1924 года, когда Совет Народных Комиссаров принял постановление «О частных приемных радиостанциях». Оно разрешало гражданам страны пользоваться радиоприемниками.

Все семьдесят с лишним лет, прошедшие после первых опытов А. С. Попова, развитие радиосвязи шло семимильными шагами. Радиотехника миновала детство, отрочество, юность, наступила ее зрелость — расцвет радиоэлектроники. И ныне, вероятно, не каждый знает, что за делениями на шкале приемника, отмечающими диапазоны длинных, средних, коротких и ультракоротких волн, стоят многие годы кропотливого труда, удивительные истории и события.

Первые два десятилетия после изобретения радио в радиосвязи беспредельно господствовали длинные волны (свыше 3000 метров). Теория и практика тех лет не оставляли сомнений, что с увеличением длины волны устойчивость связи на больших расстояниях значительно возрастает. Казалось, ничто не может поколебать господство длинноволновых колоссов. Значительные затраты на их строительство, низкий КПД, потребность в огромных земельных участках для установки антенн (многие десятки гектаров) — вот каковы были слабые стороны длинных волн, казавшиеся неизбежными. Средневолновому диапазону (200—3000 метров) отводилась второстепенная роль. В те годы уже было экспериментально доказано, что в этом диапазоне линии связи значительной протяженности действуют ненадежно.

И наконец, короткие волны (10—200 метров). Официальная радиотехника считала их непригодными для устойчивой дальней связи. Международный консультативный комитет по радиосвязи, распределяющий диапазоны частот между службами и ведомствами, предоставил волны короче 200 метров, как не имеющие практического значения, радиолюбителям. Этим актом официальные ведомства убивали сразу двух зайцев: разрешали докучливым радиолюбителям работать в эфире и исключали возможность создания ими помех правительственным длинноволновым станциям.

И вот на рубеже 20-х годов вопреки академическим канонам того времени произошло парадоксальное событие. Короткие волны начали завоевывать мир. Наступила эра коротких волн, которая по праву может быть названа вторым рождением радио. По-

истине невероятным был не только сам факт этого революционного достижения, но и то, что честь открытия сверхдальней связи на коротких волнах при ничтожных мощностях радиостанций принадлежала радиолюбителям.

Первые любители-коротковолновики, используя предоставленное им право работать в эфире в «бросовом» диапазоне, изучали физику, электротехнику, собирали радиоаппаратуру собственной конструкции и, не помышляя о завоевании мира, проводили свои опыты. Были у них скромные успехи, были и неудачи. Открыв чисто эмпирически возможности нового диапазона, они вскоре начали вести межконтинентальные связи, а затем работать и с антиподами.

Поначалу большинство специалистов за рубежом, да и в нашей стране относились к сообщениям об успехах коротковолновиков, мягко говоря, скептически. Наиболее консервативные из них обвиняли радиолюбителей в фальсификации и дилетантизме, и произойди это в средние века, коротковолновики вряд ли избежали бы участи еретиков. Однако трезво мыслящие ученые и специалисты под давлением фактов пытались теоретически осмыслить природу феноменально благоприятных условий распространения коротких волн. И это было нелегко, так как в те годы об ионосфере мало что знали... Пока ученые разбирались в механизме распространения коротких волн, коротковолновики продолжали свое дело.

В признанной «радиостоллице» тех лет — Нижнем Новгороде — в 1923 году первым получил официальное разрешение работать в эфире на коротких волнах радиолюбитель Ф. А. Лбов, а затем нижегородцы Ю. Аникин, В. Ванеев, В. Гржибовский, А. Кожевников и, наконец, первая коллективная радиостанция города.

Первые радиолюбители обладали более чем скромными средствами и возможностями. Правда, от простых смертных их отличала границающая с фанатизмом страсть к экспериментам. Все свое свободное время эти люди отдавали радиотехнике, бескорыстной страсти творить, пробовать, созидать. Понятие «любитель» не равноценно слову «дилетант». Любителями были подмастерье переплетчика Майкл Фарадей, великий физик, основоположник современной электротехники; химик Александр Порфирьевич Бородин, талантливый музыкант и композитор; учитель Константин Эдуардович Циолковский, провозвестник космической эры.

Трудно передать словами чувства, охватывающие радиолюбителя-коротковолновика в минуты связи с товарищем по эфиру, будь он на соседней улице, а еще лучше в Рио-де-Жанейро или Владивостоке! Чувства эти многогранны: в них — удовлетворение экспериментатора, завершившего серию долгих опытов; сталевара, выдавшего металл; радостного путешественника либо моряка, достигшего желанного берега; гордого альпиниста, покорившего вершину.

Коротковолновики — вечные путешественники. Правда, они не разъезжают по свету, а совершают свои увлекательные экскурсии по странам и континентам, сидя, чаще всего ночью, у своих домашних радиостанций, прильнув к наушникам и посылая в эфир вереницы точек и тире. Они отличные знатоки географии. Иначе работа в эфире все равно что путешествие с закрытыми глазами. Иначе им не «прочитать» адреса своих корреспондентов, закодированные буквами и цифрами позывных.

Советские коротковолновики не были кустарями-одиночками. С 1924 года радиолюбителей объединило Общество друзей радио и его многочисленные ячейки на местах, которые имели в своем составе секции коротких волн (СКВ). Над коротковолновиками шефствовал ЦК ВЛКСМ. Сейчас радиолюбители являются одним из отрядов ДОСААФ.

Особенно массовый характер коротковолновое движение приобрело в конце 20-х годов. Секции коротких волн организовывались во многих городах во Дворцах культуры, на предприятиях, в институтах и школах. При секциях работали курсы радистов и радиотехников, создавались коллективные радиостанции. На них велось постоянное дежурство в эфире. Секции имели библиотеки, неплохо оснащенные лаборатории и мастерские. Занимаясь в них, молодежь разрабатывала оригинальные передвижные станции.

В проведении экспериментов коротковолновиков участвовали тысячи энтузиастов, которых можно считать специалистами, поскольку они сочетали в себе и знание и умение.

Первопроходцы-коротковолновики в 20-х и 30-х годах экспериментировали и работали поистине везде: на земле, в небе и на море, на всех меридианах и параллелях. Потребность в средствах связи у народного хозяйства была огромна. Страна вступила в пору первых пятилеток, ей нужны были уголь и нефть, сталь и медь, апатиты и древесина, цемент и золото. В тайге и в пустынях поднимались леса новостроек, прокладывались железные дороги, каналы, воздушные трассы. Во все концы страны — от Арктики до Памира, от Кольского полуострова до Чукотки снаряжались сотни исследовательских, изыскательских и разведывательных партий. Всем как воздух была нужна связь.

Радиопромышленность, радиотехнические научно-исследовательские институты по существу только зарождались и еще не встали на ноги. Они не могли удовлетворить потребности страны в технических средствах связи и кадрах. И тогда там, где было трудно, подставляли плечо и принимали ношу на себя энтузиасты-коротковолновики.

В экспедиции по рекам Урала находился радиолюбитель из Нижнего Новгорода В. Евсеев. Связь в экспедиции С. В. Обру-

чева, проводившей исследования Колымы, держал владивостокский радиолюбитель Б. Прусевич. Ленинградец Г. Тилло организовал на лесосплаве и в леспромхозах Нижегородского края сеть коротковолновых радиостанций. В. Ванеев, В. Волков и другие взяли на себя организацию радиосвязи приисков Союззолота с Центром. В. Нелепец и П. Кондрашов экспериментировали на железных дорогах, выясняя возможность связи на ходу поезда.

Кто только не знал тогда радиостанцию ленинградского областного совета Общества друзей радио! Операторами ее были лучшие из лучших коротковолновиков Ленинграда — К. Дьяченко, С. Михеев, П. Яковлев, Л. Шрадер и другие. Руководили работой коллектива в разные годы Н. Стромилов, В. Волков, А. Войтович, Д. Аралов и Е. Иванов. По расписанию радиостанция эта держала связь с Землей Франца-Иосифа, Новой Землей, радиостанциями Апатитстрой на Кольском полуострове, Прибалхашстрой, Союззолота. Часто звонили из Смольного и расспрашивали дежурных радистов о событиях в далеких краях. Нередко в яхт-клуб, где помещалась радиостанция, заезжал академик А. Е. Ферман, чтобы из первых рук получить срочные донесения от геологов и добытчиков Кольского полуострова.

Условия работы в яхт-клубе, располагавшемся на Крестовском острове, особенно зимой, были не лучше, чем на некоторых полярных зимовках. Помещение не отапливалось, до ближайшей трамвайной остановки добираться надо было в метель и по сугробам не меньше часа. А ведь работали там на общественных началах, в свободное от службы и учебы время. На долю некоторых выпадали ночные часы. Но сопричастность к событиям, о которых они узнавали первыми в стране, приносила всем большое удовлетворение и радость.

Кроме операторов коллективных станций, сотни коротковолновиков по всей стране следили за работой своих путешествующих товарищей, готовые в любую минуту протянуть им руку помощи.

В свое время выдающийся физик С. И. Вавилов писал, что «ни в одной области человеческих знаний не было такой массовой общественно-технической самодеятельности, охватывающей людей самых различных возрастов и профессий, как в радиотехнике. Радиолюбительство — это могучее движение, которое привело к участию в радиоэкспериментах тысячи энтузиастов, посвятивших свой досуг технике...».

К сожалению, сегодня еще не написана чрезвычайно интересная история коротковолновых университетов. Она ждет своих исследователей и мастеров пера. Авторы же поставили своей целью раскрыть перед читателями только несколько ее страниц, показать, как шли непроторенным путем первопроходцы эфира.

КОРОТКОВОЛНОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

*40 часов на воздушном шаре.
Первая в мире «YL»-Экспеди-
ция на «крышу мира»*

Инициатором первого полета на аэростате с коротковолновой радиостанцией на борту был москвич А. Смелов. Аэростат был сделан Осоавиахимовцами Московского воздушного отряда. В начале 1928 года А. Смелов обратился в Центральную секцию коротких волн, которая располагалась на Варварке (ныне улица Степана Разина), с просьбой предоставить коротковолновую радию. Радиолюбители к «затее» Смелова отнеслись с пониманием и в тот же день собрали людей на совещание. «Мозговой трест» секции предложение Смелова нашел интересным. Сразу же обсудили различные конструктивные особенности коротковолновой радиостанции для аэростата. Вторым аэронавтом единодушно выбрали Давида Липманова, признанного вожака московских радиолюбителей.

...17 марта 1928 года был ясный безоблачный день. На площадке для запуска аэростатов газового завода в Кунцево собралось много народа. Окружающие ее заборы облепила ребятня и взрослая безбилетная публика. Среди многочисленных гостей и работников завода со строгим видом прохаживались блюстители порядка. В стороне расположилась на всякий случай пожарная команда.

В углу у забора тихо покачивался золотистый шар, накрепко пригвожденный к земле веревками с тяжелым балластом. У корзины, сплошь загруженной приборами, деловито суетились люди. Один из них, пилот Смелов, отдавал все время какие-то распоряжения, другой, радист Липманов, что-то поправлял в радиоаппаратуре.

Наконец оба аэронавта забрались в корзину. Едва они втиснулись в нее, как над площадью прогремела команда:

— Выдернуть поясные!

Шар теперь удерживали лишь десятки рук красноармейцев корзиночной команды.

— Пустить корзину! — И освободившийся аэростат под звуки оркестра и возгласы собравшихся плавно пошел вверх.

Земля уходила все дальше и дальше, постепенно становясь похожей на страницы гигантского атласа. Москва, окутанная сероватой дымкой, медленно уплывала за горизонт. Ветер относил шар на юго-запад, по направлению к Калуге.

Радист включил радиостанцию:

— Всем, всем, всем... — морзянкой полетело в эфир.

А тем временем в Ленинграде, Москве, Нижнем Новгороде и в других городах коротковолновики лихорадочно «прочесывали» эфир в поисках аэронавтов.

С начала полета на квартире ленинградцев Павла Александровича Гилярова и его сестры Маруси было установлено круглосуточное дежурство. Радиолюбительством в семье Гиляровых первым «заболел» Павел, прирожденный исследователь и изобретатель. Он был одним из основателей Ленинградской секции коротких волн. Павел увлек радиотехникой и свою младшую сестру Марусю. Она изучила телеграфную азбуку и стала активным оператором их домашней радиостанции. Гилярова была первой в мире женщиной-коротковолновиком. Впервые она вышла в эфир в 1926 году. Понятно, что популярность ее среди радиолюбителей была велика: стоило ей сесть за радиостанцию и сообщить морзянкой, что работает «YL» (на языке радиокода — представительница прекрасного пола), как среди рыцарей эфира начинался переполох. Все спешили переговорить с Марусей. Желающих порой было так много, что им приходилось, запасаясь терпением, выстраиваться в очередь.

Ныне Мария Александровна Гилярова геолог, доктор геологических наук, профессор Ленинградского государственного университета.

...Ранним утром 18 марта 1928 года у приемника в квартире Гиляровых дежурили Симон Бриман и Маруся. Они поочередно садились за телеграфный ключ и звали аэронавтов. Вдруг среди мерного говора европейских станций отчетливо и громко прозвучал вызов Липманова. Через несколько минут связь с ним была установлена. Начался долгожданный радиоразговор, который продолжался несколько часов. Гиляров метался от застекленной пристройки, где находилась радиостанция, к телефону, передавая депеши в Москву — в Общество друзей радио и принимая сообщения для аэронавтов.

Так была установлена первая двусторонняя связь аэронавтов с корреспондентами на территории нашей страны. Позже радиолюбители и других городов связались с Липмановым.

40 часов 32 минуты продолжался полет. Это был всесоюзный рекорд для воздушных шаров аналогичной кубатуры. В журналах и газетах того времени писали: «Короткие волны завоевали не только пространство, но и высоту!»

После первого удачного полета был организован групповой полет трех радиофицированных аэростатов. Во время полета радиооператоры вели связь не только с корреспондентами на земле, но и между собой.

Об одном из них — Николае Афанасьевиче Байкузове — следует рассказать особо, так как он впоследствии сыграл важную роль в организации радиосвязи в отечественной авиации. Кто знает, может, уже тогда, в тесной корзине аэростата, парившего в облаках, у него зародилась мечта применить короткие волны в авиации. Полет стал в какой-то степени предвестником судьбы самого Байкузова, который прошел путь от рядового оператора радиостанции Гражданского воздушного флота до генерал-майора, начальника Управления связи и радионавигации авиации дальнего действия. Эскадрильи этой авиации в годы Великой Отечественной войны совершали налеты на военные объекты в глубоком тылу врага. И сам генерал не раз занимал место штурмана в отсеке бомбардировщика.

Друзья и сослуживцы Байкузова рассказывают, что после тревожной ночи и возвращения наших эскадрилий на базу генерал переключал все аппараты высокочастотной связи на адъютанта, вынимал из рабочего стола чертежи и тетради с расчетами и погружался над ними в раздумья. После такой «зарядки», помолодевший, полный бодрости, он выезжал в конструкторское бюро и на заводы.

Каким-то непостижимым образом Байкузов успевал не только изобретать, конструировать и испытывать свои радиоустройства, но и чуть ли не каждый день, настроившись на короткую волну, выходить в мировой радиолюбительский эфир, широко распахнув «двери» своей домашней радиостанции. А там рядом с передатчиком на стене висели бережно хранимые реликвии: ящик от передатчика аэростата и грамота, подписанная руководителем экспедиции на ледоколе «Малыгин» В. Ю. Визе и капитаном Д. Т. Чертковым (в той экспедиции Николай Афанасьевич был радистом, и грамота — оценка его мастерства).

В 1937 году на архипелаге Земли Франца-Иосифа, в районе острова Рудольфа и бухты Тихой, в преддверии полярной ночи пилоты Б. В. Бицкий и И. С. Котов, а с ними штурман-радист Байкузов на легких самолетах Р-5 принимали участие в поиске Сигизмунда Леваневского. Поиск оказался безуспешным. И в эти тревожные дни Байкузов выкраивал время для экспериментальной связи на коротких волнах. В один из полетных, пуржливых

дней, покинув уютное общежитие авиабазы на острове Рудольфа, полярной ночью пешком он отправился за несколько километров на ледниковый купол, где на взлетной полосе на якорах и расчалках стоял, содрогаясь от ветра, Р-5. С трудом втиснувшись в кабину, Байкузов включил радиостанцию и, все забыв, погрузился в мир дальних связей.

Тем временем ветер перешел в штормовой, пурга занесла выходной люк, и зайдому путешественнику в эфире представилась возможность без «помех» (и без еды, разумеется) провести 36-часовой коротковолновый марафон. Закончился он, когда самолет и полузамерзшего радиста откопали из-под снега. Эксперимент не прошел бесследно, местное командование вынесло будущему генералу заслуженную «благодарность»...

Смогут ли короткие волны преодолеть горные хребты? На этот вопрос в 1928 году никто еще не мог дать ответ. И вот представился случай разгадать и эту загадку.

На «крышу мира» — Памир — Академия наук СССР снаряжала комплексную советско-германскую экспедицию. В ней должны были принять участие известные ученые и видные государственные деятели. По просьбе АН СССР Ленинградская секция коротких волн командировала в экспедицию Виктора Табульского и Симона Бримана.

Сегодня любое подобное географическое мероприятие немислимо без радиосвязи. На вооружении геологов и альпинистов многообразная гамма радиосредств — портативных, величиной чуть больше карманного фонарика, надежных и неприхотливых. А тогда это был первый опыт содружества путешественников земных и «эфирных». И тем и другим предстояло проникнуть в неведомое: одним — за мощную стену Заалайского хребта, за которой лежала неисследованная область, своеобразная высокогорная пустыня с чертами полярного ландшафта, другим — приподнять плотный «занавес» прохождения радиоволн в горах.

...До отъезда оставалась неделя. Каждый вечер на квартиру к Виктору Табульскому заглядывали пять-шесть ленинградских коротковолнников. Работы хватало всем. Нужно было срочно подготовить походную аппаратуру для путешествия на Памир. В день отъезда, 17 июля 1928 года, к скромному багажу радиоотряда прибавилось два изящных фанерных чемодана, в каждом из которых размещалось по радиостанции. Их длинноволновая «сестрица» фирмы «Телефункен», предоставленная Академией наук СССР, занимала шесть увесистых дубовых чемоданов. Все экспедиция на Памир в ту пору отправлялись из Оша. На второй день пути, в 45 километрах от него, радиоотряд экспедиции остановился на привал. В 20.00 с горных вершин в эфир впервые полетело: «Всем, всем...» И только в четыре часа памирцам ответил

коротковолновик из Тифлиса. Так что не подвели короткие волны и в горах.

Когда отряд прибыл в Алай на место стоянки метеорологической станции экспедиции, у радистов закипела работа: поток телеграмм в Академию наук, Пулковскую обсерваторию, в газеты, родным и близким захлестнул их. И все же им удавалось выкроить время и для исследований в эфире.

30 сентября экспедиция закончила работу и двинулась в обратный путь. 6 октября руководитель ее, Н. П. Горбунов, продиктовал последнюю радиogramму в газету «Известия»: «...отмечаю большие достижения советской радиообщественности и блестящую работу радиоотряда экспедиции... Установлена уверенная двусторонняя связь с центром и другими городами Союза, проведены опыты по связи с Индией, Африкой, Германией, Данией, Финляндией, Францией и другими странами. Выявлено, что высокие горные хребты не являются серьезным препятствием для коротких волн, но сильно затрудняют распространение длинных. Местная связь на всем Памире надежна и возможна».

Так короткие волны взяли еще один рубеж. Удачный опыт радиосвязи в горах моментально подхватили и продолжили коротковолновики разных городов страны. Со своими радиостанциями они устремились в пустыни и тайгу, морские походы и на арктические зимовки.

В том же году из Ленинграда в Одессу с заходом в торговые порты Западной Европы вышло учебное парусное судно «Вега». На нем шел один из активнейших членов Ленинградской секции коротких волн — Евгений Андреев. Несмотря на то что он работал на малоомощной коротковолновой радиостанции, ему удавалось связаться с радиолюбителями разных городов Советского Союза на расстоянии в 2—3 тысячи километров. Годом позже Ленинградская секция коротких волн направила Е. Андреева, В. Табульского и И. Якубайтиса в экспедицию АН СССР в пустыню Каракумы.

Наверное, не было в те годы ни одной сколько-нибудь значительной экспедиции или партии, в которой бы не приняли участие радиолюбители-коротковолновики.

ПРОБА СИЛ В АРКТИКЕ

*Катастрофа дирижабля
«Италия» и радио. Пять слов,
которые изменили всю мою
жизнь*

24 мая 1928 года мир облетела сенсационная весть. Экспедиция итальянского авиаконструктора Умберто Нобиле на дирижабле «Италия» достигла Северного полюса. Со всех континентов в Рим хлынул поток поздравлений. Однако тут же мир снова затаил дыхание, на сей раз ошеломленный известием о том, что связь с «Италией» прервалась и дирижабль не вернулся на базу.

Советские люди первыми откликнулись на это трагическое сообщение. Уже 29 мая при Осоавиахиме СССР был создан Комитет по оказанию помощи экипажу «Италия». И в тот же день передано обращение: «Всем коротковолновым станциям Сибири... Дано срочное задание во что бы то ни стало обнаружить и связаться с северной экспедицией Нобиле. Позывные неизвестны... Весь мир ищет пропавшую экспедицию». С таким же призывом обратились к своим радистам Гидрографическое управление, Академия наук СССР, Институт по изучению Севера.

Тысячи радистов профессионалов и любителей сутками не отходили от своих радиостанций. До боли в ушах они вслушивались в эфир. Так прошли день, два, три — и никаких вестей.

...А тем временем в небольшом селе Вознесенье-Вохма, примостившемся в излучине одного из притоков Ветлуги, текла тихая, по-деревенски неторопливая жизнь. Частенько вечерами вохомцы собирались в киноклубе. Киномеханик, он же тракторист, Николай Шмидт заводил в сарай у клуба свой трактор, соединял его мотор приводным ремнем с динамо-машиной и запускал киноустановку. Начинаясь показ кинофильма.

О мировой славе в селе никто не помышлял. Однако настал день, когда мальчишки-газетчики в Лондоне и Париже, Риме и Нью-Йорке, Гааге и Берлине, на перекрестках и площадях, захлебываясь, стали выкрикивать непонятное название далекого

села и имя сельского парня Николая Шмидта. «Нобиле разговаривает с комсомольцем» — это сообщение, после того как целую неделю ничего не было известно о судьбе экипажа «Италии», стало сенсацией номер один.

Как это произошло? Кто такой Шмидт? Мир ждал подробностей.

...Произошло это 3 июня. Шел восьмой час вечера. У радиостанции в маленькой избушке на окраине села, за оврагом, сидели двое: один постарше — худощавый, высокий и чуть сутулый киномеханик Николай Шмидт, другой — семнадцатилетний юноша, ученик третьего класса школы второй ступени Михаил Смирнов. Оба страстные радиолюбители, готовые день и ночь сидеть у своих неказистых радиоаппаратов. Сделали они их сами. Антенной им служил провод, протянутый между двумя жердями: одной — у дома, другой — закрепленной на верхушке высоченной ели у слесарной мастерской.

Николай, как всегда, внимательно прослушивал эфир. Сильные атмосферные шумы и замирания мешали приему. И вдруг сквозь помехи послышались сигналы морзянки. «Италия... Нобиле... Франц Иосиф... sos... sos... sos... терре... тено...» — едва разобрал радист. Они все время повторялись, то исчезая, то молящим зовом прорываясь сквозь помехи. «Что бы это могло значить?» — подумал Николай. В далеком селе ничего не знали о постигшей «Италию» катастрофе. Не дошел до радиолюбителей и призыв Осоавиахима.

— Кому-то срочно нужна помощь, — взволнованно сказал Николай. — Надо сообщить. — И друзья бегом бросились на почту.

— Срочно в Москву, — протягивая телеграфисту бланк телеграммы, адресованной в Общество друзей радио СССР, скороговоркой произнес радист. И только тут сообразил, что денег для оплаты телеграммы у них нет, второпях забыли взять. Но их друг телеграфист поверил им и принял послание в кредит.

Полученные сведения были немедленно переданы Комитету помощи «Италии» и затем в итальянское консульство. На плавучую базу экспедиции «Читта ди Милано» отправлена телеграмма.

В Советском Союзе начали срочно снаряжать спасательную экспедицию. На поиски затерянной во льдах горстки людей Комитет помощи решил отправить ледоколы «Малыгин» и «Красин» и ледокольный пароход «Георгий Седов», а также научное судно «Персей». Их требовалось снарядить в считанные дни. Люди забыли об отдыхе; то, на что обычно уходили недели, делали за сутки. В итоге рекордные цифры: через 4 суток 7 часов 40 минут «Красин» был готов к выходу. Ему предстояло вести поиск на северо-западе от Шпицбергена, «Малыгину» — на юго-востоке, а «Георгию Седо-

ву» — в районе Земли Франца-Иосифа. Задачей «Персея» было вести ледовую разведку и поддерживать связь с группой Нобиле. На борту кораблей находились самолеты и экипажи летчиков Б. Г. Чухновского и М. С. Бабушкина.

Спасательную экспедицию снаряжала вся страна. Не остались в стороне от этих событий специалисты радиосвязи и радиолюбители. В спешном порядке и те и другие решили дополнить радиоимущество ледоколов коротковолновыми станциями. Ведь в этой экспедиции радио отводилась особая роль: необходимо было из одного центра руководить действиями нескольких судов и самолетов. Судовые же радиостанции в ту пору работали только на длинных волнах и не отличались особой «дальностью». Радиogramмы шли по цепочке береговых станций, большей частью иностранных, из-за чего подолгу задерживались. Так что об оперативной связи не могло быть и речи. Вся надежда возлагалась на короткие волны. Предпринимаемая экспедиция должна была стать для коротковолнников серьезным испытанием — первой пробой сил в Арктике.

Ленинградская секция коротких волн подготовила необходимую радиоаппаратуру за 48 часов. С ней на «Красин» командировался Г. Добровольский. На «Малыгине» шли со своими коротковолновыми радиостанциями нижегородский радиолюбитель А. Кожевников и представитель Научно-исследовательского института РККА Плевако. С борта «Персея» на коротких волнах работал нижегородец В. Гржибовский. Взял с собой в плавание, правда в разобранном виде, свою станцию заврадио «Красина» Иван Георгиевич Экштейн. Это был опытный радист, прошедший в морях и океанах многие годы, один из первых ленинградских коротковолнников.

Итак, «Красин» спешил на помощь... Штатным радистам ледокола И. Экштейну, И. Юдихину и А. Бакулину приходилось нести круглосуточную вахту в очень тяжелых условиях. Велик был поток корреспонденции: официальные сообщения руководства, связь с другими судами и самолетами, постоянные переговоры с «Читта ди Милано», телеграммы в десять московских и ленинградских газет, короткие весточки команды и членов экспедиции на Большую землю, домой.

Однако главной их бедой стала старенькая судовая длинноволновая радиостанция, как говорил Экштейн, «до Ноева ковчега построенная». Коротковолновый передатчик Добровольского работал с большими перебоями из-за помех, которые создавала ему судовая радиостанция. Экштейн не имел ни одной свободной минуты, чтобы собрать свою коротковолновую станцию. Радиogramмы приходилось передавать через маленькую радиостанцию в Грин-Харборе на Шпицбергене. Но норвежский радист обслуживал 14 спасательных судов, и на долю «Красина» в сутки в лучшем случае выпадало 15 ми-

пут. И за это время надо было передать всю накопившуюся за день корреспонденцию!

Вся надежда была на товарищей с «Малыгина», только им удавалось держать устойчивую связь с Москвой на коротких волнах.

И вот по радиомосту с одного судна на другое летят спешные сообщения в Москву, в Комитет помощи «Италии».

Да, радио в этой экспедиции сыграло поистине решающую роль. Радиоволны принесли подробности трагедии, разыгравшейся во льдах на 82-й параллели, рассказали о жизни потерпевших в ледовом лагере — «Красной палатке». Когда «Красин» был уже в пути, по радио пришло еще одно трагическое сообщение: без вести пропал известный норвежский полярный исследователь Руал Амундсен, вылетевший с пятью спутниками на самолете «Латам» разыскивать Нобиле. Отныне «Красину» предстояло искать и его.

По радио Чухновский передал на «Красин» координаты льдины, на которой его экипаж обнаружил группу Мальмгрена, покинувшую лагерь Нобиле. Наконец, уже после того как «Красин» нашел и принял на борт ледовых пленников «Красной палатки», радисты услышали призыв о помощи с океанского судна «Монте Сервантес» с полутора тысячами туристов на борту. И ледокол устремился к тонущему судну.

Во время этой спасательной операции одним из героев дня стал Иван Георгиевич Экштейн. Он блестяще владел несколькими языками, поэтому все время находился рядом с нашими водолазами, которые заделывали пробойну в корпусе германского судна. Помощник капитана «Монте Сервантеса» предложил Экштейну познакомиться с немецким радистом. Иван Георгиевич охотно согласился. Но едва он поднялся по штурмтрапу на палубу корабля, как его окружила толпа туристов. Одни его о чем-то спрашивали, другие приглашали зайти к ним в каюту, третьи рассматривали с нескрываемым любопытством.

— Простите, господа, но я спешу, — с растерянностью повторял радист, пытаясь пробраться к радиорубке. Но это ему никак не удавалось. Тогда кто-то из толпы посоветовал:

— Дайте им что-нибудь на память!

Экштейн с сожалением посмотрел на свои пустые руки.

— Ну хоть пуговицу от кителя! — продолжал подсказывать доброжелатель.

Потеряв всякую надежду освободиться от пассажиров «Монте Сервантеса», Экштейн оторвал сверкающую металлическую пуговицу и робко протянул ее стоявшей рядом девушке. Через несколько минут на кителе радиста не осталось ни одной пуговицы... Но подобные эпизоды были на «Красине» исключением, а повседневная жизнь была заполнена работой, весьма далекой от развлечений.

Итак, советские люди блестяще осуществили свою гуманную миссию — спасли оставшихся в живых, затерянных среди льдов участников экспедиции Нобиле. Весь мир рукоплескал их подвигу. Возникает вопрос: почему это удалось русским? Ведь в спасательных операциях участвовали 16 судов и 21 самолет шести стран! Профессор Р. Л. Самойлович, начальник экспедиции на «Красине», ответил так: «Чрезвычайно удачным надо считать соединение радио, ледокола и самолета для совместной работы по поискам потерпевших».

Ну а что касается первого эксперимента использования коротких волн в Арктике, то об этом лучше всего сказал начальник Военно-технического управления РККА командарм И. А. Халепский: «Организация радиосвязи на коротких волнах в столь ответственной экспедиции полностью и целиком оправдалась. Все, что сделано научно-исследовательским институтом РККА и нашей радиообщественностью, говорит о том, что молодая советская радиотехника имеет огромные перспективы в деле развития и применения коротких волн. Нам удалось выдержать экзамен перед лицом всего радиотелеграфного мира».

Вначале очень неуверенно и полустихийно начался нелегкий и долгий путь внедрения коротких волн в Арктике. Наравне с ледоколами, авиацией, службой льда и погоды коротковолновая связь была одним из слагаемых, обеспечивших превращение Северного морского пути в нормально действующую транспортную магистраль.

Наступил 1930 год — год, когда была организована экспедиция на непохоженую Северную Землю. Тогда об этой Земле еще почти ничего не знали: ни о ее конфигурации, ни о ее размерах. Радистом в экспедицию пригласили меня, к тому времени заядлого радиолюбителя-коротковолновика.

Теперь советским людям с трудом верится, что для юношей и девушек моего поколения выбор работы часто определялся не стремлением и призванием, а очередью на бирже труда. В 1925 году после окончания школы по направлению биржи, которая находилась на Кроновском проспекте Петроградской стороны, меня приняли на временную работу грузчиком морского торгового порта. После месяцев ожидания в очереди это был праздник для молодого, полного сил парня, старшего сына в семье.

Морской порт уже сам по себе полон романтики: суда под флагами разных стран, разные языки, экзотические лица и одежда моряков. Мы грузили душистые бревна, идущие на экспорт, и выгружали из трюмов иностранных «купцов» какао-бобы в больших джутовых мешках и другие заморские товары. Для грузчиков тех лет основными средствами «механизации» служили молодые плечи и спины, ватный стеганый жакет и стальной крюк-кошка. Плечи

побаливали, но сдельщина подстегивала. Бригада, как в беличем колесе, без усталости бегала по трапам с пристани на палубу, в трюм и обратно. Обеденные перерывы, все перекуры и случавшиеся простои бригады я проводил в радиорубках торговых кораблей.

Техника судовой радиосвязи той поры не блистала совершенством: длинноволновая, и в основном искровая, поражала разнообразием, ибо была представлена марками всех радиоприемных аппаратов («Маркони», «Филипс», «Телефункен» и прочими), во всех модификациях, разных лет выпуска и преимущественно допотопная — коммерческое мореплавание экономило на всем.

Контакты с иностранными коллегами налаживались быстро: сначала — с помощью жестов и мимики, а потом переходили на язык радиотехников — смесь технических терминов, кодов, жаргона и отдельных слов на испанском, английском и других языках.

После порта та же биржа направила меня на работу подручным электрика на фабрику Гознак. Через три месяца мне самому уже придали несколько подручных. Мы монтировали распределительные устройства и высоковольтные подстанции, а после работы отправлялись во Дворец труда.

Там была радиовещательная станция, собирались радиотрансляционные узлы для заводов и фабрик города, работали радиокурсы, ведущие специалисты проводили консультации. Именно здесь зародился один из первых очагов радиолюбительского движения в стране — Группа экспериментирующих коротковолновиков. На ее коллективной станции я впервые в жизни и вышел в эфир. Надо ли говорить, что это значило для меня! Здесь я познакомился со многими коротковолновиками Ленинграда.

Довелось мне дежурить на этой станции и во время первых полетов радиофицированных аэростатов, и во время спасательных операций после катастрофы дирижабля «Италия».

Как известно, в это время в стране ощущался острый недостаток радиоспециалистов, а промышленность не могла обеспечить потребности различных отраслей народного хозяйства в профессиональной радиоаппаратуре. И здесь на помощь приходили общественные организации коротковолновиков.

Так, при областном совете ленинградского Общества друзей радио в 1929 году было создано общественное конструкторское бюро. В нем изготавливали и проектировали мощные коротковолновые станции. Его заказчиками были Главная геофизическая обсерватория, Союззолото, Прибалхашстрой и другие организации. В этом конструкторском бюро участвовали многие десятки коротковолновиков города. Приходили они сюда после работы или учебы, а некоторые из-за недостатка времени работали надомниками, изготавливая отдельные узлы станций ночами дома.

Один из таких передатчиков предназначался для Центрально-

го института прогнозов — ЦИПа. Служба связи ЦИПа испытывала большие трудности при сборе и передаче метеорологической информации, и руководители института возлагали большие надежды на короткие волны. Мне поручили установить и сдать изготовленный в конструкторском бюро передатчик.

В мае 1930 года я выехал в Москву. Это было мое первое знакомство со столицей. ЦИП в те годы размещался в особнячке на одной из тихих улочек старого Арбата. Установку аппаратуры удалось быстро закончить. Начались испытания — опытная радиосвязь с городами Европы, Сибири, Средней Азии. Во время одного из сеансов связи с Ленинградом мне передали короткую радиogramму: «Рекомендуем экспедицию Ушакова — Северную Землю». Эти пять слов изменили все мои планы на будущее, всю мою жизнь.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ

О чем рассказывают страницы истории. Путевка в Арктику. Первая встреча с полярным исследователем Георгием Алексеевичем Ушаковым

Далеко за полярным кругом, на севере Сибири, лежит гигантский по размерам, суровый, но вместе с тем богатый полуостров Таймыр. Его берега омывают воды Ледовитого океана. Впервые Таймырский полуостров обследовали и положили на карту отряды Великой Северной экспедиции XVIII века. Участник экспедиции Семен Иванович Челюскин 8 мая 1742 (ст. ст.) года достиг «края земли» — северной оконечности Таймыра и всего Азиатского материка. Позднее самая северная точка Азии была названа его именем.

К северу от мыса Челюскин, отделенная проливом шириной всего лишь в 60 километров, лежит Северная Земля. Это большой архипелаг, простирающийся с юга на север на 400 километров и состоящий из четырех крупных и многих мелких островов. Сурова природа Северной Земли, властвуют там лютые морозы, неистовствует пурга, и четыре месяца тянется полярная ночь. Но когда тьме ночи сменяет полярный день, под лучами незаходящего солнца острова и проливы архипелага предстают в первозданной красоте.

Многие тысячелетия назад Северная Земля составляла одно целое с Таймырским полуостровом. По ее холмам и долинам бродили и находили обильный корм стада мамонтов, овцебыки и другие обитатели нашей планеты. Крутые склоны высоких гор, как и ныне, изобиловали множеством птичьих базаров.

В конце последней ледниковой эпохи суша северной оконечности Азии под гигантской тяжестью льда начала медленно опускаться. Океан наступал, и его холодные воды заполняли все большие площади. «Край земли» принял современные очертания. Северная оконечность материка отделилась глубоким проливом и стала отдельным архипелагом. Его острова остались под панцирем ледников. Вымерли или успели отступить на юг мамонты. Вла-

дыкой Арктики стал белый медведь, проложивший бесчисленные тропы вдоль кромки льда у побережья полюбившейся ему земли. Пернатые жители архипелага стали кочевниками. Повинуясь «зову предков», они ежегодно совершают далекие перелеты, выводят на перодной Северной Земле потомство и после короткого полярного лета, спасаясь от холода, мигрируют на юг: в Индию и Китай, в Африку и Австралию.

Северная Земля занимает особое место в летописи географических исследований не только Северного Ледовитого, но и Мирового океана в целом. Она оказалась последним крупным участком суши, открытым на нашей планете. Веками закованный в лед океан закрывал подступы к этой Земле и хранил тайну ее существования. Да и после открытия еще долгие годы Северная Земля оставалась таинственной незнакомкой, скрывающей свой облик под вуалью недоступности.

Северная Земля была обследована и нанесена на географические карты только в наше время — в годы первой пятилетки — Советской арктической экспедицией выдающегося географа Георгия Алексеевича Ушакова.

Перед началом пути по Северной Земле вместе с ее первопроходцами коснемся немного истории географических путешествий и открытий на нашей планете. Первые ее страницы были вписаны задолго до нашей эры. Чем меньше оставалось «белых пятен» на географической карте, тем больше создавалось хранилищ для рукописей и книг о путешествиях и открытиях. Написанные от руки на папирусе и бересте или отпечатанные в типографиях, они захватывают и увлекают сильнее, чем сказки Шахразады. Но чтобы прочитать и пересказать их, одному человеку не хватило бы жизни.

Выдающаяся роль в географическом познании Земли принадлежит русским землепроходцам и мореходам. Вызывает восхищение «хождение за три моря» Афанасия Никитина, походы русских поморов «студеными морями», открытие ими Шницбергеном и Новой Земли, плавание в Мангазею и дальше на восток, вдоль берегов Таймыра, из Карского в море Лаптевых. В результате походов и плаваний Семена Дежнева и Ерофея Хабарова, работ Великой Северной экспедиции в 1733—1743 годах, плаваний Витуса Беринга и Алексея Чирикова, а также многих других русских первопроходцев были обследованы и нанесены на карту Сибирь от Урала до Тихого океана и все побережье Ледовитого океана, открыты Камчатка, Северо-Западная Америка, многочисленные острова в Тихом океане, доказано раздельное существование Азиатского и Американского континентов. В 1820 году экспедиция Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный» открыла Антарктический материк.

На рубеже XIX и XX столетий исследователи проникают в

последние, сокровенные уголки земного шара. Так, «Вега» Адольфа Норденшельда прошла Северо-Восточным проходом из Атлантического в Тихий океан, а «Йоа» Руала Амундсена — вдоль берегов Северной Америки Северо-Западным проходом. Легендарный «Фрам» Фритьофа Нансена проник с дрейфующими льдами в глубь Центрального арктического бассейна. Наконец, происходит покорение географических полюсов земли: Северного — Фредериком Куком и Робертом Пири в 1908—1909 годах и Южного — Руалом Амундсеном и Робертом Скоттом в 1911—1912 годах. Это было не только героической вехой в полярных исследованиях, но, как тогда казалось, и последней страницей в летописи географических открытий новых земель на нашей планете. Все материки, большие и малые земли, архипелаги и крупные острова были нанесены на географическую карту.

Правда, еще полярные исследователи А. Э. Норденшельд и Э. В. Толль высказывали обоснованные предположения о возможности существования суши к северу от Таймырского полуострова. Но на эти предположения не обратили должного внимания, и они оказались полузабытыми. Правда, в 1883 году датская экспедиция А. Ховгорда намеревалась проникнуть к Северному полюсу вдоль восточного берега «Большой Земли», которая, по мнению Ховгорда, должна была находиться к северу от мыса Челюскин. Однако в Карском море экспедиционное судно «Димфа» было затерто льдами, и датчане после вынужденной зимовки вернулись на родину.

И вот история преподнесла человечеству сюрприз.

В 1913 году планету облетело сенсационное сообщение об открытии русскими к северу от Таймырского полуострова новой неизвестной земли. Честь открытия и водружения на ней русского национального флага принадлежала Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач», руководимой в 1913—1915 годах Борисом Андреевичем Вилькицким. Открытая земля тогда была названа Землей Николая II*.

«Таймыр» и «Вайгач», следуя из Владивостока в Архангельск вдоль берегов Сибири, на подходах к мысу Челюскин встретили тяжелые, непроходимые льды. Нависла угроза зимовки. В поисках прохода в Карское море моряки вынуждены были отклониться от курса и следовать вдоль кромки льда на север. Вскоре они открыли небольшой остров, получивший название «Малый Таймыр». А еще через сутки их взору открылись гористые берега неведомой земли.

Так было совершено последнее великое географическое откры-

тие XX века — открытие архипелага, впоследствии получившего название Северной Земли.

В обширных залах архивов и книгохранилищ старинным рукописям и интереснейшим книгам о путешествиях всех времен и народов пришлось потесниться и предоставить место для документов, посвященных открытию и исследованиям последнего, ранее неизвестного архипелага планеты.

Неблагоприятные ледовые условия, туманы — спутники осени и, наконец, угроза вынужденной зимовки не позволили экспедиции на «Таймыре» и «Вайгаче» исследовать Северную Землю, определить границы ее простираения и размеры. Следуя вдоль кромки берегового припая на значительном расстоянии от берега, экспедиция смогла весьма приблизительно описать южное и частично восточное побережья. На географических картах появились неуверенные пунктирные линии этих берегов, Земля же осталась белым пятном.

Известный норвежский полярник О. Свердруп в этой связи в 1915 году говорил: «Русские сделали большое открытие, обнаружив новые земли к северу от мыса Челюскин. Но это полдела. Оно будет окончено, когда те же люди, которые открыли земли, их и исследуют»*. Но еще долгое время Северная Земля, по образному определению ее первооткрывателя Г. А. Ушакова, продолжала оставаться «нехоженой землей».

В год открытия Северной Земли в глухой таежной деревушке Амурского края жила многодетная семья казака-крестьянина Алексея Ушакова. Младшему из сыновей — Георгию исполнилось в тот год только двенадцать. Старшие братья, уходя надолго в тайгу на охоту, брали его с собой. Так Георгий с ранних лет познавал природу: любовался паводками могучих таежных рек, видел стихию лесных пожаров, в крепкие зимние морозы спал у костра, учился читать на земле следы зверя. Доводилось мальчугану и отсиживать на березе, спасаясь от разъяренной медведицы, и видеть прыжок смертельно раненного тигра. Там, в тайге, он встречал много смелых и сильных людей: потомков Ерофея Хабарова, Илейки Жука и других простых русских людей, искателей «воли и лучшей доли», дошедших много веков назад до берегов Амура и открывших миру значительную часть Азиатского материка. Восхищался Георгий этими людьми и перенимал от них все лучшее.

Мальчику тянуло к знаниям. После окончания сельской школы он перебрался в Хабаровск, где поступил в городское училище и окончил его. Скучные средства на существование Георгий добывал

* 11 января 1926 года Президиум ЦИК СССР своим постановлением переименовал Землю Николая II в Северную Землю.

* Н. И. Евгенов. Двадцатилетие открытия Северной Земли. — «Бюллетень Арктического ин-та». Л., 1933, № 9-10, с. 292.

работой уличного продавца газет, коротал ночи в ночлежном доме.

В пятнадцать лет судьба счастливо свела Ушакова со знаменитым исследователем Уссурийского края и писателем В. К. Арсеньевым. Он вытащил парня из ночлежки и взял на полевой сезон в экспедицию. Неизгладимый след в жизни Георгия оставило общение с В. К. Арсеньевым. У него он учился познавать и любить сложную жизнь природы. И В. К. Арсеньеву полюбилися целеустремленный юноша, за становлением которого как полярного исследователя он следил потом с отеческой заботой.

Еще подростком Ушаков прочел несколько книг о полярных путешествиях. Он стал мечтать об Арктике, о полуденном солнце и полярных сияниях. Его манила суровая природа Севера, борьба со стихией. Мечтал он и об учебе.

Но мечты сбылись нескоро, жизнь внесла в них поправки. В 17 лет Ушаков добровольцем вступил в Красную гвардию и участвовал в боях. А чуть позже в партизанском отряде Тетерина-Петрова, а потом в рядах 4-го Народно-революционного полка сражался за освобождение Приморья от интервентов и белогвардейцев. Во Владивостоке Ушакову довелось и начать в университете учиться, и вести подпольную работу в нелегальной большевистской ячейке.

...Первая мировая, а затем гражданская война надолго задержали изучение Северной Земли. В послевоенные годы рождались многие проекты экспедиции для ее исследования. В Академии наук и в Географическом обществе создавались авторитетные комиссии и подкомиссии, которые изучали поступающие проекты. Все они требовали для своего осуществления значительных сил и средств, а наша страна в те годы залечивала раны империалистического нашествия, разрухи и голода, поэтому крупных средств выделить не могла. Проекты неосуществленными оседали на полках архивов, а Северная Земля оставалась неисследованной.

С развитием авиации и воздухоплавания наши полярные окраины стали все больше привлекать внимание империалистических стран. Не только раздавались призывы, но и делались прямые попытки отторжения наших арктических островов Врангеля и Земли Франца-Иосифа.

Северная Земля, открытая русскими людьми, лежала у берегов нашей страны. Ее принадлежность к Советскому Союзу подтверждалась особыми государственными актами, и все же за границей проявляли к ней усиленный и весьма «неплатонический» интерес. Шведский капитан Баллен и американский исследователь Бартлетт готовились к походу на Северную Землю на морских судах. Немецкий аэронавигатор Бруне выдвигал проект исследования Земли с помощью дирижабля. Зимовавшая в 1919 году у

мыса Челюскин экспедиция Амундсена делала попытку дойти до Земли на собаках, но, встретив непроходимые торосы, была вынуждена повернуть свои упряжки назад. В 1928 году генерал Нобиле еще до полета к полюсу пытался достичь Северную Землю на дирижабле «Италия», но на подходе к ней туман и ветер преградили ему путь.

Президент Академии наук А. П. Карпинский еще в 1925 году писал: «Приходится вновь отметить исключительный интерес к нашим полярным окраинам, проявляемый различными иностранными исследователями... Создающееся таким образом положение заставляет с особым вниманием отнестись к вопросу об организации в срочном порядке русской экспедиции в район так называемой Земли Николая II, работы которой были важны не только с чисто научной точки зрения, но и по политическим соображениям, так как только таким путем возможно реально закрепить за СССР земли, лежащие у полярных берегов Сибири и частично уже открытые русскими моряками» *.

Шла первая пятилетка. Началась индустриализация страны. Строились Днепрогэс, Магнитка, Турксиб. На очереди стояло освоение Северного морского пути, а следовательно, и изучение Арктики.

С 1929 года работы в Арктике входили в народнохозяйственный план страны. Совет Народных Комиссаров образовал правительственную Арктическую комиссию, которая должна была разработать пятилетний план научно-исследовательских работ в арктических владениях Советского Союза, и в первую очередь представить в Совнарком конкретный план исследования Земли Франца-Иосифа, Новой Земли и Северной Земли.

Изучение Северной Земли и создание на ней опорных станций помимо политического и научного имели особое народнохозяйственное значение. Открытие этой Земли коренным образом меняло представление о возможности плавания Северным морским путем. Она, подобно тромбу в кровеносном сосуде, блокировала морскую трассу на самом тяжелом ее участке. Необходимо было безотлагательно определить простирающие и конфигурацию Северной Земли, а также выяснить ледовый режим и условия плавания в окружающих ее водах. Без этого было невозможно решить проблему планомерного использования Северного морского пути.

В этой ситуации Георгий Алексеевич Ушаков в конце 1929 года представил полярной комиссии Академии наук СССР свой проект исследования Северной Земли, который он задумал и вынашивал многие годы.

Г. А. Ушаков к тому времени был уже не новичком в Арктике.

* «История открытия и освоения Северного морского пути», т. III. Л., 1959, с. 353.

В 1926 году Дальневосточный крайисполком назначил его уполномоченным по управлению островами Северного Ледовитого океана — Врангеля и Геральда. Первому «губернатору» острова Врангеля было тогда всего 25 лет. Ему поручили организовать экспедицию на остров, исследовать его, положить на карту и создать на нем постоянное поселение и тем самым окончательно пресечь попытки отторжения острова от Советского Союза. За три года работы на острове Ушаков блестяще выполнил задание.

Г. А. Ушаков был первопроходцем и по призванию, и по жизненной закалке. Судьба богато одарила его талантом и организатора, и исследователя. Изучение Северной Земли было мечтой жизни Георгия Алексеевича. На острове Врангеля он изучал все материалы, относящиеся к открытию Северной Земли. Штудирова труды полярных путешественников, он критически оценивал вопросы организации и тактики экспедиционных работ в Арктике. Сложившиеся классические каноны проведения полярных путешествий он сверял с многовековым опытом коренных жителей Арктики — эскимосов. С ними он прожил на Врангеле три года: работал и делил все удачи и невзгоды. Он хорошо познал полярную науку и в теории, и на практике. Недаром эскимосы любовно и уважительно говорили о нем: «Умилек (начальник) делает все, как эскимос». Возникшие сомнения, тактику походов, снаряжение Ушаков проверял в санных походах по острову Врангеля.

В результате Ушаков выработал до дерзости смелый и предельно простой план исследования Северной Земли, который предусматривал всестороннее комплексное физико-географическое ее изучение; выяснение простираения и конфигурации; составление топографической карты; геологическое обследование; сбор материалов о растительном и животном мире, о ледовом режиме омывающих морей. Кроме того, на базе экспедиции предусматривалось выполнить стационарные гидрометеорологические (по расширенной программе) и геомагнитные наблюдения. Метеорологические и другие данные, имевшие оперативное значение, подлежали немедленной обработке и передаче по радио на Большую землю.

По объему работ выполнить такой план было по силам лишь коллективу солидной обсерватории со специальными, многочисленными вспомогательными партиями и транспортными отрядами. Так было во всех схожих по характеру полярных экспедициях.

Ушаков же предлагал выполнить все работы по изучению Северной Земли силами всего четырех человек за два-три года. После завершения работы, в случае если по ледовым условиям невозможно будет снять участников экспедиции пароходом, Ушаков рассчитывал покинуть с товарищами Землю санным путем: на

собаках выйти через пролив Вилькицкого на Таймыр, а дальше через остров Диксон по Енисею на Красноярск.

Одни специалисты-полярники восхищались планом Ушакова, другие, и их было большинство, считали его невыполнимым. В Институте по изучению Севера его приняли холодно, но зато с большим пониманием и поддержкой встретили председатель Арктической комиссии Сергей Сергеевич Каменев и Отто Юльевич Шмидт, который в ту пору начинал работать в Арктике.

План Ушакова, чрезвычайно смелый и не исключавший оправданного риска, был основан на строгом расчете и исходил из реальных в те годы возможностей снаряжения экспедиции. Он был рассчитан на немедленное претворение в жизнь, а не на место в архиве. Вспомним обстановку 20-х годов в нашей стране. После многих лет войны, интервенции и разрухи страна залечивала свои раны. Как известно, в 1920 году VIII съезд ВКП(б) принял знаменитый ленинский план ГОЭЛРО — первый план электрификации России. В те годы «гроз и бурь» план ГОЭЛРО для многих был фантастикой: достаточно вспомнить, что в день принятия плана делегатам съезда вместо хлеба — его не было — выдали по горсти овса.

Тяжелобольной В. И. Ленин писал о необходимости «ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее» *.

В 1926 году было закончено строительство Волховстроя. По масштабам настоящего времени эта электростанция была малюткой. Экономя каждую копейку на всем и во всем, страна в конце 20-х годов приступала к строительству первенцев индустрии. Строителям не хватало опыта, средств, материалов, хлеба. Техники почти не было, орудиями труда служили лопата и кирка, тачка и носилки.

Г. А. Ушаков в жизни и работе, большой и малой, не терпел излишеств: они были чужды его натуре и взглядам. Приступая к разработке плана Североземельской экспедиции, коммунист Ушаков помнил о заветах В. И. Ленина — о необходимости величайшей экономии. Зная, что вокруг каждого лишнего человека в Арктике, как снежный ком, нарастают трудности, выраженные в рублях, кубометрах, тоннах, киловаттах, калориях, Ушаков следует девизу «не числом, а умением».

Он отказывается от вспомогательных партий для полевых работ. Исключает из планируемого штата каюров, поваров, хлебопек и другой обслуживающий персонал. Ему нужны астроном,

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 405.

геолог, топограф и врач. Он ставит задачу подобрать одного человека, который бы владел всеми этими специальностями, причем умел бы еще и обслуживать самого себя, то есть быть каюром в переходе, поваром на привале и прачкой на базе. Подобрать такого человека было весьма сложно, но необходимо, а, следовательно, для большевика Ушакова — возможно.

Сам Ушаков брал на себя кроме нелегких обязанностей географ-руководителя экспедиции работу штурмана, топографа и каюра в походах, старшего геофизика на базе, промысловика-охотника, обеспечивающего заготовку мяса, и десятки других дел, к которым должен прикладывать руки полярник-первопроходец.

В феврале 1930 года на заседании правительственной Арктической комиссии план Г. А. Ушакова был одобрен и принят, а 23 марта 1930 года утвержден Советом Народных Комиссаров. Одновременно правительство дало распоряжение Институту по изучению Севера * включить исследование Северной Земли в план своих работ, а морской арктической экспедиции на ледокольном пароходе «Георгий Седов» принять группу Ушакова на борт и высадить ее в районе неизученной земли.

Г. А. Ушаков был назначен заместителем директора Всесоюзного Арктического института и командировался на Северную Землю в качестве начальника правительственной Арктической экспедиции. Назначение Ушакова заместителем директора института подтверждало особое внимание правительства к работе Североземельской экспедиции.

Средства, которые Ушаков просил на 1930 год для снаряжения экспедиции, были выделены из резервного фонда правительства. В сопоставимых с современными ценами они составляли что-то около 10—12 тысяч рублей. Сумма весьма скромная, из нее выплачивалась и зарплата участникам экспедиции. Оплата фрахта судна не предусматривалась. Доставку экспедиции к месту назначения должен был осуществить ледокольный пароход «Седов» попутно с рейсами на Землю Франца-Иосифа и разведкой льдов в северо-восточной части Карского моря.

...По окончании моей командировки в Москве, где я устанавливал радиостанцию в Институте прогнозов, я вернулся в Ленинград. Председатель Ленинградской секции коротких волн Евгений Андреев подтвердил решение президиума Общества друзей радио о направлении меня в Североземельскую экспедицию. Тогда же договорились о встрече с Г. А. Ушаковым, наметили возможности изготовления необходимой экспедиционной радиоаппаратуры.

* Институт по изучению Севера при ВСНХ 22 ноября 1930 года был преобразован во Всесоюзный Арктический институт (ныне — Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ)).

В памяти сохранился тот майский вечер 1930 года — вечер первой встречи с Ушаковым.

Когда я приближался к дому на Знаменской улице, где жил Георгий Алексеевич, мною владели многие чувства и, признаюсь, некоторая робость. Предложение участвовать в различных экспедициях, морских походах, работать на таежных приисках и далеких новостройках для коротковолнников тех лет было обычным. От таких предложений не отказывались, их выполнение было делом чести.

Вся работа общественных коротковолновых организаций тех лет была экспериментальной, направленной на внедрение коротких волн во все отрасли народного хозяйства. Возможность использовать связь на коротких волнах в полярной экспедиции, естественно, была заманчива. Было известно, что условия радиосвязи на коротких волнах в Арктике трудные, во многом непонятные и неизученные. Это особо прельщало и притягивало.

Об Ушакове, который тогда недавно вернулся с острова Врангеля, мне было известно немного. Из скудных сообщений в газетах я знал, что канонерская лодка «Красный Октябрь» в 1924 году сняла и выдворила с острова иностранцев, пытавшихся там обосноваться. Ушаков основал на Врангеле первое поселение, исследовал остров и тем окончательно закрепил его за Советским Союзом. Вот, пожалуй, и все.

С мальчишеских лет для меня примером полярного исследователя был Фритьоф Нансен. Мальчишками мы все человечество делили на буржуев, белогвардейцев и наших. Нансена мы все считали нашим, особенно после того, как в 1921 году увидели прибывающих эшелонами голодающих беженцев с Поволжья и узнали, что делал Нансен для спасения многих миллионов погибающих от голода, вызванного небывалой засухой на юге России. Позднее удалось прочитать книги о потрясающе блестящих по замыслу и исполнению экспедициях Нансена.

Перед встречей с Георгием Алексеевичем думалось: а каким он будет? Хотелось, чтобы похожим на Нансена и чем-то даже лучше него. Так и оказалось.

...Поднявшись на второй этаж и минуту постояв, я позвонил. Дверь открыл Ушаков. Он был в военной суконной гимнастерке с орденом, по голубой эмале которого поблескивала гравировка «Герой Труда», стройный, подтянутый, с улыбкой на открытом смуглом лице. В ту пору ему еще не было тридцати.

— Очень рад вас видеть, Василий Васильевич! Проходите, не обращайте внимания на беспорядок, — услышал я его приятный грудной голос.

Огромная комната была сплошь завалена экспедиционным снаряжением. На стульях, на подоконниках и просто на полу лежали

стопки книг, свертки с морскими картами, охотничьи ружья, ящики, меховая одежда, множество всевозможных приборов. Середину комнаты занимала шкура белого медведя. На письменном столе — рукописи и большой глобус.

С первых минут встречи у нас завязалась непринужденная беседа. Ушаков много рассказывал об Арктике, показывал фотографии, дополняя их пояснениями о жизни и обычаях эскимосов на Врангеле, о поведении моржей на лежбище, о повадках медведя. И только тогда, когда я более или менее освоился в новой обстановке, он спросил:

— А как вы сами относитесь к предложению принять участие в экспедиции?

— С восторгом, Георгий Алексеевич, — признался я, — но у меня, честно говоря, нет опыта работы профессионального радиста. Я только радиолюбитель-коротковолновик и, видимо, останусь им на любой географической широте, а у коротких волн еще много противников. Это не помешает мне стать полярником?

— Наоборот, — убежденно произнес он. — Я за новую технику, за короткие волны, за приверженность к делу. Арктика не примет равнодушного. Кстати сказать, я видел мощные передаточные аппараты, изготовленные коротковолновиками для Союззолота и Службы погоды. Специалисты высоко их ценят.

И подумав, добавил:

— Наши товарищи по будущей экспедиции, геолог Николай Николаевич Урванцев и охотник Сергей Прокопьевич Журавлев, — бывалые полярники, каждому из них без малого сорок. Так что сплав опыта и молодости, надеюсь, поможет делу.

Наша беседа продолжалась, и Георгий Алексеевич подробно рассказал о плане изучения Северной Земли. Затем мы перешли к обсуждению вариантов радиоаппаратуры для экспедиции. Я заметил, что Ушаков хорошо осведомлен о существовавшем в то время состоянии связи в Арктике, и сказал ему об этом.

— Да, я интересовался этими вопросами, — ответил он. — Знаете, на Врангеле у нас не было радио, даже приемника. Три года без всякой связи с Родиной, с внешним миром — это очень тяжело. А перед экспедицией на Северную Землю, к тому же и иные задачи стоят, радиосвязь с Большой землей обязательна. Все данные наших исследований и наблюдений будут иметь оперативное значение. Их нельзя накапливать, складывать в чемоданы и ждать возможности для отправки багажом.

Ушаков рассказал, что был в Гидрографическом управлении и узнал, как строилась в 1923 году длинноволновая радиостанция на Новой Земле в Маточкином Шаре. Два года ушло на изыскания и строительство. В навигацию на постройке было занято около трехсот моряков и рабочих. Не одна тысяча тонн грузов была переве-

зена в Маточкин Шар. Да и для обслуживания радиостанции требовались минимум три техника и десятки тонн горючего в год.

— Это нам не подходит, — сказал Георгий Алексеевич, — Северная Земля не Маточкин Шар. Не хватит и десятилетия только на постройку такой радиостанции.

Известно ему было и то, что Институт по изучению Севера организовал в 1929 году радиостанцию на Земле Франца-Иосифа с коротковолновым передатчиком, изготовленным на одном из ленинградских заводов.

— Но стоимость такой радиостанции, — продолжал он, — намного превышает сумму ассигнований на всю нашу экспедицию. А кроме того, для нее необходимы отдельное здание, два человека для обслуживания, много горючего.

Ушаков рассказал, что в Москве в Обществе друзей радио он многое узнал о коротковолновиках. В Ленинграде же встретился с председателем секции коротких волн Евгением Андреевым и видел его портативную радию, с которой он плавал на парусном судне «Вега» и держал связь с Ленинградом из пустыни Каракумы.

— Мы были с Андреевым в Пятом радиобатальоне, — сказал он, — комбат Ершов вызвал нескольких красноармейцев. Один из них, Борис Гук *, тут же за десять — пятнадцать минут по «Морзе» связался с Москвой и Голландией. Весь «Матшар» Гука был сделан его руками и помещался за плечами двух красноармейцев! «Вот это нам подойдет», — подумал я. — Как вы считаете, Василий Васильевич?

— До встречи с вами, — ответил я, — мы с товарищами по секции много думали о радиоснаряжении экспедиции. Мы прикинули, что для надежности нужен радиопередатчик мощностью порядка 500 ватт, то есть такой, как делали для Службы погоды и Союззолота. На какой максимальный вес аппаратуры можно рассчитывать?

Ушаков задумался, закурил трубку, медленно и долго ходил вдоль комнаты, а затем ответил:

— Рассчитывайте на грузоподъемность одной нарты, то есть триста — триста пятьдесят килограммов, включая горючее. Сейчас трудно представить место нашей выгрузки с «Седова». Возможно, это будет лед припая, не исключено побережье Таймыра, район мыса Челюскин, откуда нам придется переправиться через пролив на Северную Землю. Станция должна быть мобильной, пригодной для работы в полевых условиях. Как вы считаете?

Наступила моя очередь задуматься и выкурить не одну пани-

* Б. Гук — один из первых коротковолновиков СССР. Впоследствии инженер-полковник, погиб при выполнении боевого задания в годы Великой Отечественной войны.

росу. При всем желании иметь мощную радиостанцию доводы Ушакова в пользу легкой, портативной были очевидны. Я тогда знал Арктику только по книгам, но ясно представил, что переправить по льду через пролив Вилькицкого мощный передатчик весом с хорошего бегемота невозможно.

— По одежке протягивай ножки, — ответил я. По весу рация Союззолота, конечно, не пройдет, но постараемся взять более мощную, чем была у Андреева и Гука.

Наша беседа затянулась далеко за полночь. Мы наметили программу действий и сборов до отъезда. Очарованный Ушаковым, я распрощался.

С той незабываемой встречи прошли многие десятилетия, но навсегда осталось в памяти первое впечатление от знакомства с этим замечательным человеком, обладавшим совершенно неповторимым, присущим только ему, ушаковским обаянием. Покоряли его простота, тактичность, духовная щедрость и глубокая человечность.

Под утро по еще пустынному Литейному проспекту я вышел к Неве. С реки дул свежий, бодрящий ветер, на северо-востоке вставало багряное солнце. В такие часы Невы и просыпающийся Ленинград незабываемо хороши.

Пересказать чувства, владевшие мной той ночью, невозможно. Было все, о чем можно только мечтать: мысли о будущем, о Северной Земле, об экспедиции и Ушакове, о том, что нужно сделать здесь до отъезда и там, в Арктике. Но предстояло расставание с дорогим Ленинградом, городом моего детства и юности.

За Невой в лучах восходящего солнца горел шпиль Петропавловской крепости. Там, в штабе Петроградского укрепленного района, в 1919 году, мне приходилось бывать у кумира моего детства — Дмитрия Николаевича Аврова — одного из руководителей обороны Петрограда от белогвардейских войск генерала Юденича. Меня, десятилетнего мальчишку, прикорнувшего на диване его кабинета, Авров, вернувшись с передовой смертельно уставший, с воспаленными от бессонницы глазами, угощал морковным чаем и делил со мной свой скудный красноармейский паек — кусочек хлеба и сахара. Питер тогда голодал.

Петрукрайон и его начальник Авров занимались, кажется, всем. За ним я увязывался и в форты Кронштадта, и в тифозные бараки Питера, а когда пришло время, в начале 20-х годов, — на Каменный остров, в особняки, приспособляемые под первые в стране дома отдыха для рабочих.

На Марсовом поле на граните памятника борцам революции высечено: «Д. Н. Авров (1890—1922)». Он умер очень рано. Сгорел в работе. Этот человек оставил неизгладимый след в моей душе. С него мне хотелось делать и свою жизнь.

Набегавшую грусть будили тенистый Летний сад, Зимний. Особенно тяжело было перейти мостик через Лебяжью канавку, где так часто еще совсем недавно мы бывали вместе с той, в которой мне нравилось все: ее имя, взгляды на жизнь, и глаза — большие, лучистые, и характер — отзывчивый, веселый, никогда не унывающий. На этом мостике, возвращаясь с работы или из радиоклуба, мы подолгу стояли. Мечтали о будущем, строили планы, спорили. Я впервые увидел ее на радиокурсах с подругами из типографии. Мы познакомились и стали друзьями. Вместе собирали коротковолновые передвижки, ходили с ними в походы. Мне как председателю секции коротковолновиков района влетало от нее за промахами и на собраниях, и по дороге домой.

И вот предстояла разлука. Лебяжья канавка на пути в Арктику стала психологическим барьером. Опершись на гранитный парапет набережной, долго смотрел на волны Невы. Вдали, на другом берегу, белели Ростральные колонны — как маяки, указывающие путь в море. Там, где-то рядом с ними, Институт по изучению Севера. Нужно спешить: впереди экспедиция. Быстро преодолев мостик, к началу рабочего дня я уже был в институте на Васильевском острове.

Да иного и быть не могло: мы были младшими братьями и сестрами ребят 20-х годов, о которых сложена песня:

Дав приказ ему на запад,
Ей — в другую сторону.

СКОРО В ПУТЬ!

По дороге в Архангельск. Город на Северной Двине. Сергей Прокопьевич Журавлев. Транспорт экспедиции. Экипировка полярника. Выход в море

Выход экспедиционного судна в море намечался из Архангельска на середину июля. Времени на сборы оставалось в обрез. Известно, что успех полярной экспедиции определяется в первую очередь степенью ее подготовки. Тем более в те годы, когда «неотложная помощь» и досылка забытых вещей, будь то запасная радиолампа или примусная иглолка, самолетом либо другими видами транспорта совершенно исключались.

Специальных снабженцев в институте не было, и вся подготовка, начиная от «нулевого цикла», лежала на плечах нашей экспедиционной четверки. Это было хорошо, но и чрезвычайно хлопотно. Хорошо, так как гарантировало от всяких промахов в снабжении; хлопотно, потому что надо было заготовить и подготовить на два-три года экспедиции очень многое: жилой дом для базы экспедиции и палатки для полевых работ, точные научные приборы и оружие с боеприпасами, меховую одежду и продовольствие, астрономические ежегодники и инструмент — кузнечный, слесарный, столярный, шорный, часовой и даже хирургический. Одним словом, множество всего необходимого для отправляющихся на край света, но отсутствующего даже в лучших современных магазинах «Тысяча мелочей». Все это нужно было заказать или приобрести, своими руками упаковать в ящики, не раз их перекантовать и погрузить в вагоны, уходящие в Архангельск.

Заказанное и приобретенное следовало оплачивать. Отступавшие от этого правила сурово карались, в свое время их даже сажали в долговую яму. Мы большей частью отступали от этого правила, причем при отягчающих обстоятельствах, так как заведомо знали о нашей неплатежеспособности.

Памятуя о максимальной экономии, мы старались значительную часть необходимого получить за счет ленд-лиза, хотя мы и на-

чальник нашей экспедиции Ушаков меньше всего походили на пробивных толкачей-снабженцев. Мы произносили магические слова: «Для экспедиции на Северную Землю», и перед нами открывались двери академических и институтских запасников и хранилищ. На армейских складах мы безвозмездно получили полушубки и валенки, оружие и боеприпасы. Моряки выделили нам хронометры, морские карты и лодии. В Академии наук СССР во временное пользование были получены точные приборы для научных наблюдений. Появились фото- и кинокамеры, метеорологические и актинометрические приборы, радиозонды, шары-пилоты. Для «испытаний» Центральный авиагидродинамический институт предоставил нам ветроэлектрический агрегат. В наследство от международного общества «Аэроарктик» к нам перешел коротковолновый радиопередатчик. Замечательным подарком для нас явилась богатейшая библиотека, ранее принадлежавшая А. Ф. Коню и преподнесенная Академией наук в дар Североземельской экспедиции.

В небольших мастерских, да и на крупных предприятиях Ленинграда и Архангельска часто в сверхсрочное время выполнялись срочные заказы экспедиции.

Квартира Н. Н. Урванцева, так же как и Г. А. Ушакова, превратилась в склад снаряжения экспедиции. Все, что относилось к радиостанции, а также электротехническое имущество сосредотачивалось в секции коротких волн. Она находилась в Доме коммунистического воспитания молодежи, на Фонтанке, у Аничкова моста.

Не будь помощи товарищей по секции, мне, видимо, не хватило бы на сборы и года. Ваня Корягин, Саша Черный, Миша Авраменков и многие другие с особой ответственностью проверяли каждый блок, каждый агрегат радиостанции, испытывали аппаратуру в полевых условиях, помогали в приобретении материалов и запчастей. Нам даже удалось собрать справочную и техническую библиотеку.

Надо отдать должное Петру Шалашеву — одному из организаторов Общества друзей радио Ленинграда. Он был и диспетчером подготовки, и снабженцем, и контролером ОТК. Мои помощники днем все были заняты на работе, но Шалашев через профторгов и комсогов предприятий утрясал вопросы их замены и подмены. Жизнь в секции кипела весь день. К подъезду бывшего дворца подъезжали ломовые извозчики, и мы по мраморной лестнице таскали ящики с экспедиционным имуществом.

Много времени в те дни у меня отнимала стажировка на метеостанции Главной геофизической обсерватории и в Аэрологической обсерватории. В яхтклубе, где были моторные катера, я осваивал работу с бензодвигателями и учился их ремонтировать. Непостижимо были загружены Ушаков и Урванцев. Николай Николаевич

сверх всего проходил в Ленинградском институте усовершенствования врачей специальную медицинскую подготовку, в которую входила и практика оказания экстренной хирургической помощи. Уйма времени уходила на получение консультаций, начиная от рецептов приготовления закваски для выпечки хлеба и кончая справками о положении небесных светил на каждый день и час.

Наконец сборы закончены, грузы отправлены в Архангельск пассажирской скоростью. Экспедиция вышла на исходный рубеж.

В памяти вставали далекие и близкие экспедиции, уходившие в неведомое без связи и радио: Брусилова — на «Святой Анне», Русанова — на «Геркулесе»... Сколько их было безвестно пропавших! Чувствуя свою сопричастность к миру радио, я был уверен, что теперь таких трагедий в Арктике не должно повториться.

...Наступил день отъезда. Проводы на Октябрьском вокзале Ленинграда. В последние минуты до отхода поезда ко мне переходит маленький синий платочек, с которым мы вместе пройдем и годы работы в Арктике, и годы Отечественной войны, и всю мою дальнейшую жизнь...

В Вологде наши вагоны отцепили от сибирского экспресса. На Архангельск в те годы отправлялись, да и то через день, только почтово-пассажирские поезда, примечательные тем, что и почту, и пассажиров возили медленно, «малой скоростью».

Дорога пошла однопутная, которой, казалось, не будет конца. Прижимаясь к путевой насыпи, тянулась чаща леса. На редких станциях и разъездах наш выдавший виды паровозик подолгу набирал воду и принимал дрова. Пассажиры, не спеша, разминаясь, выходили из вагонов. Кто с чайником в руках выстраивался в очередь за кипятком, а кто запасался нехитрой снедью: ватрушками из ржаной муки, вареными яйцами, моченой брусникой, что наперебой предлагали шустрые голубоглазые ребяташки из окрестных деревень.

Когда же томительно долгая процедура заправки локомотива и осмотра состава заканчивалась, пристанционная жизнь совсем замирала. Наконец поднимался семафор, и появлялся с жезлом в руке начальник станции. Раздавался удар колокола, и дежурный осипшим басом объявлял: «Первый звонок отправления почтово-пассажирского на Архангельск». Проходило несколько минут, начальник прохаживался вдоль состава, и дежурный, скрутив и закулив козью ножку, подавал второй, а затем и третий звонки. После них следовал свисток обер-кондуктора. И как бы после раздумья, натужно трубя, им отвечал паровоз. Толчок назад-вперед, и после нескольких попыток сдвинуть вагоны с места, оставляя шлейф дыма и выбрасывая снопы искр, наш паровозик начинал набирать скорость.

К нашему огорчению, случались остановки и на перегонах.

До выхода в море оставались считанные дни, а в Архангельске нас ждали большие хлопоты. Но с железной дорогой спорить не будешь. Тогда мы выходили подышать свежим воздухом, собирали цветы. Иногда к составу выбегали зайцы и то ли от испуга, то ли от недоумения замирали на месте. Много было и пернатых. Терпение и выдержка — высшая добродетель полярника, так что путь до Архангельска был неплохой школой для меня, впервые отправляющегося в Арктику.

Казалось, чем ближе мы подъезжали к Архангельску, тем дальше машина времени увозила нас в прошлое. Всего десять с небольшим лет назад в эти края царское правительство ссылало политических заключенных. Затем последовали тяжелые годы иностранной интервенции и белогвардейщины. Теперь же и в этой глухомани чувствовались перемены. На станциях бородатые деды подходили к составу и заводили разговоры о коллективизации, Днепрострое и даже о Чемберлене, интересовались свежими ленинградскими газетами.

А вот и долгожданная Исакогорка со знаменитой радиостанцией — первой на севере России! Но знакомство с ней произошло позже, на борту «Седова», в Баренцевом море. Тогда же запечатлелась в памяти лишь ажурная красавица мачта, по тем временам под стать телевизионной в Останкине.

За Исакогоркой — сразу Архангельск. Вокзала и моста через Северную Двину в 1930 году еще не было. На левом берегу реки находился только железнодорожный разъезд. С подножек вагонов пассажиры, обвешанные багажом, прыгали на землю и, спотыкаясь о шпалы, бежали по путям занимать очередь к переправе. Приземистый, почти весь из бревенчатых домиков город протянулся на несколько десятков километров по правому берегу широкой реки.

На рейде Двины и у причалов стояли морские суда под флагами разных стран мира. Вдоль берегов — лесопильные заводы и биржи с необозримыми, готовыми к погрузке штабелями досок. На реке маячили паруса рыбацких лодок, шныряли катера и моторки, а крижистые буксиры медленно тянули огромные плоты. Бегающие по бревнам плотогонны издали казались игрушечными фигурками.

Город на Двине жил в напряженном ритме первой пятилетки. Основная его продукция — лес — шла на экспорт. В Архангельске все было связано с морем и рекой: моряки, рыбаки, речники, судоремонтники, рабочие лесопильных заводов и лесосплава. Свежий ветер с моря был напоен запахами хвой, смолы, рыбы и дымком из пароходных топок. После нашего путешествия «малой скоростью» в тесном вагоне здесь дышалось легко, полной грудью, и на душе было весело.

Маленький и очень шустрый колесный пароходик переправил

Под штаб-квартиру экспедиции заранее было отведено помещение на другом конце города — у острова Соломбалы. Туда, распрощавшись, и отправились Ушаков с Урванцевым. Меня же хозяева оставили почевать у себя, и у нас с Сергеем завязалась дружеская беседа. А рассказать ему было о чем.

Журавлев был потомственным помором, родом из-под Шенкурска Архангельской области. Еще тринадцатилетним пареньком он отправлялся с дядей на Новую Землю набираться ума-разума и искусства поморского промысла. А в 18 лет Сергей уже зимовал и промыслял самостоятельно. В годы гражданской войны Журавлев сражался в дивизии Блюхера на Восточном фронте. Потом тяжелый тиф и демобилизация. После войны он снова промыслял морского зверя и рыбу на Мурманском побережье и на Новой Земле. И так около двадцати лет жизни, о которой сам Сергей, полушутя, говорил: «Мянды (маяты, тяжелого) было много, а малины мало». Говорил Сергей быстро, пересыпая речь шутками и крепким словцом.

Достоинной подругой была его жена — Мария Васильевна, тоже поморка, не раз зимовавшая с ним на Новой Земле. Доводилось ей и мужа выручать из беды, и бывать один на один с беспокойным морем, с белым медведем и с неистовым новоземельским ветром — «стоком».

Рассказывая, Мария Васильевна только посмеивалась:

— Позимуете — не то узнаете, а обживетесь — опять потянет.

Нелегко ей было. В долгую полярную ночь жила она с малыми ребятами в погребенной под сугробами промысловой избушке за многие десятки, а то и сотни верст от зимовья ближайшего соседа. Ребята подрастали, а на Новой Земле тогда букваря не сыщешь, хорошо если псалтырь на время раздобудешь!

В последнюю зимовку Сергей много рассказывал сыну о самолетах, которые он сам-то вряд ли видел, и парнишка стал бредить самолетами. Возвращаясь с родителями с Новой Земли в Архангельск, Володька, как и положено порядочному мальчишке, все время проводил на палубе. Увидя на берегу при входе в устье Северной Двины пасущуюся и помахивающую хвостом корову, парень стремглав бросился к отцу: «Тятя! Тятя! На лугу аэроплан, мотор уже завели, пропеллером машет, сейчас полетит!» Ни аэропланов, ни коров на Новой Земле в ту пору не было.

...Под конец вечера Сергей предложил отметить встречу. Я наотрез отказался. Сергей вышел из терпения и проворчал:

— Нашлась еще девка красная, может, тебя и на Северной Земле монпансье из коробки с бантиком угощать?

Решив ускорить мое полярное крещение, Журавлев предложил поехать на собаках навестить Ушакова и Урванцева. Сказано — сделано. Запрягли десяток лучших псов, и Сергей вывел их из

ворот «усадыбы». Вначале езда не ладилась. Собаки не понимали незнакомой команды, так как не ходили раньше в веерной — новоземельской упряжке. Но вскоре, почуяв долгожданную свободу, рванули, и мы на легкой нарте понеслись по булыжнику вдоль улицы Павлина Виноградова. Скрежет, искры посыпались из-под стальных полозьев, а трамвайные столбы замелькали, как огни посадочной полосы при взлете реактивного лайнера. На нашу беду дворовые собаки облаивали нас из подворотен, дорогу перебежали кошки. Тогда наша упряжка шарахалась в сторону и с остервенелым лаем и воем преследовала уличную живность. Сергей, не щадя крепких слов и хорея, наводил порядок. Распутав клубок из лямок упряжки и собак, мы вытягивали их на середину улицы, и поездка продолжалась. Шел второй или третий час ночи, трамваи не ходили, и, на счастье, милиционеров и прохожих мы не встретили. Сделав лихой разворот, Сергей остановил упряжку у подъезда школы. Возбужденные собаки подняли лай, в окнах соседних домиков появились заспанные, недоумевающие лица.

Выскочили Ушаков и Урванцев. Они с укоризной оглядели нас. Мы поняли, что наш экспансивный визит им не доставил удовольствия. На грех появилась еще какая-то старуха, причитавшая:

— Ах, бабоньки, и до чего люди дошли — на собаках ездят.

— Молчи, тетка, не то завтра на котах приедем, — отрезал стогоряча Сергей.

Взяв собак за постромки, мы поспешили ретироваться. Усталые и злые, добрались до нашей «усадыбы» только под утро.

...В Архангельске мы опять включились в знакомый по Ленинграду ритм непрерывной работы — порт, склады, грузы — благо ночи белые и можно работать круглые сутки.

Большую озабоченность Ушакова вызвало приобретение одежды для предстоящих санных маршрутов. Для работы вблизи базы мы имели армейские полушубки, сапоги и валенки. Поездка на собаках за 15—20 километров по хорошему насту туда, а к вечеру обратно, к теплу и уюту жилья, в любой амуниции хороша и захватывает не меньше, чем катание на лихой тройке. При необходимости пользуются на севере «летними» куртками, брюками на цигейке и пимами из собачьего меха на войлочной подошве. Иное дело — месячный поход вдоль неизвестного берега, по нагромождению торосов, в сорокаградусный мороз с ветром, когда беспрестанно приходится помогать собакам, вытягивая их и до предела груженные нарты из бродного снега, а потом ночевать в легкой палатке, сшитой из тонкой материи. Здесь успех и сама жизнь зависят от снаряжения и одежды.

Многие полярные исследователи стремились внести свое слово в выбор покроя и материала одежды. Так появились чудо-брюки,

чудо-валенки и многое другое, вошедшее в историю освоения Арктики под названием их именитых авторов. Даже изменчивость женской моды порой блекла перед непостоянством покроя полярного туалета. Такая самостоятельность обычно не приносила ожидаемых плодов. Между тем у народов Крайнего Севера в многовековой борьбе за существование в суровых условиях сложился свой тип одежды: легкой, теплой, практичной. Ушаков, познавший Арктику и общавшийся с ее коренными жителями, решил не изобретать своего «велосипеда», а взять за образец все лучшее из одежды аборигенов Севера.

Дни непрерывной беготни, хлопот и волнений подходили к концу. Мы заканчивали на складах Госторга приемку меховых изделий и других товаров, полученных в кредит. Проверяли и готовили к погрузке запасы продовольствия, инвентаря, снаряжения, необходимых для долгой полярной экспедиции. Судоверфь закончила изготовление мореходной шлюпки. Был готов сруб бревенчатого домика, который предстояло собрать на зимовке. Из Ленинграда прибывали грузы для научной группы «Седова», для Земли Франца-Иосифа и Северной Земли. На складах Совторгфлота мы отбирали и скрупулезно сверяли с описями каждую упаковку и ящик с номером и маркой «С. З.». Все складывалось по порядку, в отдельные штабеля. Теперь от погрузки на судно и до выгрузки на Северной Земле каждое место будет под нашим наблюдением. Груза было много, но работа шла быстро и споро. Мне помогал опыт прошлой работы портовым грузчиком, даже Сергей отставал и, обливаясь потом, говорил: «У, леший, уморил». Николай Николаевич, вооружившись амбарной книгой, вел «канцелярию».

Подходило время выхода в море. Североземельских четвероногих пассажиров, к великому огорчению старпома Ю. Хлебникова и боцмана А. Загорского, уже разместили на борту «Седова».

Очень радушно и гостеприимны были архангельцы. Партийные и советские организации города, работники Морского порта, Госторга и просто горожане считали своим долгом оказать внимание и помощь в снаряжении экспедиции. Ей была открыта «зеленая улица». Казалось, каждый житель города был счастлив, что наконец дошли руки и до Северной Земли.

Еще накануне выхода «Седова» в море в городе, как перед большим торжеством, чувствовалось приподнятое настроение. Красную пристань, у которой пришвартовался ледокол, украшали флагами и лентами кумача. В трамваях, на речных пароходиках, на улицах в разговорах часто слышалось: «Седов — Шмидт — Северная Земля — Ушаков».

В полночь на борт «Седова» поднялась милая девушка с русской косой ниже пояса. В руках она держала букет полевых цветов.

Краснея от смущения, она архангельской скороговоркой неуверенно спросила:

— А где они?

— Кто они? — поинтересовался я.

— Да они же — ушаковцы.

Проводив девушку на твиндек, в нашу четырехместную каюту, я представил ей своих товарищей. Ее огромные голубые глаза выражали и восторг, и тревогу. Она протянула Ушакову цветы и, прошептала: «От нас», мгновенно убежала.

Мы вышли на палубу. Девушка вприпрыжку уже перебежала площадь к ожидавшим ее подружкам. Кто они? Наверное, комсомолки. Возможно, потомственные поморки, которых много в Архангельске. Не исключено, что их далекие прадеды еще сотни лет назад на утлых суденышках ходили на Грумант и Новую Землю, в Мангазею и на Таймыр. Кто знает, может, доходили они и до берегов Северной Земли! В летописи Севера еще остались непрочитанные страницы.

День выхода «Седова» — 15 июля 1930 года — был на редкость ясным, солнечным. Словно природа тоже хотела одарить улыбкой уходящих в Арктику. Празднично украшенная площадь перед пирсом с утра заполнилась народом. Со знаменами и кумачевыми плакатами подходили представители организаций города. На речных пароходах и катерах, расцвеченных флагами, прибывали моряки Соломбалы и рабочие дальних лесопильных заводов. Архангельские мальчишки занимали лучшие места: крыши соседних домов, фонарные столбы. Они шныряли на лодках, а самые удачливые и смелые из них оказывались на борту, взбирались на ванты, где и устраивались со всеми удобствами.

В полдень на Красной пристани начался митинг. Капитанский мостик «Седова» превратился в трибуну. С добрыми напутствиями выступали представители крайкома партии, крайисполкома, рабочие и моряки. Им отвечали участники экспедиции.

И вот церемония проводов окончена. Поцелуй и объятия седовцев с близкими. Выпустив струю пара и как бы «прочистив горло», «Седов» густым басом дал три долгих гудка. Швартовы отданы. Под крики «Ура!» и гром оркестров корабль медленно отошел от пристани, развернулся и пошел вниз по Северной Двине, к морю.

Суда, стоящие на рейде и у причалов, по морской традиции салютовали нам длинными прощальными гудками: «Туу, туу, туу». «Седов», уже набравший ход, корректно, каждому отдельно отвечал коротко: «Та, та, та». И так на десяток километров.

Прощайте, Архангельск и Большая земля!

В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ, КУРСОМ НОРД

*В эфире Арктики · Ветераны
на вахте · На Земле Франца-
Иосифа*

«Седов» шел курсом норд на Землю Франца-Иосифа, после чего кораблю предстоял труднейший ледовый поход в северо-восточную часть Карского моря, к неизвестным берегам Северной Земли.

С первыми оборотами винта жизнь на корабле вошла в размеренный ритм. Свежевыкрашенный «Седов» блистал чистотой, и все же моряки, заступив на первую вахту и выбрав якорь, окатили из брандспойтов палубу и еще раз отдраили ее, смыв невидимые следы береговой пыли.

Возглавлял полярную экспедицию на «Седове» Отто Юльевич Шмидт, в то время известный больше как ученый-математик и государственный деятель. «Для меня походы 1929 и 1930 годов на борту «Г. Седова» были арктическим крещением», — вспоминал позднее Отто Юльевич. Вскоре последовали и другие его полярные походы. Партия и правительство, намечая широкое наступление на Арктику, поручили ученому-коммунисту создать и возглавить организацию для освоения Северного морского пути. Изучению и освоению Арктики Шмидт посвятил десять лет. Он остался в памяти людей как выдающийся полярный исследователь — легендарный ледовый комиссар.

Капитаном «Седова» был Владимир Иванович Воронин — коренной помор и потомственный моряк. В море он ходил с восьми лет, в десять стал коком на паруснике, в пятнадцать — младшим матросом. Зимой учился. Окончив мореходное училище, плавал в Белом, Карском и Баренцевом морях сначала штурманом, а затем и капитаном. В 1928 году Воронин вел «Седова» на поиски экипажа дирижабля «Италия», а в 1929 году — в первый поход на Землю Франца-Иосифа.

О. Ю. Шмидт — блестящий организатор, человек широчайшего кругозора, ученый-мыслитель; В. И. Воронин — капитан, с мо-

локом матери впитавший многовековой опыт борьбы с полярной стихией. Они удачно дополняли друг друга. Команда корабля была подобрана из бывалых моряков, сплоченных в предшествующих ледовых походах.

Морской экспедиции на «Седове» предстояло выполнить в Баренцевом и Карском морях обширную программу научных наблюдений. На борту находились профессора В. Ю. Визе, Б. Л. Исаченко, В. П. Савич, Р. Л. Самойлович и большая группа научных работников Института по изучению Севера.

О. Ю. Шмидт любил и умел организовать полярные экспедиции. Он привлекал к ним не только ученых, но и журналистов, писателей, кинооператоров. Это не было излишеством. Шмидт предвидел широкое наступление на Арктику и считал необходимым заблаговременно подготовить общественность и широкие круги специалистов, из среды которых предстояло черпать кадры будущих полярников. Этим рейсом шли журналисты Б. В. Громов и Л. Ф. Муханов, писатель И. С. Соколов-Микитов, старейший в стране фото- и кинооператор П. К. Новицкий.

Кроме того, на «Седове» шла небольшая группа строительных рабочих, новая смена зимовщиков полярной станции на Земле Франца-Иосифа и, наконец, наша североземельская четверка. Всего вместе с экипажем на борту «Седова» находились 78 человек.

На «Седове» я впервые вышел в морской поход, впервые пересек полярный круг. Море меня покорило своей красотой, простором и стихией. Восхищал и труд моряков.

Меня приписали к отряду научных работников «рядовым необученным». Ученые, с которыми я нес вахту, не были в «обиде» на мой малый опыт. Все, что опускалось ими в пучины океана: гидрологические вертушки, батометры, драги, тралы, и то, что поднималось в высоты воздушного океана, требовало приложения рабочих рук. Стараясь оправдать оказанное доверие, по команде «вира помалу» я без перекура крутил ручки лебедок. Они доставляли на палубу гидрологические и аэрологические приборы, показания которых раскрывали непознанные тайны океанов. В те годы в Арктике еще было много загадок.

За усердие, не отрешая полностью от ручных лебедок, мне доверили выполнять (стажером) гидрометеорологические наблюдения. Это было блестяще: под руководством маститых ученых мне предоставилась возможность глубже постигнуть вторую специальность, необходимую для работы на Северной Земле. К тому же палуба корабля была несравнимым с любыми аудиториями местом для наблюдений за погодой, состоянием льдов и моря.

Полезное сочеталось с приятным: работая на палубе, я любовался окружающим меня миром. После желто-бурой Балтики я наяву увидел действительно синее, кристально-чистое Баренцево море.

На траверзе мыса Желания, у северной оконечности Новой Земли, «Седов» встретил небольшие поля мелкобитого льда. Вскоре появились и отливавшие синевой величавые айсберги. Они были самых причудливых форм и в лучах солнца принимали пурпурные оттенки.

Разнообразие красок, окружающее безмолвие создавали порой сказочную обстановку. Корабль казался покинутым командой: на палубе ни души, машины работали ритмично, как здоровое сердце... А потом вдруг в тишине раздавалась негромкая команда:

— Так держать...

Эхом отзывался голос рулевого:

— Есть так держать.

И корабль шел заданным курсом — норд. Рукоятка машинного телеграфа стояла на секторе «полный вперед».

Встретившие нас еще при входе в Белое море чайки, сменяясь, сопровождали «Седова». Они высоко парили над кораблем в штиль и шли на бреющем полете над гребнями волн в штормовые дни...

Моря и океаны были и еще остаются непокоренной стихией. В морях Ледовитого океана кроме ураганов, штормов и туманов путь морякам преграждают тяжелые ледяные поля, тьма полярной ночи и морозы.

Безопасность кораблевождения на морях обеспечивают многие службы. Особенно важна и ответственна служба наблюдения и связи, которую круглосуточно несут радисты береговых и судовых радиостанций планеты.

Для моряков отведен специальный участок частот радиоволн — так называемый судовой диапазон. Множество судов под флагами почти всех стран мира одновременно находятся в плавании. Непосвященному трудно разобраться в разноголосице эфира — разные языки, разные нации. Радиопереговоры ведутся телеграфом и телефоном, идут радиogramмы личные и деловые, простые и сверхсрочные.

Но наступают мгновения, когда разноголосицу и хаос сигналов в наушниках сменяет тишина. Сорок восемь раз в сутки, пятнадцатую и сорок пятую минуту каждого часа, наступают три минуты молчания. Тогда умолкают все береговые и судовые радиостанции планеты, а их радисты настраиваются и слушают на одной волне — 500 кГц, работать на которой может только корабль, терпящий бедствие и передающий сигналы SOS — международный радиотелеграфный сигнал бедствия.

Все корабли, принявшие этот сигнал, меняют курс и спешат на помощь терпящему бедствие. Таков закон. На море он един для всех и определяется международными соглашениями, кодексами и нормами, этикой и традициями братской дружбы моряков всех стран.

В свободное от вахты время я любил пропадать в радиорубке. С каждым оборотом винта «Седов» все дальше уходил от Большой земли на север. Радио же мгновенно приобщало к жизни и трудовому пульсу страны. Интересно было познакомиться с радистами таких недоступных прежде и овеянных романтикой полярных форпостов, как Исакогорка, Югорский Шар, Вайгач, Маточкин Шар. Они все были рядом — стоило лишь чуть подстроить радиоприемник.

Среди всех в эфире выделялась знаменитая Исакогорка. Знакомство с нею здесь было для меня несравнимо с первым — из окна железнодорожного вагона по пути в Архангельск. Это была первая радиостанция, построенная на севере России, она обеспечивала связь с кораблями в Белом, Баренцевом и Карском морях. Ее радисты на протяжении двух десятилетий были законодателями стиля морской радиосвязи на Крайнем Севере.

Известно, что не просто в совершенстве овладеть речью, а еще труднее этого достичь радистам, говорящим на языке азбуки Морзе — языке точек и тире. Исакогорцы безукоризненно владели этим искусством. Их стиль работы в эфире отличался предельной четкостью и корректностью, а «почерк» свидетельствовал о филигранном мастерстве. Исакогорка была центральной радиостанцией бассейна, а ее радисты — не только солистами, но и дирижерами большого «оркестра» судовых раций. Порой им приходилось дирижировать без партитуры. В море один идет по чистой воде и с попутным ветром, другой — в жестоком шторме, где-то корабль форсирует тяжелые льды, где-то у самолета отказал мотор или он, попав в обледенение, теряет высоту.

Дирижер должен уловить и выделить голос каждого. Не только принять слабые, затухающие сигналы тревоги ТТТ и сигналы бедствия SOS, но и держать в памяти возможности каждого судна и условия, сопутствующие его плаванию. Ему необходимо интуитивно чувствовать настроение и состояние каждого подошечного. На море нередко драматические события, и дирижер — радиодиспетчер региона — обязан, не теряя головы, быстро и умело используя все «рычаги», обеспечить помощь каждому.

Так работала Исакогорка, такими были ее радисты — люди, не только знающие море, но и испытанные морем. Им, стоящим на вахте Заполярья, безгранично доверяли и вверяли свои судьбы все странствующие в студеных морях Ледовитого океана.

Представитель этой когорты связистов Евгений Николаевич Гиришев, заврадио «Седова», был рядом — невысокий, худощавый, всегда невозмутимо спокойный и скромный, с добрыми лучиками морщинок у глаз. С первых дней нашего знакомства его искусство поразило меня. Равного мастера среди моряков-радистов я не встречал ни до этого плавания, ни после.

В год нашей встречи Гиршевичу исполнилось тридцать. Он был участником гражданской войны, а в 1920 году стал связистом. Первое полярное «крещение» Гиршевич получил, зимую на радиостанции Канин Нос. Потом он работал на других станциях побережья Белого и Баренцева морей, плавал на судах каботажного и дальнего плавания Северного морского пароходства.

В начале 20-х годов Евгений Николаевич работал на Исакогорке (вначале — радистом, а затем — главстаршиной радистов). Там он оттачивал и шлифовал свое мастерство. Техника тех лет была примитивной. Береговые и судовые станции оснащались искровыми передатчиками. Вести прием сливавшихся с атмосферными помехами сигналов этих станций было трудно. Несовершенны были радиоприемники, с виду похожие на чудовищ. Но сердце эти мастодонты имели комариное. Им был кристаллический детектор — прообраз современного диода — прибор крайне капризный, неустойчивый в работе и требовавший ангельского терпения и сверхвиртуозных манипуляций при настройке. Гиршевич владел этой техникой в совершенстве.

Первую в жизни награду молодой радист получил в 1921 году за обеспечение радиосвязи с терпящими бедствие судами «Енисей» и «Обь». Они получили пробоины во льдах сурового Карского моря, следуя из Сибири в Архангельск с хлебом для населения Севера.

На «Седове» Гиршевич плавал третий год. Он участвовал в походах на промысел морского зверя, в поисках экипажа дирижабля «Италия» и пропавшего в Арктике на самолете «Латам-47» Руала Амундсена. В 1929 году он плавал с правительственной экспедицией на Землю Франца-Иосифа.

В 1930 году я с уважением думал о пройденном Гиршевичем жизненном пути, но по молодости считал его стариком, у которого все уже позади. Конечно, я ошибался. Евгений Николаевич участвовал в 12 арктических экспедициях, в пяти промысловых кампаниях, зимовал на судах, затертых во льдах Арктики, пять раз прошел Северным морским путем на «Сибирякове», «Литке» и «Сталине», причем на последнем с запада на восток и обратно в одну навигацию. Гиршевичу посчастливилось участвовать и в «малой кругосветке», когда «Сибиряков», пройдя Северным морским путем из Архангельска во Владивосток, через несколько месяцев вернулся обратно в Архангельск через Тихий, Индийский и Атлантический океаны — вокруг Азии и Европы.

С начала и до конца Великой Отечественной войны Е. Н. Гиршевич был в рядах Военно-Морского Флота. В 1956 году подполковник Гиршевич был уволен в запас. Он кавалер 15 правительственных наград, почетный радист, почетный полярник и обладатель многих других высоких званий.

Достоинство прошли жизненный путь и сослуживцы Гиршевича по Исакогорке: начальник радиостанции И. А. Лосев, радисты Алексей Агеев, Иван Кузнецов, Леонид Точиллов, Николай Сидоровский, Андрей Пушкин и Александр Полянский. Во время 812-дневного дрейфа «Георгия Седова» во льдах Центрального полярного бассейна в 1937—1940 годах радист Полянский нес на его борту бессменную вахту. За героизм и мужество, проявленные в этом плавании, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

На традициях Исакогорки воспитывалось и новое поколение полярных радистов, таких, как Валентин Волюнкин, Эрнст Кренкель, Владимир Иванюк и другие. Старожилы помнят события начала 30-х годов, разыгравшиеся во льдах Арктики. У берегов Шпицбергена в разгар полярной ночи наскочил на подводные камни ледокол «Малыгин», шедший с грузом продовольствия для жителей острова. Корабль получил огромные пробоины, лежал на камнях и неминуемо был бы разбит океанской волной. На спасение «Малыгина» из Мурманска были направлены моряки и водолазы ЭПРОНа (Экспедиции подводных работ особого назначения), возглавляемые Фотием Ивановичем Крыловым. Об энергии и бесстрашии этого моряка слагались легенды. Да и каждый эпроновец был человеком из легенды.

В спасательной операции участвовали ледоколы «Ленин», «Красин» и ледокольный пароход «Седов», а также маленькое спасательное судно «Руслан». Эпроновцы при штормовой погоде, в свирепые морозы и при подвижках льда работали до изнеможения многие недели. «Малыгин» был разгружен и освобожден от забившего его льда, пробоины заделаны, вода, заполнявшая трюмы, откачена. Корабль был спасен и подготовлен для морского перехода.

В те дни спасатели получили много поздравлений, и среди них из солнечной Италии:

«Привет героям Арктики — людям сказочной энергии. В борьбе против суровой погоды вы, товарищи, совершили один из тех подвигов, которые говорят всему миру трудящимся о несокрушимой силе рабочего класса Союза Советов. Крепко обнимаю всех вас героев.»

Максим Горький.

Неоценима была помощь «Руслана». Он имел небольшую осадку и бесстрашно работал на мелководье между скал у борта «Малыгина», к которому не могли приблизиться большие ледоколы. Команда «Руслана» насчитывала 22 человека. Капитаном был молодой моряк Василий Ключев, а радистом — 25-летний Валентин Волюнкин.

Большое и, к несчастью, оправдавшееся опасение вызывал зимний переход по бушующему океану в Мурманск аварийного «Малыгина» и маленького «Руслана».

Покинув район Шпицбергена, корабли в шторм из-за плохой видимости потеряли друг друга. Напрасно они пытались сблизиться, бушующий океан и непроницаемая пурга делали это невозможным. Так началась трагедия, длившаяся несколько суток.

На «Руслане» Валентин Волюнкин держал непрерывную связь с «Красиным». Его сообщения были очень тревожными:

— В котлах нет пара, машина остановилась, боремся с обледенением и креном, просим скорее оказать помощь...

Затем еще тревожнее:

— Вода прорвалась в машинное отделение, заливает кочегарку, вычерпываем ведрами вручную...

На «Красине» делали все возможное, чтобы обнаружить «Руслана». Но все безрезультатно... В крошечной мгле волны обрушивались на палубу, надстройки, капитанский мостик. Вода мгновенно намерзала, и мощный ледокол стал походить на огромный айсберг. Красинцы понимали, каково сейчас экипажу «Руслана». А Волюнкин сообщал:

— Продержимся на воде недолго. Шлем последний товарищеский привет... Счастливого Вам не нашего пути...

Радист на «Красине», принимавший донесения, не выдержал и потерял сознание. Его заменили. Валентин Волюнкин до конца работал с изумительным хладнокровием, даже с презрением к смерти. Его передача была четкой, уверенной и ровной, как типографский набор — знак к знаку, буква к букве. Последними с «Руслана» были приняты два слова:

— Спускаем шлюпки...

Если корабль гибнет, последним его покидают капитан и радист. На одну из шлюпок после всех вскочил Валентин Волюнкин, даже не успевший надеть ватник и шапку. В его руках был радиоприемник.

Через шесть суток, когда непогода немного стихла, трех человек, оставшихся в живых, подобрал рыболовный моторный бот, с которого чудом заметили носившуюся по волнам шлюпку. Капитан, радист и остальные члены экипажа «Руслана» погибли.

Отступая от хронологии в рассказе, вспомним, что вскоре после гибели «Руслана» на востоке Арктики, в Чукотском море, был раздавлен льдами и затонул пароход «Челюскин». Радист Эрнст Кренкель, покидая погружающийся в морскую пучину корабль, бережно, как младенца, завернул в одеяло аварийный радиопередатчик — судьбу всех членов экспедиции и сошел на вздыбленные и колышущиеся под ногами глыбы льда. Кренкель и его коллеги — радисты Владимир Иванюк и Серафим Иванов натянули антенну,

наладили в наскоро поставленной палатке радиостанцию, продолжили прерванную катастрофой связь с берегом и поддерживали ее два месяца.

Последним вместе с капитаном Ворониним покидал Кренкель и ледовый лагерь челюскинцев. На взлетной полосе ревели моторы ожидавших их самолетов. Но Кренкель сначала с профессиональной скрупулезностью завершил ритуал закрытия радиостанции, передав в эфир по международному коду:

«Всем, всем, всем... К передаче ничего не имею, действие радиостанции полностью прекращаю, я RAEM, RAEM, RAEM!»

После чего сделал последнюю предельно короткую запись в аппаратном журнале: «Снят передатчик 02, 08 Московского, 13 апреля».

Оглядев хорошо поработавшую аппаратуру, Кренкель на миг задумался и, отрезав ножом провода питания, схватил рацию (не пропадать же технике). Прыгая по льдинам, он побежал к ожидавшим его вдали самолетам...

Валентин Волюнкин, Эрнст Кренкель и его товарищи челюскинцы Владимир Иванюк и Серафим Иванов проявили мужество, выполнили свой гражданский и профессиональный долг с присутствием морякам самообладанием и достоинством. Таковы были традиции исакогорцев.

...Пока я проходил стажировку и временами путешествовал по эфиру, «Седов» прошел Баренцевым морем, как говорят моряки, «по чистой воде и при попутном ветре». Год был благоприятный, и только на подходе к Земле Франца-Иосифа мы встретили поля однолетнего льда.

Земля появилась узкой белой полоской на горизонте. Затем она стала расширяться и подниматься, как солнце на заре, но не багряным, а белым куполом.

Земля Франца-Иосифа была открыта во второй половине прошлого века. Русский морской офицер Н. Г. Шиллинг, изучая материалы о течениях и дрейфе льдов в Северном Ледовитом океане, пришел к научно обоснованному выводу о существовании земли между Шпицбергом и Новой Землей, к северу от последней.

Предположения Шиллинга, опубликованные им в 1865 году *, блестяще оправдались. По воле случая через несколько лет эта Земля была фактически открыта австрийской экспедицией Пайера и Вайпрехта. Они исследовали северо-восточную часть Карского моря, а при благоприятных условиях намеревались пройти на восток до Берингова пролива. Однако судьба экспедиции сложилась иначе. В самом начале похода — у западных берегов Новой Земли экспедиционный корабль «Тегетгоф» вмерз в лед. Дальше судно стало безвольно следовать по прихоти дрейфа льда на север. Пайер

* «Морской сборник», 1865, № 5.

так описывает злключения экспедиции: «Среди плоских равнин вдруг вздымались грозные ледяные горы, легкий треск переходил в грохотание, разраставшееся в какой-то бешеный гул. Сила напора льда была ужасна, и можно было предвидеть, что «Тегетгоф» будет сокрушен в щепы. Все спали не раздеваясь, готовые по первому сигналу покинуть корабль».

Так люди, страдая от цинги и других болезней, были вынуждены перезимовать во льдах Баренцева моря. С приходом лета надежды на освобождение не оправдались, и экипаж стал готовиться ко второй зиме. Тогда-то, в августе 1873 года, плененный корабль был вынесен со льдами к неизвестным островам, названным австрийцами Землей Франца-Иосифа. Экспедиция Пайера и Вайпрехта не смогла дать достоверного представления об открытом архипелаге. Австрийцы считали, что он состоит из двух островов и что к северу от архипелага якобы находится неизвестная суша, названная ими Землей Петермана *. Проведя на Земле Франца-Иосифа вторую зимовку и потеряв надежду на освобождение из ледового плена, австрийцы покинули «Тегетгоф». На санях и шлюпках они с чрезвычайными трудностями добрались по дрейфующим льдам до Новой Земли, где их спасли русские промышленники.

После открытия Земли Франца-Иосифа на протяжении ряда десятилетий была стартовой площадкой для многих экспедиций, пытавшихся достигнуть Северного полюса. Сама же она оставалась малоизученной. Расположенную в Советском секторе Арктики Землю Франца-Иосифа в 20-х годах пытались отторгнуть от СССР. Иностранные державы готовили там строительство базы. На архипелаге бесцеремонно хозяйничали иностранные корабли.

Поэтому в 1929 году наша страна решила конкретными действиями подтвердить свое право на Землю Франца-Иосифа: там была организована полярная станция, позднее преобразованная в научную обсерваторию.

Теперь же, в 1930 году, не встречая серьезных ледовых препятствий, «Седов» уже 22 июля вошел в Британский канал архипелага, следуя им, к вечеру того же дня подошел к острову Гукера и отдал якорь в бухте Тихой.

Красота бухты Тихой с величавой базальтовой скалой Рубини общеизвестна. Это отмечали все побывавшие там полярники, художники, писатели. В тот вечер в лучах полуденного солнца она была особенно хороша. В зеркале обширной бухты отражалась коричневая громада скалы и силуэты стоявших на мели айсбергов. Берега обрамляла кромка припая. На северных склонах острова еще лежал снег. Тем контрастнее выглядели маленькие проталины, кое-где на южных склонах покрытые изумрудной растительностью.

* Советские ученые установили, что Земли Петермана не существует.

Маршрут «Седова» к берегам Северной Земли в 1930 году

Был штиль. Тишину нарушал лишь встревоженный гомон птичьего базара, который сплошь покрывал обрывистые склоны Рубини.

Корабль и здание полярной станции украшали морские флаги расцветивания. Прогремел ружейный салют. К борту «Седова» привалила шлюпка начальника зимовки — Петра Яковлевича Ильяшевича, который отдал рапорт Шмидту. Дальше последовал взаимный обмен визитами, встреча на берегу. Не теряя ни минуты, моряки начали выгружать на берег стройматериалы, топливо, горючее, продовольствие.

Коллектив станции программу работ первого года выполнил. Психологический барьер зимовки на самой высокоширотной в мире станции преодолен, все здоровы.

Полярники — их было семеро — нас встретили радушно, но выглядели усталыми и радовались прибытию смены. Видимо, сказались экстремальные условия: оторванность от Большой земли, суровый климат, долгая полярная ночь.

Мои ожидания встретить в Тихой романтику дальних походов и открытий, суровые условия походной экспедиционной жизни не оправдались. В ту пору в Тихой велись только стационарные метеорологические наблюдения. Станция была первенцем Института по изучению Севера — построена добротно и в достатке обеспечена всем необходимым.

На метеоплощадке и на всей территории станции царил образцовый порядок, кое-где зеленели кустики травки. На пригорке стоял большой сруб — жилой дом, а чуть в стороне — склад и банька.

В жилом доме размещались: кают-компания, отдельные для каждого зимовщика жилые комнаты, кабинеты начальника и врача станции, кухня, комната метеостанции, помещение радиостанции и отдельно — моторное отделение с агрегатом для питания передатчика. Сочетание жилых помещений с моторным отделением было не из удачных, но наш «Седов» доставил необходимые стройматериалы, и на улице уже деловито стучали топоры плотников, рубивших отдельное здание радиостанции.

Для гостей был сервирован стол с изысканными закусками. Повар станции в белоснежной куртке и колпаке и его помощник старались не ударить лицом в грязь.

Все было так несхоже с прочитанным об Арктике. Присутствующих на встрече Владимир Юльевич Визе — участник экспедиции Георгия Яковлевича Седова, зимовавшей в бухте Тихой в 1913—1914 годах на судне «Св. Фока», рассказывал о прошлой экспедиции и о ее руководителе — Г. Я. Седове.

— Та экспедиция снаряжалась на скудные средства частных пожертвований. Г. Я. Седов обратился за материальной поддержкой в Московскую городскую думу и в своем прошении кратко изложил план предстоящей экспедиции: «Первая русская экспедиция к Северному полюсу... выходит из Архангельска в составе 14 человек и 50 собак. ...Собраны уже путем пожертвований в Петербурге и Архангельске около 3500 рублей. Смета же, мною составленная, при самых бедных требованиях в 70 000 рублей, поэтому обращаюсь с глубокой просьбой к Московской городской думе не отказать в возможной материальной поддержке экспедиции, дать ей таким образом выступить на трудный путь мирового состязания за науку, честь родной страны и честь русского флота, дабы не упрекнула нас история, что мы, русские, не способны на отвагу, на подвиг и на самопожертвование ради блага отечества...»

24 апреля дума постановила «означенное ходатайство передать на рассмотрение комиссии о пользах и нуждах общественных».

Упомянутая комиссия очень долго рассматривала просьбу Г. Я. Седова. Неуверенная «в целесообразности использования городской субсидии», она заключила, «что предприятие, задуманное Седовым... прямого отношения к московским пользам и нуждам не имеет...», и предложила думе: «Ходатайство начальника экспедиции к Северному полюсу лейтенанта Седова о материальной поддержке экспедиции со стороны гор. Москвы отклонить» *.

Примерно такой же ответ Г. Я. Седов получил и в других инстанциях. Экспедиция состоялась, но Седову пришлось отказаться от самого необходимого. С трудом он достал радиотелеграфную аппаратуру, но из-за отказа морских властей откомандировать в экспедицию морского радиста рацию пришлось оставить в Архангельске.

До Земли Франца-Иосифа старенький «Св. Фока» добирался больше года с вынужденной зимовкой в пути у берегов Новой Земли. Условия второй зимовки в бухте Тихой из-за плохого снаряжения экспедиции были очень тяжелыми. Кончилось топливо. Питались преимущественно закупленной в Архангельске соляной. Из-за однообразной, притом недоброкачественной, пищи большинство участников экспедиции заболело цингой.

Больной Г. Я. Седов с двумя спутниками в начале 1914 года вышел из бухты Тихой к Северному полюсу. Это был жест безысходного отчаяния. Партия была плохо снаряжена, не хватало собак. Не дойдя до острова Рудольфа, Седов, не выдержав трудностей похода, умер. Матросы Г. В. Линник и А. М. Пустошный, похоронив его, вернулись обратно. Это было всего 16 лет назад...

По окончании официального церемониала радист Тихой, Эрнст Теодорович Кренкель, с которым мы до этого встречались только в эфире, пригласил меня на радиостанцию.

Там была громоздкая коротковолновая рация завода имени Козицкого. На каждый сеанс связи приходилось вызывать механика, который по многу раз должен был заводить бензиновый агрегат и «поднимать шум на весь дом». Все же Кренкелю удалось установить рекордную для того времени связь на коротких волнах с антарктической экспедицией адмирала Барда. Работа Кренкеля в эфире отличалась обстоятельностью и уверенностью — никаких эффектов, но с расчетом «попасть в десятку» с первого захода, то есть принять и передать все сообщения наверняка, без справок и повторений.

Пока строители собирали в бухте Тихой здание, «Седов» использовал время для исследовательских работ на архипелаге. Земля

* Из документов, хранящихся в Центральном историческом архиве Москвы, опубликованных старшим научным сотрудником архива Л. Черновой.

Франца-Иосифа расположена на стыке Атлантики и холодного полярного бассейна. Для нее характерны резкие смены погоды, контраст между красотой природы и буйством стихии. К ней вполне можно отнести строки Лермонтова:

Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

Во время нашего путешествия на островах стояла прекрасная погода, солнечные погожие дни. Земля предстала во всей своей первозданной красоте. Вершины гор и ледники покрывал белоснежный, искриющийся на солнце наст. На голубой глади проливов застыли величавые айсберги. Воздух был прозрачен, видимость беспредельна.

В тишине изредка слышалось пыхтение нарвалов. Огромные, длиной до пяти метров, с трехметровыми стреловидными бивнями, эти очень редкие животные из семейства китовых, обитающие только в арктических водах, резвились: на большой скорости вылетали из воды и скользили над поверхностью. Нередко на плавающих льдинах или припае мы встречали белых медведей.

Такой чарующей Земля Франца-Иосифа бывает редкие дни в году. Чаше там свирепствуют ураганные ветры и пурга. Зимовщики рассказывали, что им приходилось несколько десятков метров от дома до метеобудок штурмовать ползком в связке из трех человек.

В истории исследования Земли Франца-Иосифа есть немало примеров беспредельного мужества и драматических событий. После неудачной попытки достичь на санях и каяках Северного полюса там, в убежище, построенном из камня и больше похожем на логово зверя, провели полярную ночь и не потеряли оптимизма Нансен и его спутник Иогансен. Здесь были затерты льдами и погибли корабли многих полярных экспедиций.

Землю Франца-Иосифа по праву можно назвать арктическим музеем под открытым небом. «Седов» посетил Нордбрук, Мак-Клинтон и другие острова, которые хранили реликвии прошлых экспедиций.

Следуя проливами, «Седов» остановил иностранные шхуны, которые вели запрещенный промысел в наших территориальных водах. После соответствующих объяснений иностранцы были выдворены с архипелага.

Закончив научные наблюдения, «Седов» вернулся в бухту Тихую. Приняв на борт строителей и старую смену, тепло простившись с новыми зимовщиками полярной станции, судно вышло в Баренцево море и взяло курс на Новую Землю.

ПОХОД К НЕИЗВЕСТНЫМ БЕРЕГАМ

*Открытие острова Визе.
В «ледяном погребе» Карского
моря. На подходах к Северной
Земле. Водружение Государственного
флага СССР на
островах Сергея Каменева*

Новая Земля, похожая, если смотреть на карту, на бумеранг, простирается с юга на север без малого на тысячу километров. Ее западные берега омывает Баренцево море, а восточные — Карское. Эти моря соединяются проливами: Югорский Шар, Карские Ворота и Маточкин Шар, а также широким проходом между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа.

Новая Земля, искони русская, была открыта и обжита отважными новгородскими мореходами и их потомками — поморами, расселившимися по берегам северных рек и Белого моря.

Новгородский посадник на Двине Улеб уже в XI веке совершил поход с Северной Двины к «Железным воротам». (Так по предположению историков в то время называли Карские Ворота.) За пять столетий до нас поморы регулярно ходили на Новую Землю на морских лодках, зимовали там и промышляли гольца, моржей, белух и тюленей. В XVI веке они начали ходить из устья Северной Двины на восток, через новоземельские проливы в Карское море и оттуда по Оби и Тазу в Мангазею.

Наиболее доступными были западные берега Новой Земли, но поморы добирались и до северной ее оконечности, о чем свидетельствуют заброшенные становища и потемневшие за долгие годы кресты на могилах первопроходцев. Был им известен и мыс Спорый Наволок на карской, труднодоступной стороне Северного острова, близ которого позднее зимовала голландская экспедиция Баренца.

Основываясь на сообщениях поморов о дрейфе морских льдов у северного берега Новой Земли, М. В. Ломоносов в 1763 году в своем труде «Краткое описание различных путешествий по северным морям и показаний возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» пришел к выводу, что в 300—400 верстах к

северо-востоку от мыса Желания может находиться берег неизвестной суши. Предвидение Ломоносова блестяще оправдалось. Через 150 лет не так далеко от указанного им места была открыта Северная Земля.

Научное исследование Новой Земли и съемка ее берегов велись более ста лет. Они были начаты в 1768 году Федором Розмысловым и были продолжены экспедициями Ф. П. Литке, П. К. Пахтусова, А. К. Цивольки и других русских и иностранных исследователей. Во время вынужденной зимовки «Св. Фоки» у берегов Новой Земли в 1912—1913 годах ее исследовали участники экспедиции Г. Я. Седова.

Чрезвычайно ценные результаты дали пять экспедиций на Новую Землю, в которых участвовал В. А. Русанов в 1907—1911 годах. Он совершил сухопутные маршруты и пересечения острова, а также обошел морем все побережье. Новая Земля покорила его своей красотой. Русанов записал в путевом дневнике:

«Кто проходил Маточкиным Шаром, тот, вероятно, никогда не позабудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы, которая там постоянно разворачивается. Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными и разноцветными горными складками, снегом и ледниками! Пользующиеся такой известностью у туристов норвежские фьорды тусклы и бледны по сравнению с удивительным разнообразием и оригинальной яркостью форм, цветов и оттенков этого замечательного и в своем роде единственного пролива».

Владимир Александрович Русанов — вдумчивый полярный исследователь-геолог может быть отнесен к категории людей, о которых, отдавая им должное, с восхищением говорят: «Отчаянная голова». Его не смущал недостаток, а порой и отсутствие средств.

В 1912 году на парусно-моторном боте «Геркулес» водоизмещением всего 65 тонн Русанов с десятью спутниками обогнул Новую Землю и вышел на восток в Карское море, рассчитывая пройти Северным морским путем до Берингова пролива. Экспедиция бесследно исчезла. Обстоятельства гибели Русанова, его невесты — студентки Сорбоннского университета Жюльетты Жан и остальных участников экспедиции неизвестны. Два десятилетия спустя на островах у северо-западного побережья Таймыра были сделаны находки, подтверждающие, что, несмотря на крайне тяжелое состояние льдов в 1912 году, «Геркулес» пересек северо-восточный район Карского моря.

С 1973 года поиски следов русановцев ведут отряды полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» под руководством Д. И. Шпаро. На высоком безымянном мысе в бухте Михайлова на Таймыре ими открыта новая стоянка русановцев, найдены многочисленные реликвии экспедиции 1912 года, возле

острова Песцовый обнаружены следы катастрофы — высказывается предположение, что «Геркулес» разбился о скалы острова. В 1978 году удалось установить фамилию одного из матросов с «Геркулеса», которая оставалась в забвении 65 лет. Теперь все одиннадцать героев названы поименно. Участниками экспедиции газеты установлены на местах стоянок русановцев памятные знаки...

...В кают-компании «Седова» В. Ю. Визе и Р. Л. Самойлович, бывший вместе с В. А. Русановым в экспедиции на Шпицбергене, рассказывали об этом замечательном полярном исследователе. Захватывающие истории поведали собравшимся О. Ю. Шмидт и В. И. Воронин. Встречи и беседы с этими интересными людьми остались для меня памятными на всю жизнь.

Порой в кают-компании возникали шахматные баталии и импровизированные концерты. Случалось, вспыхивали споры и диспуты. Примечательным в них была их доброжелательность. Они велись на равных, хотя один из споривших мог отстаивать свое мнение с запалом молодости, а другой, умудренный знаниями и опытом, ученый, с тактом их опровергать. Пересматривать свои взгляды случалось и тем и другим. Споры, как правило, оканчивались взаимопониманием, были поучительны и создавали здоровый климат на корабле.

Журналисты комментировали экспедиционные события не только в центральной прессе, но и в судовой стенгазете. Делали они это остро и с юмором.

В начале августа «Седов» бросил якорь в бухте Русская Гавань на Новой Земле. Защищенная от ветров гористыми берегами, бухта удобна для якорной стоянки. С барьером мощного ледника, айсбергами и живописными берегами она по красоте не уступала проливу Маточкин Шар. Здесь перед походом к берегам Северной Земли «Седов» должен был принять уголь от ледокольного парохода «Сибиряков», вышедшего из Архангельска.

Используя вынужденную остановку, машинная и палубная команды еще и еще раз проверяли перед ответственным походом механизмы и оснастку судна. Ученые вели наблюдения на куполах ледников и в долинах, покрытых ковром полярных цветов. Охотники возвращались с берега с богатыми трофеями. Стояли благодатные дни короткого полярного лета, ничто не напоминало о суровой Арктике и ледовых преградах.

А ведь именно в этом районе, чуть южнее Русской Гавани, в 1872 году льды навсегда пленили «Тегеттгоф» австрийской экспедиции Пайера и Вайпрехта. В 1912 году примерно там же был вынужден зазимовать Г. Я. Седов на «Св. Фоке», крепко скованном льдом. В 1901 году мощный ледокол «Ермак» под командованием адмирала С. О. Макарова (шедший к северо-западной части Новой

Земли) пытался пройти к острову Диксон, обогнув мыс Желания, но так и не смог этого сделать. В сотнях миль к югу от Русской Гавани «Ермак» попал в ледяную ловушку, в которой пробыл более месяца. Все это совсем не походило на благоприятные условия плавания «Седова» в Баренцевом море в 1930 году. Объяснение следует искать в тех громадных ежегодных и циклических колебаниях, которым подвержено состояние льдов в Баренцевом и других морях Арктики.

11 августа, на четвертый день после прихода «Сибирякова» и круглосуточного аврала, бункеровка нашего судна закончилась. Зимовщики Земли Франца-Иосифа и строители перешли на борт «Сибирякова», а седовцы дописали последние письма родным и близким на Большую землю. Суда обменялись прощальными протяжными гудками и разошлись: «Сибиряков» — на юг, к родным берегам, а «Седов», обогнув мыс Желания, — на северо-восток, в неведомое.

В Карском море погода резко изменилась. Идиллию предшествующих дней сменили морось и заряды мокрого снега. «Седов» вошел в битый лед. В штурманской рубке ледокола место мореходных карт занял чистый лист ватмана. Впереди по курсу ледокола на северо-восток в прямоугольнике, ограниченном на западе побережьями Новой Земли и Земли Франца-Иосифа, а на востоке восточным берегом Северной Земли, лежало огромное «белое пятно» — неисследованное пространство, простиравшееся на многие сотни морских миль. Прежде считалось, что тяжелые льды этой части Карского моря непреодолимы. Здесь еще не проходил ни один корабль.

13 августа В. И. Воронин спустился с капитанского мостика в кают-компанию, снял меховые рукавицы и, поправив густые усы, торжественно объявил: «Земля по курсу». Все выскочили на палубу. Впереди лежал неизвестный остров. Это была земля, теоретически открытая В. Ю. Визе несколько лет назад... за письменным столом.

Предыстория этого открытия такова. В 1912 году экспедиция Г. Л. Брусилова на небольшой шхуне «Св. Анна» вошла южным проливом в Карское море, чтобы пройти Северным морским путем. Однако льды уготовили морякам другую, трагическую участь. У самых берегов полуострова Ямал «Св. Анна» была затерта льдами, увлечена в дрейф и вынесена в полярный бассейн. Накануне третьей зимовки штурман В. И. Альбанов с десятью матросами покинули шхуну, чтобы пешком по льду дойти до Земли Франца-Иосифа и тем спасти себя и оставшихся на судне от неминуемой голодной смерти. Три месяца, терпя несказанные лишения, скитались люди по островам и дрейфующим льдам. Из одиннадцати человек уцелели двое — штурман Альбанов и матрос Конрад.

Они были случайно подобраны «Св. Фокой». Судьба «Св. Анны» и экипажа осталась навсегда неизвестной. Штурман Альбанов сохранил и доставил на Большую землю бесценные документы: копии судового журнала «Св. Анны» и метеорологических наблюдений.

Проанализировав эти документы, В. Ю. Визе высказал предположение о существовании в районе дрейфа «Св. Анны» неизвестного острова. Местоположение его было приблизительно рассчитано ученым и нанесено на карту, опубликованную в 1924 году*.

И вот шесть лет спустя «Седов» открыл этот остров, которому заслуженно было дано имя Визе. Сам автор открытия находился здесь же, на борту корабля, и принимал горячие и сердечные поздравления участников экспедиции.

Остров площадью в несколько десятков квадратных километров оказался низменным, унылым и безжизненным. Наша североземельская моторная шлюпка с трудом успевала доставлять на остров седовцев, а также продовольствие для небольшого депо, которое решено было там оставить. У костра устроили привал, и, довольный, радужный, В. Ю. Визе приглашал ученых, возвращавшихся с рекогносцировки, отдохнуть, перекусить и выпить кружку горячего чая.

К востоку от этого острова ледовая обстановка резко ухудшилась. «Седов» вошел в тяжелые многолетние льды. Несмотря на искусство и опыт капитана, были дни, когда за вахту судно продвигалось вперед всего на два-три корпуса. Выбираясь из ледяных тисков, корабль напрягал все силы, машины работали на полную мощность. С капитанского мостика одна за другой следовали команды:

— Полный вперед!..

— Полный назад!..

Но машины были бессильны: корпус содрогался, а «Седов», заклиненный льдами, оставался на месте. Тогда выходили моряки и пешнями скалывали лед, безуспешно пытались помочь кораблю. Лед взрывали аммоналом, заводили ледовые якоря, но и это не помогало. Проход к Северной Земле был заперт на крепкий замок.

Настроение многих участников похода стало падать, как барометр перед штормом. Недавние оптимистические предположения о быстром достижении Северной Земли и скором возвращении в Архангельск сменились минорными. Многие вспомнили недобрую репутацию «ледяного погребца» Карского моря, в центре которого в эти дни «Седов» вступил в единоборство со льдами. Как трещины на стекле поползли разговоры о вынужденной зимовке во льдах.

* «Известия Центрального гидрометеорологического бюро», 1924, вып. III.

Выбираясь из ловушки, «Седов» отступил от курса к югу. Примерно через неделю ледовая обстановка изменилась к лучшему, и корабль получил возможность, преодолевая препятствия, следовать на северо-восток. В. И. Воронин по вантам мачты поднимался в бочку — в «воронье гнездо» и часами не покидал свой наблюдательный пункт, изыскивая малейшие возможности для продвижения в сплоченных льдах. О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков сутками не уходили с капитанского мостика.

Где-то совсем близко, на востоке, должна находиться Северная Земля. На дальних подступах к ней были открыты небольшие острова, названные именами Воронина и Исаченко, но времени на их обследование не было. За этими островами на пути к Северной Земле корабль вновь встретил непреодолимый ледяной заслон.

Следуя вдоль кромки льда на север, «Седов» открыл группу небольших островов, названных островами Каменева в честь Сергея Сергеевича Каменева — председателя Реввоенсовета СССР и заместителя народного комиссара по военным и морским делам.

22 августа «Седов» подошел к одному из островов архипелага С. Каменева (ныне — архипелаг Г. Седова), который позднее был нами назван уютным именем — Домашний. Едва возвышавшийся над поверхностью моря, он выглядел неказистым и унылым: узкая полоска земли, около километра в длину, без ручейка или озера пресной воды, без растительности и признаков жизни.

Сроки пребывания судна во льдах Арктики были на исходе. Всякая задержка грозила «Седову» вынужденной зимовкой. В создавшейся обстановке было решено приступить к выгрузке. Для того чтобы ускорить разгрузку, домик экспедиции начали собирать на галечной косе острова, в пятнадцати метрах от уреза воды.

Ушаков по этому поводу вспоминал:

«Кто решил попасть на Северную Землю, тот должен был радоваться возможности зацепиться за близкий к ней островок, хотя бы суровый и неприветливый. Посовещавшись с товарищами, я объявил о высадке. Безымянный клочок суши должен был стать опорной базой экспедиции».

Седовцы, а больше всех капитан В. И. Воронин, сделавший все возможное, чтобы достичь берега Земли, были крайне огорчены необходимостью высадки нашей четверки на островке, который называли-то не островом, а «мышиним хвостиком».

Что касается нашей североземельной четверки, то все мы были несказанно рады: наконец-то мы прибыли «домой», могли начать организацию базы и приступить к экспедиционным работам, к которым готовились и стремились многие месяцы. Над не в меру «сочувствующими», которых было немало, неунывающий Сергей Журавлев весело подтрунивал, напевая песню на слова Демьяна

Бедного, к случаю подкорректировав автора: «Как родная меня мать провожала, так и вся моя семья причитала».

Выгружали круглые сутки, не прерываясь ни на минуту. Работала вся команда корабля. Из-за мелководья «Седов» стоял на якоре вдали от берега. Переполненные кунгасы от судна к берегу буксировала наша моторка. Туда-сюда, как челнок, она снова-ла на протяжении пяти суток.

Работали на буксировке в две смены: Ушаков с Журавлевым и мы с Урванцевым. Смена, закончившая буксировку, шла на берег принимать и складывать грузы. Временами штормило, и вода заливала свечи, мотор глох. С тяжелыми кунгасами шлюпка шла медленно, ветер сносил ее с курса. Стоящий у руля и мотора бодрствовал, а второму, если не было тумана и зарядов снега, удавалось несколько минут вздремнуть. Перекусить можно было лишь на ходу.

Температура воздуха с каждым днем заметно падала. Берега покрылись снегом. На воде появилось сало, в котором застревала шлюпка с кунгасами. Наконец 30 августа 1930 года все экспедиционные грузы были на берегу, вчерне закончена сборка нашего маленького, похожего на избушку домика. Под оружейный салют на флаштоке мачты взметнулся красный флаг с серпом и молотом.

Первый гудок возвестил о предстоящем отходе «Седова». Прощаемся с товарищами по морскому походу, слушаем последние добрые пожелания и неизменные слова сочувствия в наш адрес: «Суровая, скучная земляца». Но ведь на лучшее мы и не рассчитывали и были готовы в случае необходимости к выгрузке на припай.

О. Ю. Шмидт вручил Ушакову два документа. Один — официальный мандат о назначении Георгия Алексеевича Ушакова начальником Северной Земли и предоставлении ему права в соответствии с законами СССР «устанавливать правила въезда, выезда и пребывания на Северной Земле и островах иностранных граждан». Этот документ имел не отвлеченное значение, а исходил из конкретной обстановки тех лет, ставил точку в вопросе государственной принадлежности территории Северной Земли и давал в этом отношении исчерпывающие права личному составу нашей экспедиции. Другой документ определял конкретные задачи экспедиции.

Второй гудок. «Седов» выбирает якоря. Мы спускаемся по штурмтрапу в нашу шлюпку и отваливаем от борта.

Прощальный третий гудок, и через несколько минут силуэт судна тонет в разливах тумана...

НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ

Робинзоны острова Домашний. В преддверии полярной ночи. Промысел зверя и строительство. Подготовка всепогодной «техники». Комфорт и домашний уют. В эфире Арктики

После ухода «Седова» мы остались одни, каждый наедине со своими мыслями. Ветер медленно сносил шлюпку. Большая земля, Москва, близкие и друзья далеко. Тысячи миль и бесконечные ледяные поля теперь отделяли нас от них.

С понятной грустью мы только что расстались с седовцами, с которыми так жили и сдружились за время рейса.

— Здорово винта нарезал!

Этот возглас Журавлева, относившийся к поспешному отходу «Седова», разрядил обстановку и вызвал улыбку. Грусти как не бывало.

Со дня выхода из Архангельска — 45 дней — мы были «пленниками» корабля, не уверенными до конца, доставит ли «Седов» нас к цели — на нашу Землю. Все это время мы находились в состоянии, назовем его предстартовым, которое испытывают больные перед операцией, парашютисты до команды «пошел», солдаты перед атакой.

Теперь же «швартовы отданы», мы у цели, остались одни и можем, как говорят, «взять управление на себя», быть хозяевами своей судьбы. Впереди большая работа — Земля, ради которой мы здесь, на краю света. Минорным настроениям не место. Заводим движок, даем полный газ, и наша шлюпка, зарываясь в волне, идет к острову — к главной базе экспедиции.

И вот мы у себя дома. Над нами крыша. На бревенчатой стене кают-компания закрепляем алый флаг и расставляем привезенную из Архангельска мебель. Ее у нас немного — всего четыре венских стула. Шутя вспоминаем Робинзона, который начинал куда с меньшего. Вносим ящик, раскладываем на нем сухари, по банке мясных консервов на каждого, зажигаем примус и, усевшись в тесный кружок, с разговорами о будущем и с шутками начинаем свой

первый ужин. Затем залезаем в спальные мешки и, до предела уставшие, засыпаем сном праведников.

Утром, выйдя из дома, оцениваем картину «побоища», оставшегося после поспешной выгрузки. Кругом нагромождение ящиков с продовольствием, бочки с керосином, штабеля досок, тюки войлока и пачки фанеры. Полно работы, не терпящей никаких отсрочек. При первом шторме все смоем волнами, а первая же пурга погребет под снегом. Но, как говорят, глаза бояться, а руки делают, и мы за три дня навели на берегу порядок.

Сентябрь на островах Каменева — месяц не из приятных. Меньше всего он походил на пору золотой осени. Низкая облачность, неустойчивая, хмурая, промозглая погода. Обложные туманы сменялись штормами, заряды дождя и мокрого снега — сухой крупой и метелями. Наседали морозы.

После ухода «Седова» до наступления долгой четырехмесячной полярной ночи времени оставалось совсем мало. Неотложных работ было много, а рабочих рук явно не хватало. В первую очередь необходимо было заготовить мясо морского зверя для корма собакам — его требовались многие тонны. Промысел зверя был для нас равнозначен уборочной страде. Ему отдавался каждый сколько-нибудь свободный час, а если позволяла погода, то и несколько суток без отдыха.

В любой день льды могли закрыть море и лишить нас единственного источника корма для собак. А это ставило под удар успех экспедиции, саму возможность исследования Северной Земли, лишало смысла наше пребывание здесь, на этом богом забытом острове.

Надо было подготовиться и к предстоящим санным походам нашей всепогодной четвероногой «техники». Пока что собаки были необученной, не признающей порядка бандой «анархистов», занятой бесконечными драками и выяснением отношений. За время долгого пути от Хабаровска до Северной Земли они совсем отбили от рук, и предстояло обучать их работе в упряжке.

К суровой зиме нужно было построить, утеплить и благоустроить жилой дом, распаковать и устроить на хранение продукты и другие запасы. Предстояло оборудовать метеорологическую площадку, установить приборы для стационарных научных наблюдений, собрать ветроэлектрический агрегат, запустить радиостанцию и выполнить десятки других работ, не считая ежедневных хлопот по хозяйству.

В отдалении от дома на возвышенной части острова мы устроили депо, куда на себе перевезли неприкосновенный аварийный запас продовольствия, одежды и горючего.

Промысел морского зверя лег на плечи Ушакова и Журавлева. На моторной шлюпке они уходили далеко в море, к кромке дрей-

фующего льда. Нужно было добыть зверя, доставить на берег и разделать его. Все это на морозе, ветре, в месиве битого льда, шуги и соленой воды, а часто и в туман. Волны захлестывали шлюпку, мотор и людей, и они на морозе быстро покрывались ледяным панцирем. Экономя время, охотники не позволяли себе согреть даже кружку воды. При удачной охоте пили горячую кровь убитой нерпы или медведя и тем согревались.

Достройкой и подготовкой к зиме нашего жилья и работами на самой базе занимались мы с Урванцевым. Правда, карабины мы держали возле себя заряженными и всегда были не прочь сменить работу у базы на охоту или на помощь товарищам в море. Нам было много легче. Промерзнув до костей, мы могли растопить снег, вскипятить воды и выпить по кружке чая.

3 сентября было самым удачным днем нашего промысла. С раннего утра Ушаков с Журавлевым ушли в море к припаю. Вечером мы с Урванцевым заметили возвращавшихся охотников. Шлюпка шла, переполненная грузом, чуть ли не черпая воду бортами. Ушаков стоял у румпеля, а Журавлев, взгромоздившись на тушу морского зайца и играя усатой губицей матерого зверя, озорно распевал:

— Вот за губки, эти губки бантиком...

Общими усилиями мы выгрузили на берег трех огромных зайцев и 12 нерп. Ушаков, довольный, сказал:

— Вот это денек! Такая бы еще неделя, и мы были бы обеспечены мясом полностью.

В этот момент метрах в трехстах мы заметили двух медведей. Через несколько минут они пополнили трофей дня. Вчетвером взялись свежевать и разделывать туши. Кто-то из нас оглянулся и увидел на расстоянии выстрела направлявшихся к нам еще трех медведей...

Да, денек выдался на редкость удачным: добыли больше четырех тонн мяса! Но охотничье счастье изменчиво. Были дни, когда радовались и одной добытой нерпе. А сколько раз штормы совсем не выпускали в море!

В непогоду — в пуржливые или штормовые дни — Ушаков с Журавлевым, ворча, приобщались к нашей «домашней» доле. Когда работали вчетвером, дело спорилось быстрее и лучше. Но суток, как мы их ни растягивали, решительно не хватало. Лишь в середине месяца дошли руки зарядить аккумуляторы и наспех подключить радиовещательный приемник. В тот вечер мы впервые провели несколько часов у репродуктора. Зачарованные, буквально не дыша, слушали Москву.

Первый месяц нашего пребывания на острове не прошел даром. Главное, что мы, такие разные по характеру, привычкам и темпераменту, шершавые, непритертые и, наверное, не совсем отве-

чающие принятым теперь нормам совместности, сработались, стали понимать друг друга с полуслова и крепко сдружились. Мы стали коллективом, спаянным единством цели и действий. Нас стало больше: не просто четверо, а четверо, возведенных в степень!

Это не пришло само, этим мы обязаны Георгию Алексеевичу Ушакову. Из многих эпитетов, сопутствующих его имени, таких, как покоритель нехоженых земель, Колумб XX века, лучше и полнее всего Ушакова определяли два слова: большевик и Человек с большой буквы.

В сентябре мы заготовили на зиму добрый запас мяса. Установили и проверили приборы метеорологической станции. Вышла в эфир и заработала радиостанция Северной Земли позывным XEUZCF, поддерживалась связь с Землей Франца-Иосифа и Ленинградом. В нашем доме стало тепло и уютно: полы покрыли линолеумом, стены утеплили войлоком и обили фанерой. Во всех комнатах загорелся электрический свет, в кухне приятно пахло свежее выпеченным хлебом.

Большую часть нашего домика занимала комната размером около двадцати метров. Это наш рабочий кабинет, мастерская, кают-компания, библиотека, столовая и спальня — все вместе. Везде приборы, книги, охотничьи ружья.

На стене, между стеллажами с книгами, — алый флаг с серпом и молотом. Справа и слева от входа — две двухъярусные койки. Обычно в комнате было тихо, слышался лишь ритмичный, звенящий ход хронометров и самописцев.

Оживленно в нашей кают-компании было рано утром, когда мы все собирались за завтраком, и поздно вечером — за ужином. Пока в нашем меню преобладали медвежатина и яичница. Два раза в неделю мы выпекали черный и белый хлеб.

Завтрак походил на короткую утреннюю планерку, на которой в зависимости от погоды уточняли, чем и где будет занят каждый из нас. Ужин совмещали с часом отдыха перед сном, за ним мы подводили итоги дня, слушали радио. Мои товарищи, бывалые полярники, были прекрасными собеседниками, их рассказы я всегда слушал с интересом.

В нашем распорядке дня отводился час для обеда. Но пока мы этот час экономили: день становился все короче, и светлого времени не хватало.

В доме была небольшая кухня с плитой и обогревателем, отапливаемая весь наш домик. Раньше всех поднималась дежурная «хозяйка дома», на которой лежали все хлопоты по домашнему хозяйству. Дежурили по неделе.

Небольшой закуток в домике был отведен под радиорубку. Она была наппигована оборудованием и приборами, как подводная лодка. От многочисленных электронных и сигнальных ламп в ней

всегда было тепло, даже при открытой форточке. На стене большой электрораспределительный щит. Под ним — рабочий стол, имевший форму буквы «П», на котором стояло несколько радиоприемников. Справа над столом на кронштейнах был установлен наш основной коротковолновый передатчик мощностью порядка 25 ватт, с прекрасными параметрами, доставшийся нам в наследство от международного общества «Аэроарктик». Там же размещался передатчик моей любительской радиостанции, более экономичный и поэтому чаще бывший в ходу. С левой руки на стене был закреплен приемник судового пеленгатора и под ним баранка привода его рамки. Под столом в вентилируемых отсеках находились аккумуляторные батареи. Сзади, за спиной, стоял бензоагрегат с движком воздушного охлаждения мощностью в три лошадиные силы и генератором питания передатчика. На оставшемся свободном месте в радиорубке размещался только один радист. Второй человек мог просунуть в дверь рубки лишь голову.

Первые попытки запустить станцию окончились неудачей. Безотказный движок оказался буквально зверем, домашним «мотоциклом», способным разбудить мертвого и выжить из дома всех живых. Запустив движок, приходилось работать, словно сидя на горячей сковородке. Спину подкачивали раскаленные радиаторы движка. В дверях незамедлительно появлялись вначале недоумевающие и озабоченные, а затем протестующие лица товарищей. Изъяснились мимикой и жестами. Сергей одной рукой показывал кулак, а большим пальцем другой указывал на пол, что означало: приглуши свой «мотоцикл». Николай Николаевич, по совместительству наш домашний врач, с пузырьком нашатырного спирта готов был привести в чувство полуголовившего радиста. В общем было не до радиосвязи. Поэтому на первый случай мы выдворили «мотоцикл» в большой холодный тамбур. Грохота убавилось, но привыкший к теплу движок на морозе капризничал, чихал и фыркал, да и работа бензодвигателя без присмотра вызвала опасение. Мы решили не искушать судьбу, и наш непокорный «мотоцикл», тщательно законсервировав и смазав тавотом, отправили на склад, где и хранили его как НЗ.

Электропитание рации перевели на аккумуляторные батареи, которые коммутировали, а затем заряжали от ветроэлектрического двигателя. Станция от этого немного потеряла в мощности, но выиграла в оперативности, и стало возможным работать в любое время, не нарушая покоя товарищей.

Наш ветроэлектрический агрегат был компактным, удобным в монтаже и в эксплуатации. Он имел генератор постоянного тока мощностью один киловатт, регулируемый с пульты в рубке. На оси редуктора ветряка крепился двухлопастный пропеллер. Хвостовое оперение удерживало агрегат по ветру, а система стабилизации

оборотов поддерживала их достаточно постоянными при разных скоростях ветра. Ветряк с аккумуляторами не только обеспечивал нам питание рации, но и электрическое освещение в доме и на метеоплощадке. Мы прожили с ним два года как у «христа за пазухой», лишь несколько раз сменив смазку в редукторе и щетки у динамомашины.

Выйдя в эфир первый раз с опозданием на несколько дней и прослушав диапазон, я сразу нашел радиостанцию Ленинградской секции коротких волн в яхт-клубе, имевшую позывной RHA1. Такая знакомая и нужная, она была занята интенсивным обменом сообщениями с многочисленными корреспондентами и нам не ответила. Хорошо, подождем установленного времени связи. Но и тогда яхт-клуб не ответил, а продолжал радиообмен с другими станциями. Так прошли второй, третий сроки связи. Проверил записи, время сеансов связи, частоты — все совпадает. Пытался найти корреспондентов, с которыми работает Ленинград, и звать его на их частоте. Все бесполезно. Обидно, ведь договорились о первой связи Северной Земли обязательно с Ленинградом.

Инцидент разрешился с помощью старого товарища по Ленинградской секции коротких волн Г. А. Тилло. На второй или третий день безуспешных попыток я услышал едва теплящиеся сигналы очень далекой станции. Северную Землю вызывал «вечный скиталец» Тилло, находившийся, как всегда, в экспедиции, на этот раз в одном из леспромхозов Нижегородского края, где-то под Кологривом. Он долго следил за мной в эфире и решил помочь. Поскольку Тилло ленинградец, то проведение с ним первой связи не было нарушением слова, данного товарищам в Ленинграде.

Радостно обменялись приветствиями, договорились о сроках связи, и я передал через Кологрив первое служебное донесение и телеграммы близким. Пока я работал с Кологривом, мои товарищи пытались найти на карте этот маленький городок. Оказалось, что это сделать не легче, чем найти наш остров Домашний.

На следующий день, предупрежденные Тилло, точно в срок появились мои ленинградские товарищи. Их тревожило наше отсутствие в эфире, но они не теряли времени и работали с другими.

На любительских диапазонах хорошо были слышны станции всех континентов. Надо отдать должное нашим коротковолновикам, проявлявшим большой интерес к экспедиции. Многим по газетным сообщениям были известны подробности похода «Седова» и задачи нашей экспедиции. Они предлагали помощь в передаче радиogramм. Труднее приходилось с зарубежными радиолюбителями: на их картах Северной Земли еще не существовало, и наши географические координаты вызвали у них удивление, просьбы об уточнении.

В эфире при благоприятных условиях можно было работать

сутками. Создавалось впечатление, что остров Домашний в центре, а земной шар вращается вокруг него. Полное смешение всех языков и народов. Только получишь от одного собеседника пожелание спокойной ночи — через несколько минут другой приветствует тебя с добрым утром. И все же от первых дней работы в эфире сложилось впечатление, что прохождение коротких волн в Арктике весьма непостоянно.

Длинные волны проходили феноменально хорошо и завидно устойчиво. Как рой пчел, гудели в наушниках очень дальние радиостанции судов, плавающих в Тихом и Индийском океанах. Это было так ново, непонятно и непохоже на условия связи на материке. Ну что ж, видимо, в то время, когда товарищи будут заняты исследованием загадок Северной Земли, мне представится возможность заняться загадками эфира Арктики.

ЗДРАВСТВУЙ, СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ!

Новая метеостанция на синоптической карте. Водружение Государственного флага СССР на Северной Земле. Радиосообщение о первом походе

Первое октября 1930 года было для участников Североземельской экспедиции примечательной датой. Мы к этому времени закрепились на исходной базе экспедиции — острове Домашнем, и в этот день Ушаков, Урванцев и Журавлев на трех упряжках уходили в первый рекогносцировочный санный поход к западным берегам Северной Земли. Предстояла решающая разведка боем.

С этим походом было связано многое. Мы даже приблизительно не знали расстояния от нашей базы до побережья Земли. Не известны нам были и условия передвижения по маршруту. Предстояло испытать все снаряжение и намеченную тактику экспедиционных походов. Этот поход каждый из нас считал своим экзаменом.

И хотя наши собаки были еще мало тренированы и далеко не в лучшей форме, откладывать поход было нельзя. День становился все короче, приближалась долгая полярная ночь. Нужно было использовать последние угасающие дни для того, чтобы добраться до Северной Земли и наметить последующие маршруты. Пролиты к этому времени затянуло молодым льдом, установился относительно прочный для передвижения на собаках снежный покров.

...Наступил долгожданный рассвет. Нарты были нагружены и увязаны накануне, с вечера. Все готово к отъезду. Ушаков еще и еще раз подтягивает ремнями грузы на санях. Урванцев стоит погруженный в мысли о предстоящем путешествии. Журавлев, чертыхаясь и прикрикивая: «У, Мазепа, дьявол, а ты, Ошкуй, что еще скулишь», расправляет постромки упряжки. Собакам, повернувшим морды к нартам, достаются пинки Журавлева. Скуля, они отлетают на нужное место.

Первым трогается в путь Ушаков.

— До встречи, Вася! — доносятся до меня его последние слова.

Схватив хорей, вспрыгивает на полоз нарты Журавлев. Уже на ходу он громко кричит:

— Не горюй, парень!

Следом за ними уходит и упряжка Урванцева.

Вскоре и нарты, и товарищи скрываются в мгlistой дымке сумеречного дня. На снегу остается только след, уходящий на восток, след в неизведанное.

Еще долго стою на берегу, у уреза моря, покрытого вздыбленными торосами. Больше всего мне хотелось бы сейчас быть с товарищами...

Но подходит срок метеорологических наблюдений. Возвращаясь на базу, снимаю и особо старательно, каллиграфическим почерком заново в журнал показания приборов, установленных в нашем «научном кабинете». Затем спешу на метеорологическую площадку, записываю данные о скорости и направлении ветра, измеряю влажность воздуха, снимаю показания многочисленных термометров, определяю форму облаков, скорость и направление их движения. Из этих и других несложных, но требующих скрупулезного внимания операций и состоит комплекс стационарных метеорологических наблюдений. Через полчаса очередной сеанс радиосвязи. К этому сроку должна быть готова сводка погоды.

Тот день — 1 октября знаменовал еще одно событие — начало работы первой на Северной Земле гидрометеорологической станции.

Погода тысячелетиями была непознанной стихией. Она щедро оделяла человека своими дарами, но и приносила неисчислимые бедствия. С течением времени человеческий ум все глубже проникал в тайны явлений погоды, однако и сейчас трудно приходится людям, когда разыгрывается воздушная или водная стихия.

Вставая утром, мы, распахивая окна и шторы или включая радио, узнаем, какая нас ждет погода. О ней говорят в метро и троллейбусах, во время обеденного перерыва. Мы ворчим, если прогноз синоптиков оказывается неточным, а зонтик оставлен дома. Несравнимо большее значение, чем для горожанина, имеет погода для летчика и агронома, строителя и моряка. Людям, работающим в самых различных отраслях, нужны точные прогнозы погоды. Для этого синоптики в первую очередь должны знать фактическое состояние метеорологической обстановки на всей планете. И над океанами и морями, которые покрывают три четверти поверхности земного шара, и над знойными пустынями, и над просторами ледяной Арктики.

А что синоптики в 1930 году знали о погоде на бескрайних берегах Ледовитого океана? Ответить нетрудно: практически почти ничего. От цепочки станций: Юшар (Югорский Шар) — Вайгач — Матшар (Маточкин Шар) — Земля Франца-Иосифа на

западе и до Берингова пролива на востоке — на арктической трассе протяженностью в девять часовых поясов почти не было метеорологических станций.

Выдающийся русский флотоводец, ученый-океанолог адмирал С. О. Макаров писал: «Простой взгляд на карту России показывает, что она своим главным фасадом выходит на Ледовитый океан». Но и без малого через три десятилетия после гибели адмирала все «окна» фасада России оставались наглухо закрытыми ставнями.

Наша станция на Северной Земле была одной из первых, распахнувшей настежь одно из «окон» на главном фасаде России. Причем окно, обращенное в центр «белого пятна» арктических просторов.

Я не мог быть свидетелем, но представляю, как синоптики Центрального института прогнозов, получив первую метеосводку с Северной Земли, столпились у синоптической карты — у «распахнутого окна» — и с упоением дышали «воздухом» неизвестного района Арктики.

...В нашем небольшом домике в тот день стало просторнее, чем обычно. И хотя койки товарищей остались аккуратно заправленными, в комнате было не так уютно, как раньше. Недочитанный томик Пушкина и трубка, оставленные на рабочем столе Ушакова, астрономический ежегодник с множеством закладок Николая Николаевича — все напоминало об ушедших в поход. Громче, чем всегда, слышался ход бесстрастных хранителей времени — хронометров.

Жизнь и работа на базе вошли в четкий ритм: сроки метеорологических наблюдений, сеансы радиосвязи, строгий распорядок дня во всем, включая домашние заботы. И лишь тревога за судьбу товарищей и исход похода не отступала от меня и во время работы, и будила среди ночи.

В доме, да и снаружи еще много незавершенного. В радиорубке, как в кухне коммунальной квартиры, окутанной бельевыми веревками, времянки — жгуты проводов, неокрашенные стены. На складе и в собачнике нет электропроводки. К возвращению товарищей все это надо было сделать и подготовить приборы для аэрологических наблюдений.

Быть в курсе событий помогал приемник, всегда включенный и настроенный на московскую радиостанцию имени Коминтерна, и в эти дни меня особенно тянуло к нему.

Всегда в одно и то же время на волне «Коминтерна» появлялась знакомая помеха, заставлявшая весь диапазон, — шипящие телеграфные сигналы искровой радиостанции. Это работал «дедушка» арктической связи — семкиловаттный передатчик Юшара, изготовленный еще в 1908 году Русским обществом беспроволочных телеграфов и телефонов.

Двадцать лет для радиоаппаратуры весьма почтенный возраст, и передатчик Юшара, далекий от технического совершенства с рождения, под старость мог вести передачу в очень медленном темпе, «голос» его сигналов был старческим и натруженным. Но Юшар продолжал нести нелегкую вахту. Он работал с Исакогоркой и был единственным звеном, связывающим в те годы немногие радиостанции Арктики с Большой землей. Получалось, что, слушая Юшар, не выключая «Коминтерна», можно было узнать и о всех местных арктических событиях.

В те дни я с особым интересом следил за эфиром и на волнах, отведенных для работы с морскими судами. Когда «Седов» плавал в районе Земли Франца-Иосифа и пробивался во льдах к берегам Северной Земли, на юге Карского моря осуществлялась крупная транспортная операция — Карская экспедиция 1930 года. За одну навигацию наши ледоколы провели на Енисей и Обь 46 морских пароходов, намного больше, чем когда-либо в предшествующие годы.

Береговые радиостанции Арктики, обслуживавшие эту экспедицию, имели устаревшую аппаратуру и небольшой радиус действия. Радиogramмы с морских судов, идущих по Енисею в Игарку за экспортным лесом, передавались по цепочке с переприемом через радиостанции Усть-Енисейского порта, Диксона, Юшара, Исакогорки. В результате даже срочные телеграфные сообщения задерживались, а подчас и искажались. А следствием плохой связи был простой пароходов, аварии и убытки.

Число судов и грузооборот Карских экспедиций ежегодно увеличивались, а техническая оснащенность радиостанций, оставшихся в наследство с дореволюционных времен, не соответствовала возросшим транспортным и хозяйственным нуждам страны. К тому же радиостанции на Севере принадлежали разным ведомствам, и в их техническом оснащении и в работе был большой разбой.

В Карской экспедиции 1930 года, так же как в предыдущую навигацию, на помощь морякам и хозяйственникам приходил радиомост, по которому срочные оперативные радиogramмы из Арктики на коротких волнах передавались напрямую в Москву и Ленинград. На одном конце этого моста, в Арктике, на «Красине», работал заврадио ледокола — коротковолновик Иван Георгиевич Экштейн. На другом, в Москве, — коротковолновик Владимир Емельянович Круглов и московская радиостанция Центральной секции коротких волн, а в Ленинграде — станция Общества друзей радио в яхт-клубе.

Мои коллеги по эфиру в Ленинграде и на Земле Франца-Иосифа при каждой связи спрашивали, где Ушаков, они с нетерпением ждали сообщений о результатах первого похода к берегам Северной Земли. Как «неотложка», всегда готовый оказать «скорую по-

мощь», дежурил в эфире вездесущий Круглов. Но пока я не мог удовлетворить законный интерес товарищей и всем отвечал: «Ждите».

Со мною на базе тогда оставались несколько псов из «инвалидной» команды, успевшие в недавнем прошлом пострадать в междоусобных потасовках. Они скрашивали одиночество. Полярная ездовая лайка неприхотлива и привязана к человеку. Положит передние лапы на грудь, внимательно поглядит в глаза и начнет тихо, тихо скулить — тоже скучает и выражает сочувствие. У каждой собаки были свои повадки, свой характер. Клички им, и всегда меткие, давал Журавлев. Он с первого взгляда видел пса насквозь и определял: Гиена, Махно, Бандит. И будьте уверены, Бандит и был бандитом в полном смысле слова, причем неисправимым рецидивистом.

7 октября — полный штиль, пасмурно, легкий морозец, минус 7°C. А что там, на Северной? Вряд ли погода балует товарищей. Они в пути отмечают день рождения Журавлева. Сегодня Сергею Прокопьевичу исполняется 38 лет. Это его четырнадцатый год работы в Арктике.

Дни стали совсем короткие: около четырех часов сумеречного света. На клотике мачты горела мощная сигнальная электролампа. Включал ее больше для собственного успокоения, так как наших ждать еще было рано. И все же закрепил на коньке крыши еще две большие лампы, а также зажег электричество и на метеорологической площадке.

Поздно вечером 10 октября, закончив связь с Землей Франца-Иосифа и сняв наушники, я услышал истошный лай собак, привязанных у дома. Это верный признак того, что подходит медведь...

Схватив карабин, я выскочил на улицу. Навстречу на дикой скорости с визгом и лаем неслись две упряжки. Почуя жилье и увидя свет, изнуренные в долгом походе собаки собрали последние силы и подхватили. Остановились они, только упершись в стену дома, и тут же затеяли свалку и драку с псами, остававшимися на базе.

Как деды-морозы, покрытые инеем и снегом, поднялись с нарт Ушаков и Журавлев. А вскоре мы снова услышали лай и увидели подъезжающую упряжку Урванцева.

— Ну как, Вася, ты тут один справлялся? — Ушаков с беспокойством посмотрел на меня.

— Как Северная? — с нетерпением спросил я.

— Наша, наша, — успокоил Ушаков, а ликующий Сергей, обхватив меня своими ланцами, приподнял и закружил:

— Наша, парень, наша. И флаг советский на ней!

Распрягаем и кормим собак, заходим в дом. Товарищи жмурятся от непривычного яркого освещения, оттирают замерзшие руки.

Я приготовил им маленький сюрприз — радиogramмы от близких. Это самое большое, что я мог для них сделать.

Накрываю стол и угощаю всех их любимыми «домашними» яствами. Понемногу товарищи по-настоящему согреваются, а я, как завороженный, слушаю их рассказы. Поход был нелегким: метели сменялись туманами, бродный снег — жестким, как терка, настом; приходилось взбираться на нагромождения огромных льдин и проваливаться в расщелины.

Составлены и ушли в эфир донесения, адресованные в Реввоенсовет С. С. Каменеву и в Арктический институт. Несколько радиостанций следят за нами. Их радисты сопереживают с нами все трудности первого похода и слово за словом принимают едва уловимые, замирающие сигналы нашей далекой слабенькой рации.

Начинаю передачу первого сообщения в прессу:

*Радиogramма № 85 от 12 октября 1930 года
Москва, Известия*

Первого октября вместе с двумя товарищами, Урванцевым и Журавлевым, на трех санях с 37 собаками вышли на Северную Землю. В наши задачи входило: достижение Земли, устройство продовольственного депо и топографическая съемка.

В тот же день, обогнув с северо-запада острова Каменева, экспедиция вышла в покрытый льдом пролив, отделяющий Северную Землю. Тяжело нагруженные сани, плохое состояние снежного покрова затрудняли движение. В 14 часов начался встречный северо-восточный ветер со снегом. Скоро забушевала метель, и все потонуло в снежном вихре. Экспедиция вступила в ревущую белую пустыню, движение продолжалось с большим трудом. На 17-м километре на льду разбили бивуак. К утру похоронило под снегом и собак, и сани, и палатку.

На следующий день с утра продолжали путь, во встречной метели, продвигались по одному километру в час. К 10 часам метель кончилась, на горизонте появились берега Земли. После часового отдыха экспедиция продолжила путь. В поздних сумерках, в 16 часов, различили неизвестный берег, идущий параллельно пути с северо-востока. К вечеру на пути оставался кровавый след израненных фирном собачьих лап. Люди работали наравне с животными.

На третий день дорога улучшилась. С каждым часом, с каждым пройденным километром мы приближались к берегам Земли, к которым когда-то с юга на собаках стремился победитель полюсов Амундсен, а с запада — дирижабль Нобиле.

Вечером на 65-м километре экспедиция вступила на берег Северной Земли, занесенной снегом, из которого, словно обуглив-

шиеся пни, показывались отдельные глыбы ржаво-красных песчаников. Полярным сиянием и метелью приветствовала Северная Земля первых людей.

5 октября экспедиция продвинулась на высокий мыс, получивший название Серпа и Молота в честь поднятого на нем в этот день Советского флага.

Обследовав мыс, а также произведя съемку лежавшей к востоку бухты, названной Советской, экспедиция через два дня двинулась к северу. Убедившись в нахождении Большой земли, уходящей на север, мы повернули на юг. Миновав депо, построенное у мыса Серпа и Молота, продвинулись по берегу на 40 километров, южнее места первого выхода, пройдя, таким образом, больше ста километров берега Земли.

Погода ухудшалась с каждым днем. Наша одежда и спальные мешки обледенели, продукты подходили к концу, поэтому на десятый день экспедиция двинулась обратно. Поздно ночью, пройдя за день 65 километров в густом тумане, сокращавшем горизонт до 20 метров, вернулись на залитую электрическим светом главную базу на островах Каменева, где оставался один радист Василий Ходов.

Всего за десять дней пройдено 300 километров. По всему пути произведена топографическая съемка. На Северной Земле собраны материалы по геологии, флоре, найдено пятнадцать цветковых, мхи, лишайники. Усмотрены следы медведей, песцов, леммингов.

Сейчас погода ухудшается, дни быстро идут на убыль, а солнце видим исключительно редко и низко над горизонтом.

Работа экспедиции сосредоточивается на главной базе, исследование Северной Земли возобновится с первыми признаками света, после полярной ночи.

*Начальник экспедиции Георгий Ушаков **

* Текст всех радиogramм Г. А. Ушакова, помещенных в книге, приводится по рукописным подлинникам, хранящимся в архиве его вдовы Ирины Александровны Ушаковой.

ЧАРЫ АРКТИКИ

Будни зимовки. «Домашние хозяйки» и «незадачливые прачки». Голоса Большой земли. 7 Ноября. В зоне полярных сияний

21 октября выдался ясный морозный день — день, когда мы в последний раз видели солнце. Оно скрылось за горизонтом на четыре месяца. Наступила долгая полярная ночь. Вследствие рефракции длительность полярного дня несколько больше, чем полярной ночи. Так, на полюсе день равен 186 суткам, а ночь — 179. Но это в астрономическом плане, а в психологическом наоборот: кажется, что ночь длится дольше, чем день.

Человеку, который не зимовал в Арктике, трудно себе представить четырехмесячную ночь. Она действует физически и морально. Полярная ночь подобна гриппу — иммунитет к ней с годами не вырабатывается. Подчас и бывалые полярники переживают ее тяжело и болезненно. В полярную ночь враг номер один — безделье и праздность, а средства профилактики — интересная, захватывающая работа, увлеченность делом и, конечно, умение «властвовать собой».

Пример такого умения «властвовать собой» подавал Ушаков. В любых условиях он оставался доброжелательным и предельно тактичным. Ни разу мы не слышали его повышенного голоса или интонации раздражения. «Ух ты, черт», обращенное к заленившемуся псу во время тяжелейшего похода, было единственным грубым выражением, которое можно было услышать от него. Вместе с тем Ушаков был требовательным, волевым руководителем. Без понуканий, без «вожжей и кнута» он воздействовал силой личного примера, своей самоотдачей и горением. Каждому из нас была предоставлена полная инициатива. Его доверие и вера воодушевляли, делали каждого более сильным.

С наступлением полярной ночи увеличился объем наших стационарных научных работ. К этому времени было закончено строительство магнитного павильона, и Урванцев приступил к работе.

После многократных астрономических наблюдений он вычислил и географические координаты нашей главной базы: $79^{\circ}30'08''$ северной широты и $91^{\circ}07'08''$ восточной долготы.

С приходом темноты расстояние в 75 метров до метеоплощадки, казалось, стало значительно больше. Первая же моя попытка провести наблюдения в пургу при штормовом ветре окончилась неудачей. Выйдя из дома, не успел я сделать и шага, как порывом ветра меня сбило с ног и швырнуло о стену. Поднявшись и стараясь подальше держаться от злополучной стены, я сориентировался и определил направление на площадку. Несколько десятков шагов, и, казалось, я должен был увидеть свет включенной там мощной электрической лампы. Но иду пять, десять минут — света нет. Наконец, пройдя, вероятно, не одну сотню метров, замечаю во мраке и сплошной завесе пурги светящийся ореол. Вдыхаю с облегчением и думаю: «Наконец-то дошел». С трудом преодолеваю упругие, сбивающие с ног порывы ветра и оказываюсь... у порога нашего дома. Метеосводка в тот день ушла с опозданием на полчаса.

Позже вошло в привычку ходить на наблюдения с собакой. Вдвоем веселее, да если и не до метеоплощадки, то обратно до дома она обязательно доведет.

Понемногу налаживался наш быт. Многочисленные заботы по домашнему хозяйству — «бабьи» дела, как их называл Журавлев, — поначалу не доставляли нам удовольствия. Мы постигали их методом проб и ошибок. Были и перекишная опара, и непропеченный хлеб, и сгоревшее мясо, и пересоленная каша. Но заботы по дому были необходимы. Не только экзотика трудных походов, но и будни домашних дел были слагаемыми успеха экспедиции.

Поначалу я оказался незадачливым хлебопек. Дома, в Ленинграде, мне иногда поручали разогреть суп и заварить чай, но сварить кашу уже не доверяли. На Северной пришлось все начинать с азав и допускать ошибки — порой горькие.

Решив, что горшки обжигают не боги, я надумал испечь чудо — ситный, сдобный, с изюмом хлеб. Николай Николаевич был у нас теоретиком хлебопечения. Получив необходимые наставления, я с вечера поставил опару. Утром начал месить тесто, обильно сдобив его маслом, сахаром, яйцами и всем, что было под рукой на кухне. Тесто упорно растекалось и свисало со стола сосульками. С помощью большого штангенциркуля, разделив непокорную массу на части, я распилил ее по хлебным формам и отправил в раскаленную духовку.

Выдержав по астрономическому хронометру нужное время, вынул свои чудо-изделия. Они оказались сверху обугленными, а внутри тягучими, как сгущенное молоко. Видимо, что-то было

сделано не так. К обеду вместо хлеба пришлось подать фабричные галеты. У нас такое поначалу случалось, и товарищи вопросов не задавали.

Убедившись в несъедобности своего изделия, я решил угостить им собак. Псы сидели на мясной диете и бывали рады изредка перепавшему кусочку хлеба. Они ловили его на ходу, с лязгом захлопывали пасти и с надеждой ожидали добавки. На этот раз, проглотив угощение, псы не просили второй порции, а, поджав хвосты, отошли от меня подальше.

Постепенно мы освоили секреты кулинарии. На смену ущемленному мужскому самолюбию приходила профессиональная гордость за нашу побочную специализацию, желание приготовить и подать к столу блюдо лучше, чем было вчера. Мы не были гурманами, но стали готовить вкусно и сытно. Правда, у каждой «хозяйки» был свой почерк: один увлекался специями, другой перегибал на размере котлет, но все стали готовить не хуже шеф-поваров общепитовских столовых. Черный и белый хлеб нашей выпечки, а позднее и пироги были безупречны.

У нас не было картофеля, свежих овощей и витаминов; их вполне заменяла медвежатина в виде бифштексов с сыринкой, беф-строганова, отбивных и пышных котлет, а также строганины из мороженого медвежьего сердца или окорока. Медвежатина спасала нас от цинги, она была источником витаминов. Супы мы готовили с красноармейскими консервами. Конфеты, шоколад и другие сладости успеха не имели, а мои попытки приготовить любимое мороженое постоянно оканчивались неудачей.

Мы много расходовали воды. За ней дежурные «хозяйки» ходили, вооружившись не ведрами, а топором, ножовкой и пешней. Пилили из спрессованного пургой снега огромные кирпичи, складывали их в тамбуре и по мере необходимости растапливали в баках на плите. Зимой с водой стало легче: напоры льда образовали гряду торосов почти у самого порога дома. Летом же приходилось выезжать в море и искать в окрестностях сидевшие на мели стамухи с опресненным льдом.

Труднее нам давалась стирка. В пути мы познакомились с оригинальным способом смены постельного белья: брался рулон бельевого материала, клался под голову, а метра два от него раскатывались вдоль кровати. Так простыня и наволочка были готовы. После очередного банного дня грязная «простыня» скатывалась валиком под ноги, а от рулона отматывались новые два метра чистой ткани. Когда рулон полностью был израсходован, операцию повторяли вновь, используя его «чистую» изнаночную сторону.

Наши личные бельевые ресурсы не позволяли воспользоваться этим опытом. Чистое бельишко было на исходе, но каждый стеснялся начать стирку и обнаружить свое неумение. По «долгу

службы» пример показал Ушаков. Затопил плиту, залил бак водой, куда вместо одной для надежности засыпал две пачки щелочи, и заложил белье.

— Прокипячу, потом выполощу, просушу, выглажу — вот и все, — рассуждал он.

Но то ли медведь, то ли другие неотложные дела часа на два отвлекли его из дома. Стараясь услужить товарищу, я усиленно шуровал дровишки, бак kloкотал на раскаленной плите.

Вернувшись Ушаков спросил:

— Ну как, Вася, закипело?

— Кипит, Георгий Алексеевич.

— Ну вот и прекрасно, перекурю и буду вынимать: наверное, пора, — в общем-то не совсем уверенно сказал он.

После перекура из кухни раздались недоумевающие возгласы. Все бросились туда. Ушаков веселой безуспешно пытался достать из бака содержимое, но, отчаявшись, взял черпак и вынул им лишь перламутровые пуговицы от белья. Общими усилиями бак и его студенистое содержимое вылили вдали от дома. Горький опыт Георгия Алексеевича мы впоследствии учли и постепенно освоили не только прачечное дело, но и другие домашние дела.

Наступило утро 7 Ноября — праздник 13-й годовщины Октябрьской революции. Мысленно мы были дома, в Москве и Ленинграде. Вспоминались утренние часы сборов на демонстрацию, оживленные колонны людей, марши духовых оркестров, празднично украшенные улицы города... С этими мыслями выхожу на утреннее метеонаблюдение, но вместо праздничной толпы сразу же попадаю в чернильную тьму полярной ночи. Кругом снег, лед и ни одной живой души. Лишь за тысячу километров от нас работали еще зимовщики на маленьких полярных станциях.

Снимаю показания приборов в психрометрических будках. Сегодня значительное потепление, всего минус 4,3 градуса. Встряхивая, уронил и разбил максимальный термометр. Работа почему-то не ладится, все валится из рук.

Дома сажусь за приемник, но радиостанции Москвы и Ленинграда еще молчат — сказывается значительная разница поясного времени. Сегодня ничто не может заглушить ощущения оторванности от Большой земли. Невеселое начало для такого дня. Все как неприкаянные.

Но вот встрепетнулось, ожило наше радио, раздаются такие родные и знакомые звуки Красной площади. Выходим на улицу и мы. Зажигаем факелы, несколько штук прикрепляем к пропеллеру ветряка — огненный вращающийся круг вспыхивает во мраке ночи и озаряет наш островок. На флагштоке радиомачты алеет флаг. Салютуем залпом из карабинов и этим заканчиваем «парад». Вечером устраиваем торжественный ужин.

При всей занятости подготовкой к предстоящим походам, работами по программе научных наблюдений и хозяйству у нас оставались небольшие окна свободного времени. Их мы заполняли чтением, беседами и спорами на злободневные темы. Порой проявляли отснятые осенью фото- и киноплёнки, играли в шахматы.

Всех очевидцев, побывавших в последующие годы на Домашнем, изумляла богатейшая библиотека из полутора тысяч книг. Они были из собрания академика Анатолия Федоровича Кони, известного общественного деятеля, умершего в 1927 году. А. Ф. Кони — видный русский юрист, сенатор, член Государственного совета. Его имя получило широкую известность после оправдательного приговора суда, вынесенного Вере Засулич, совершившей покушение на царского сатрапа — градоначальника Трепова. А. Ф. Кони, председательствующий на суде, после процесса был обвинен в либеральном поведении и отстранен от работы в суде. А. Ф. Кони дружил с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстым, некоторые их произведения с автографами находились в нашей библиотеке. Книги были нашими верными друзьями.

Главное оживление в нашу жизнь вносило радио — источник информации, наш театр и концертный зал. Когда товарищи бывали в походе или на промысле, я откладывал для них листочки с принятыми сводками ТАСС. Они лучше бальзама снимали усталость, вселяли бодрость и оптимизм. Радио связывало нас со всей страной, мы были с нею в одном строю.

С конца сентября зима окончательно вступила в свои права, частыми гостями стали пурги, не прекращавшиеся по несколько суток. В ноябре наш дом по крышу занесло снегом. Но все это не сделало нас домоседами. На соседнем острове Голомянном, возле которого и зимой держались разводья чистой воды и можно было промыслить зверя, мы соорудили промысловую избушку и нередко наведывались в этот «однодневный дом отдыха», пережидали там пургу у раскаленной докрасна железной печурки-буржуйки.

Журавлев еще с осени развез на соседние острова привады, расставил капканы на песца и теперь каждый свободный день выезжал их осматривать. В одну из таких поездок он взял и меня. Первого капкана мы не нашли, его вместе с попавшимся песцом утащил проходивший мимо медведь. Журавлев в темноте чиркал свички и при их свете, нагибаясь и чертыхаясь, по следам восстанавливал все подробности происшествия.

Сергей не любил пору полярной ночи, когда, как он говорил, «глаза лишние и совсем ни к чему». Но Север он любил страстно и в своем дневнике писал: «Наш Север хорош... Страдать здесь приходится всего-навсего от двух зол: первое — это полярная ночь, второе — это дьявольски плохая погода... Ни у чего нет

одной стороны, а всегда бывает их две и даже больше. Так и наш Север, все в нем есть: и хорошее, и плохое. Но надо все и ценить уметь по-своему. Да, здесь не растет виноград, но зато есть кое-что поинтереснее винограда. Подчас такие перемены видишь за один день, какие человек средней полосы, может, за всю жизнь не увидит».

...Беснуясь, ревет и метет ураганный ветер, способный не только сорвать крышу, но, кажется, и снести весь дом, сбросить его в море или поднять и разбить в щепы о скалы. В непроглядной тьме теряешь ориентацию, чувствуешь себя подвешенным где-то между небом и землей. Глаза действительно становятся не только ненужными, но и более всего ранимыми, требующими защиты. От свиста ветра, которому позавидовал бы даже соловей-разбойник, болят уши. Впечатление такое, будто тело каждой своей клеткой ощущает огромные перегрузки, создаваемые потоком упругой смеси из ветра и снега. Каждый шаг вперед требует колоссальных усилий. Идешь, словно преодолевая бурный поток горной реки. Один неверный шаг — и тебя отбрасывает далеко назад. С трудом переводишь дыхание. Неудачный поворот головы — и вообще не можешь дышать.

Но вот кончается буйство стихии. Истощив все силы зла и ада, смиряются ветер и пурга. Наступают часы, когда Арктика дарит свою чарующую улыбку. В кристально-прозрачной бездне неба горят все созвездия северного полушария с Полярной звездой в зените. Воздух не шелохнется, и кажется, что надо затаить дыхание, чтобы не нарушить абсолютной тишины. Уже поднята дирижерская палочка, и остаются мгновения до того, как начнется исполнение симфонии цвета и снизойдет счастье приобщения к великому таинству природы — полярному сиянию.

Слова бессильны описать это чудо музыки цвета — его нужно увидеть. Сначала на небосводе появляется едва уловимый шлейф, то пропадающий, то вспыхивающий. Потом он начинает расти, отсвечивать очень нежными, едва различимыми пастельными тонами. Они дрожат и трепещут. И вот, как по мановению волшебной палочки, эта цветовая симфония начинает звучать в полную силу, краски становятся сочнее, движение ускоряется. По небу проносятся складки гигантских драпри, горящие и переливающиеся всеми цветами радуги — от рубинового до ярко-зеленого. Кажется, будто слышен шелест этих складок из какой-то неземной ткани. Божественная симфония цвета! Вихревой танец красок охватывает весь небосвод.

Но вот мгновение — и драпри рассыпаются. Теперь в зените полыхает гигантская корона, отливающая сначала желтым, переходящим в зеленый, а затем ослепительно пурпурным цветом. Звучание нарастает, в игру оркестра вступают все инструменты.

Последний жест дирижера — и корона исчезает. Симфония кажется оконченной. Но вы еще долго в ее власти. Кругом льды, тишина. Вновь загораются звезды. Но это только короткий перерыв. Исполнение симфонии продолжается, однако мелодия сияния никогда не повторяется, сочетания красок и их движение всегда будут новы и неожиданны.

В музыке сияния «слышится» что-то от Чайковского, многое от Грига и сказочного Римского-Корсакова, а в финале «звучит» пафос Бетховена.

Есть фото- и кинокадры, картины художников, пытавшихся запечатлеть на пленке и полотне полярные сияния. Но эти средства бессильны передать динамику и экспрессию оригинала.

Композиторы в содружестве с учеными и техниками создают светосимфонические произведения. Но как самая совершенная киноаппаратура не может воссоздать впечатления, которое производит непосредственное общение с изумительной красотой природы, так и светомызыка всего лишь копия с подлинника, созданного великим живописцем — Природой.

Полярное сияние покоряет не только игрой красок и динамикой, но и своей масштабностью — горит в танце красок весь небосвод: на севере, юге, востоке, западе и в зените, и кажется, что вот-вот шлейф или драпри сияния коснутся и вас.

Полярное сияние воздействует не только на зрение, но и на все органы чувств. Этому способствует окружающее вас безмолвие, кристальная чистота морозного воздуха, снежные просторы, бесконечные поля льдов и тьма полярной ночи. Вы остаетесь наедине с природой. Полярное сияние и Арктика неразделимы, в этом сила его воздействия.

Развитие транспорта позволяет надеяться, что в будущем люди смогут созерцать это величайшее явление природы в подлиннике на арктических архипелагах или в Антарктике.

Трудно передать силу музыкального воздействия на человека. Так же сильно и воздействие полярного сияния. Впервые я увидел его, выбежав из дома в наброшенном на плечи ватнике. Рядом был Георгий Алексеевич, он принес мне полушубок, и на морозе за минус 40, завороченные и потрясенные, мы несколько часов любовались этим чудом природы. Чтобы хоть раз увидеть улыбку Арктики, можно вынести четыре месяца полярной ночи.

Полярное сияние не только изумительное по красоте, но и загадочное явление, которое ученые изучают уже несколько столетий. Как установлено, сияние представляет собой свечение разреженного газа в высоких слоях атмосферы, вызванное процессами на солнце — воздействием его электромагнитного и корпускулярного излучения на околоземную среду — ее верхний слой — ионосферу.

Ионосфера походит на слоеный пирог из ионов и электронов, всегда беспокойный, пульсирующий. Радиосигналы коротковолновых станций отражаются от слоев ионосферы. Многократное отражение радиолуча по пути Земля — ионосфера — Земля обеспечивает возможность радиосвязи на коротких волнах на сверхдальние расстояния.

Изменения солнечной активности, каждая вспышка на солнце отзываются бурными потрясениями в ионосфере и вызывают нарушение радиосвязи, геомагнитные бури, полярные сияния и другие, еще до конца не раскрытые явления в околоземной среде, воздействующие на жизнедеятельность человека.

Чаще всего полярные сияния возникают на высоте 100—300 километров, хотя отмечались случаи, когда они фиксировались и на высотах более 1000 километров. Они наблюдаются преимущественно в полярных областях вблизи магнитных полюсов Земли. Наибольшее число полярных сияний происходит в кольцеобразной зоне, ограниченной 23° широты от магнитного полюса. Северная Земля лежит в зоне максимума полярных сияний, что весьма благоприятствует наблюдениям за ними. Вместе с тем эта зона характерна и наибольшими нарушениями радиосвязи на коротких волнах.

Когда я впервые увидел полярное сияние, я забыл обо всем, даже о коротких волнах, и пропустил сеанс радиосвязи. Правда, у радиста во время сияния уши лишние, как во время пурги у охотника — глаза. Эфир в диапазоне коротких волн во время полярного сияния, как правило, мертв, прохождение нарушается, и радист может слышать лишь собственные шумы радиоприемника.

СКВОЗЬ ПУРГУ ВО МРАКЕ НОЧИ

Планы полевых работ. Особые полномочия Ушакова. Отказ от традиционных схем. Зимние маршруты. Вдвоем с Урванцевым. Радиосообщение о пятом походе. Шестой поход. Фундамент будущих побед

После завершения рекогносцировочного похода на Северную Землю нашими мыслями и чувствами овладела подготовка к полевым работам. Как бы ни засасывала текучка повседневных дел, основным всегда оставалась подготовка к предстоящему исследованию неизвестной Земли. Все остальное было сопутствующим.

Георгий Алексеевич Ушаков был назначен не только начальником экспедиции, но одновременно и заместителем директора Арктического института. Этот беспрецедентный случай был дальновидной предусмотрительностью С. С. Каменева и О. Ю. Шмидта. Он избавил Ушакова от ненужной опеки, положительно сказался на подготовке экспедиции и еще в большей степени на ее проведении. Ушакову представлялась вся полнота полномочий и возможность самостоятельно, со знанием конкретных условий решать на месте поставленную задачу, при необходимости идти на оправданный риск и принимать ответственные решения. Не будь этого, экспедиция, возможно, имела бы совершенно иной исход.

После осеннего похода к мысу Серпа и Молота стало возможным конкретизировать план исследования Северной Земли. Все, что можно было предусмотреть и учесть, было предусмотрено и учтено: пункты размещения промежуточных продовольственных депо по пути будущего генерального маршрута, время выхода в санные походы и их длительность, потребность в снаряжении, продуктах и многое другое.

За долгие годы, на опыте походов в Арктике и Антарктике, выработалась определенная, ставшая традиционной схема их проведения, иногда ошибочно именуемая «системой Пири». Эта система предусматривала, в частности, проведение длительных санных походов только в наиболее благоприятный для полевых работ сезон — весной, а также наличие больших вспомогательных отря-

дов для создания промежуточных продовольственных депо. По этой схеме главная партия, сберегая силы и опираясь на заранее подготовленные базы, делала завершающий марш-бросок к конечной цели.

Примером осуществления такой системы на практике может служить экспедиция самого Роберта Пири к Северному полюсу в 1908—1909 годах. Полярную ночь ее участники провели на экспедиционном судне «Розвельт», зимовавшем у мыса Шеридан в Канадском архипелаге. В это время поездки были лишь эпизодическими на близкие расстояния. В поход Пири и его спутники вышли в марте с мыса Колумбия, от которого до полюса было 766 километров.

На 19 упряжках вышло 24 человека, среди них было много эскимосов — проводников собачьих упряжек. Впереди шли четыре вспомогательные партии, выбиравшие путь, прокладывавшие дорогу, доставлявшие снаряжение и продовольствие и строившие по пути продвижения снежные хижины — «йглы» для убежища и отдыха. Основная партия Пири и его пять спутников, сберегая силы, шла последней по проторенному пути. По мере продвижения к северу вспомогательные партии поворачивали обратно, оставляя депо — склады жизнеобеспечения для группы Пири. В 240 километрах от полюса повернула назад последняя вспомогательная партия. В завершающий переход Пири со спутниками вышел на лучших, сохранивших силы собаках и с запасом путевого довольствия для перехода к полюсу и возвращения на мыс Колумбия. Поход Пири к полюсу был нелегким, его участники проявили много мужества и преодолели чрезвычайные трудности. В не меньшей мере это можно сказать и об участниках вспомогательных партий.

Руала Амундсена в его санном походе к Южному полюсу сопровождали четыре человека. Полярную ночь экспедиция провела на базе в Китовой Бухте. К полюсу Амундсен вышел с наступлением в Антарктиде полярного дня, опираясь на продовольственные депо, созданные еще осенью до захода солнца.

Полярная ночь и сопутствующее ей буйство стихии — пора, непригодная для путешествий и дальних походов. Даже Нансен и его спутник Иогансен, возвращаясь с «Фрама» и достигнув в преддверии полярной ночи Земли Франца-Иосифа, не стали рисковать и прервали путь. Сделав из камней убежище, они провели в нем полную лишений полярную ночь.

План исследования Северной Земли, предложенный Георгием Алексеевичем Ушаковым, имел коренное отличие от традиционных схем и сложившихся канонов полярных путешествий. Число участников и баланс времени в экспедиции Ушакова были предельно ограниченны. Вся тяжесть полевых работ ложилась на трех человек, которые к тому же располагали только тремя полноценными упряжками. Они должны были всесторонне исследовать

архипелаг и создать промежуточные базы, так как никаких вспомогательных партий экспедиция не имела. Им предстояло в первый год работы не меньше трех месяцев провести в генеральном исследовательском маршруте. Примерно два месяца требовалось для организации промежуточных баз.

Вести исследование и топографическую съемку Северной Земли с ее пересеченным гористым рельефом, большими площадями оледенения и извилистой береговой линией можно было только в течение трех месяцев — с марта по июнь. Дальше наступала распутица и вскрывался морской припай. Из-за того, что главная база располагалась на острове, вести полевые работы на Земле в летний сезон было невозможно.

Таким образом, для создания продовольственных баз, причем в отдаленных районах и там, где раньше не ступала нога человека, оставалась только полярная ночь. Такого еще не было в арктических экспедициях.

И Ушаков с Журавлевым совершают невозможное. В апогее зимы, полярной ночью, они проводят походы на Северную Землю и создают там продовольственные депо. Таких маршрутов было шесть: начинались они 4 декабря, 28 января, 24 февраля, 2 и 7 марта, 2 апреля. В них Ушаков с Журавлевым за 60 суток прошли примерно две тысячи километров и доставили на Землю несколько тонн грузов.

Трудности этих походов, буквально вырванных у пурги и тьмы полярной ночи, не поддаются описанию. Они потребовали невероятного, нечеловеческого напряжения всех физических и нравственных сил.

Два человека уходили во тьму ночи, в ледяную пустыню, рассчитывая только на себя, без малейшей надежды получить откуда-либо помощь. Лунные ночи и сносная погода были редки, обычно людям сопутствовали тьма, пурга и морозы до 40—50 градусов.

В Арктике в это время года на сотню метров до метеоплощадки люди порой добираются по лееру вдвоем-втроем, страхуя друг друга. Ушаков с Журавлевым уходили на сотни километров от жилья, уходили в полную неизвестность, не зная, что их ждет впереди. Они шли по нагромождению торосов, при отсутствии видимости, останавливаясь за шаг перед бесчисленными трещинами на ледниках, перед обрывами каньонов и кромкой льда у открытого моря.

Пилот при слепом полете ориентируется по приборам. Походы Ушакова и Журавлева можно сравнить со слепым полетом, но полетом без приборов. Их спасали стальная сила воли и годами выработанная, до предела обостренная интуиция, нечеловеческая способность ориентации. Они шли, придерживаясь направления ветра, часто изменчивого, снежных заструг и какого-то шестого

чувства. Порой упряжки теряли друг друга, а люди на расстоянии десятка метров не слышали и не видели подаваемых сигналов — винтовочных выстрелов и света магниевых факелов.

Сама жизнь в легкой палатке была подвигом. Температура внутри убежища не превышала наружной. Согреть кипятком на примусе, просушить обледеневшие на морозе меховые чулки и рукавицы было искусством — ведь керосин на морозе приобретал консистенцию мазута.

Лагерь, собак и палатку заносило и придавливало сугробами снега. Удовлетворение элементарных человеческих потребностей становилось в походе проблемой.

Собаки не выдерживали, падали от истощения и нередко гибли на ходу, в лямках. А люди выстояли. И как выстояли! Позднее Георгий Алексеевич вспоминал: «На трудности и лишения мы смотрели, как на нормальные для Арктики условия: на морозы так же, как кочегары на жару у котельных топок; на полярные метели — как моряк на бури; а на льды — как шофер на плохую дорогу». А Журавлев записал в своем дневнике: «Борьба — это есть вещь, для которой стоит пожить. Никогда не отчаивайся, а борись и борись. И победишь!!!»

В полярную ночь, в напряженные дни походов пришла с Большой земли, из Архангельска, тревога, а за ней и беда.

Журавлев был человек сильный духом и мог сделать многое, порой почти невозможное. Но он нуждался в опоре товарища, каким в походах для него был Ушаков. Он нуждался в добрых вестях от близких. А Сергею пришла плохая весть. Пришла после многих дней и недель томительного ожидания. Думали не сработала связь, оказалось хуже: тяжело болели дети. Жена Сергея, видимо потерявшая голову, посылала все более тревожные, несвязные телеграммы.

Журавлев был человеком быстрой реакции и немедленных действий. В условиях жизни на базе и томительного ожидания он мог не выдерживать. Ушаков решил сообщить Сергею тяжелую весть в походе. В свирепую пургу, ночью, когда каждый метр пути приходилось брать с боем, в напряжении всех духовных и физических сил Сергей побеждал свое горе. А Ушаков с присущей ему человечностью помогал в этом товарищу и другу.

Пятый и шестой походы в конце полярной ночи были наиболее длительными и дальними и не менее тяжелыми, чем предыдущие. В пятый поход Ушаков с Журавлевым вышли 6 марта на двух упряжках, с запасом питания на 15 суток.

Мы уже отметили восход солнца. Но оно, чуть поднявшись над горизонтом, тут же спешило скрыться. Если солнцу, хотя и неуверенно, повернуло на лето, то зима позиций не сдавала, морозы и пурга стали еще злее.

Мы с Урванцевым не могли подменять товарищей в зимних маршрутах, так как не обладали их мастерством и опытом. Я вообще был новичком в Арктике. Урванцев многие годы провел на Таймыре, но в путешествиях его всегда сопровождали и прокладывали путь опытные проводники — Никифор Бегичев и другие. В походах по Северной Земле он также мог только сопровождать, плохое зрение осложняло ему поездки на собаках даже в светлую пору.

Нелегко провозжать товарищей в неизвестность. Мы с Николаем Николаевичем, оставшись на главной базе, продолжали вести научные наблюдения, готовили снаряжение, приборы и все необходимое для предстоящих весенних полевых работ на Северной Земле.

Н. Н. Урванцев — большой знаток геологии Таймырского полуострова; изучению его еще до Северной Земли он посвятил 11 лет жизни, работая на Норильском месторождении, которое было его детищем. Северную Землю в геологическом отношении он считал продолжением Таймыра. Будучи геологом экспедиции, Урванцев со страстью пытался посвятить меня во все тайны кембрия и девона, и, если бы ни спасительные сроки метеонаблюдений и радиосвязи, мне пришлось бы стать жертвой науки о недрах земли. Николай Николаевич обладал энциклопедическими знаниями и мог давать справки по любому вопросу. В экспедиции помимо обязанностей геолога он выполнял астрономические и магнитные наблюдения и другие работы, не имеющие прямого отношения к геологии. Работоспособность и скрупулезность Николая Николаевича были потрясающими. Так, определяя астрономические координаты нашей базы, он для большей точности вычислил широту из 50, а долготу из 62 наблюдений! Он был педантичен во всем.

Наш домик давно стал похож на ателье бытового обслуживания и фасовочный цех бакалейного магазина. На рабочих столах стояли теодолиты и хронометры, которые выверял и готовил к полевому сезону Урванцев. На обеденном столе заняла постоянное место швейная машина — мы всегда что-то кроили, перекраивали и шили. У печи стоял столярный верстак и находились все принадлежности для скорняжного производства: Журавлев выделывал нерпичьи шкуры и был мастером по пошиву из них пимов, незаменимых, когда становилось тепло и сыро. У нас была всего одна комната, которая каждому служила рабочим местом. Иногда в комнате приходилось ремонтировать и собачьи нарты.

С отъездом Ушакова и Журавлева наш домик осиротел, хотя Николай Николаевич и говорил, что он отдыхает от тесноты всеми «фибрами» и обретает душевное спокойствие. Наш домик стал походить на обитель добродетели — все становилось стерильным,

и даже питьевая вода по вкусу казалась дистиллированной. Николай Николаевич с аптекарской точностью развешивал и упаковывал суточные рационы путевого довольствия, заливал батареи для питания походного радиоприемника, предназначенного для приема ритмических сигналов времени. Утром, умываясь, он обычно спрашивал:

— Василий Васильевич, где мои очки?

Из-за близорукости ему было нелегко даже найти очки.

К полуночи 20 марта наши наконец-то вернулись. Предельно уставшие, но довольные, сделав за последний день рекордный 90-километровый переход. Начались бесконечные расспросы. Распрягаем и кормим собак и поем нашу любимую — североземельскую:

Никто пути пройденного
У нас не отберет...

Журавлев запекает, а мы подтягиваем:

...Мы кончая Буденного
Идем всегда вперед.
И с нами Ворошилов —
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить за СССР...

Войдя в тепло дома и сделав три шага до койки, Сергей мгновенно заснул мертвым сном. Ушаков, не выпуская трубки и отхлебывая чай, погрузился в думы об итогах последнего похода.

Не хочу отвлекать Георгия Алексеевича своими расспросами, немножко терпения. Иду в радиорубку, включаю станцию и приглашаю коллег на внеочередной сеанс связи. Судя по всему, им предстоит сегодня на долгие часы потуже затянуть ремни наушников.

Вот наконец в моих руках радиограмма на 14 страницах убогистого текста в адрес «Всемирного следопыта». Оформляя телеграмму, путаясь от волнения, считаю слова — их 2608. Поработаем, хотя и у нас, полярных связистов, на непроторенных трассах арктической ионосферы свои «метели и торосы» — QRM — QSB (помехи и затухания). Включаю рацию и начинаю передачу:

*Радиограмма от 21 марта 1931 года
Москва, Никольская, 10 дробь 2,
издательство ЗИФ, Всемирный следопыт*

В последний рейс вышли шестого марта, поставив задачей продвинуть продовольственное депо на двести километров к северу вдоль берега Земли. Достигнув 9 марта склада на мысе Серпа и

Молота, взяв полный груз на две нарты, двинулись дальше. К вечеру следующего дня миновали последний мыс, достигнутый в октябре прошлого года.

Одиннадцатого открыто три новых острова. К концу дня густой туман остановил продвижение. Ночью началась метель, прoderжавшая нас в палатке три дня. Каждый человек, сколько-либо знакомый с путешествием по Арктике на собаках, знает, какими последствиями чревата такая задержка. В то время, когда путешественник не продвигается ни на шаг вперед, у него иссякают главные источники жизни и силы: собачий корм, керосин, служащий топливом, собственное продовольствие. Самые отчаянные проклятия бессильны. Метель продолжает завывать, делая человека беспомощным.

Только на четвертые сутки метель стихла, туман начал рассеиваться, двинулись дальше мимо вновь открывшегося острова к еле видимому во мгле мысу Земли. Путь с каждым километром становился труднее. Ледяные горы с отвесными обрывами высотой 20—25 метров одна за другой показывались из тумана, все чаще становясь на дороге. Еще дальше они захватывали 90 процентов всей площади пролива, отделяющего остров от Северной Земли.

Пройти можно было только узкими коридорами между ними. Но эти коридоры в большинстве были заполнены глубоким рыхлым снегом, в котором тонули собаки. Проваливаясь по поясу, надо было вытаскивать не только груженные сани, но и собак. Часто под рыхлым снегом были трещины, заполненные водой. В одну из таких трещин провалился Журавлев. К счастью, он легко отделался, промочив лишь одежду.

Приблизившись к острову, открыли мощный глетчер, запрудивший айсбергами пролив. Вблизи его ледяные горы стояли еще плотнее. Проехать здесь по прямому направлению равносильно прогулке на автомобиле по московским крышам. Несколько раз попадали в настоящие ледяные мешки.

Началась новая метель. Путь стал мучительным. В конце концов трудности этого дня оказались только преддверием к следующему. Утром после окончания метели в поредевшем тумане увидели вокруг себя целые горы льда. Движение глетчера создало в них бесчисленные трещины, то заполненные водой, то прикрытые хрупким снежным мостом. Здесь все было скорчено, сломано, вздыблено, засыпано осколками, создавая в общем невиданную картину разрушения.

Наконец снова удалось рассмотреть берег Северной Земли и сравнительно широкую полосу ровного льда вдоль него. Пройтись к последней стоило огромных усилий. На переход через гряды айсбергов шириной 200 метров потратили три часа. Эти часы принадлежат к категории тех, в которые человек проклинает час

своего появления на свет. Ровный лед вдоль берега, покрытый мелкими, сглаженными временем торосами со снежными застругами, показался паркетом. Несмотря на вновь сгустившийся туман, уничтоживший всякую видимость, и начавшуюся к концу дня метель, продолжали путь в полной темноте.

17 марта совершенно неожиданно установилась ясная погода с сильными морозами. Впереди увидели высокий мыс с гигантским утесом, падающим в море.

Пролив, открытый нами и давший с таким трудом, назвали проливом Красной Армии. Пусть он носит ее имя, являющееся символом упорства, настойчивости, отваги и доблести. Мыс, привлекий нас своей красотой, замыкающий пролив с северо-востока, получил имя Климента Ефремовича Ворошилова.

На ночлег остановились на небольшом островке. Наш бивуак находился на расстоянии двухсот километров от главной базы. Поставленная задача была выполнена. Несмотря на все препятствия, след наших саней на протяжении сотен километров вился змеей между ледяными скалами, взбирался на великаны-айсберги, родившиеся на заре человечества, видевшие эпоху мамонта, глубоко врезался в мякоть снежных полей, пересекал берег, снова резал белые поля.

В награду за трудный путь мы первые увидели эти берега. С каждым километром, каждым поворотом перед нами открывалась новая панорама, хотелось идти дальше и дальше...

Продовольствия и топлива при некоторой экономии оставалось на двое суток. Устроив депо с полумесячным запасом собачьего корма, 18 марта вышли в обратный путь. К счастью, продолжала стоять ясная морозная погода, путь был знаком, хорошая видимость позволяла обходить трудные участки. Собаки с пустыми санями бежали легко. Срезав несколько мысов, миновав хаос айсбергов и не заезжая в бухты, на вторые сутки мы вышли на продовольственный склад на мысе Серпа и Молота. Дальше шел знакомый путь до главной базы экспедиции.

Георгий Ушаков

Теперь нашей экспедиции осталось выполнить последний подготовительный поход: пересечь Северную Землю, выйти к морю Лаптевых и создать продовольственное депо на восточном берегу Земли.

Собаки пужались в отдыхе. Ушаков решил остаться на несколько дней на главной базе и использовать это время для пополнения запасов мяса. Передохнув всего полдня, они выехали с Журавлевым промысливать на остров Голомянный, где стояла наша фанерная промысловая избушка.

В шестой подготовительный поход Ушаков, как всегда с Журавлевым, вышел 2 апреля. Через день они уже распрощались с Карским морем и начали первое пересечение Земли. Местность пошла изрезанная, с ледниковыми куполами высотой до 600—900 метров. Шли глубокими мрачными ущельями. Встречный ветер, метель, морозы и, наконец, частично обнаженный от снега грунт чрезвычайно затрудняли передвижение. Ушаков на всем пути вел топографическую съемку.

Многие места приходилось преодолевать с риском для жизни. При переходе через один из ледников перед упряжкой шедшего впереди Ушакова внезапно рухнул снежный мост, и часть собак повисла в лямках над зияющей пропастью. Тут подоспел Журавлев: распластавшись над обрывом, они с трудом вытянули собак и затем оттащили от пропасти нарты.

11 апреля Ушаков с Журавлевым достигли цели: перед ними лежало море Лаптевых, покрытое грядями торосов. Впереди по курсу Журавлев в свою подзорную трубу усмотрел два маленьких столбика. Он всегда брал с собой не бинокль, а старую, перешедшую от деда подзорную трубу. Дойдя до столбиков, на одном из них они прочитали вырезанную на дереве надпись: «1913 г. 29 августа... С.Ю». Последнее слово следовало читать: «ГЭС.Ю» (Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана). Две первые буквы были содраны когтями медведей. Это был знак на мысе Берга *, где 18 лет назад высадились и определили астрономический пункт моряки «Таймыра» и «Вайгача». Так была достойно принята эстафета от первооткрывателей Северной Земли.

Заложив на мысе Берга продовольственное депо для будущих исследовательских маршрутов, путники тронулись в обратный путь.

Обратный путь оказался еще более тяжелым. И люди, и собаки были изнурены до предела. Жестокие морозы мешали сну и отдыху. Отсыревшие и промерзшие спальные мешки не согревали.

Корма собакам оставалось на два дня, поэтому Ушаков решил пробиваться вперед, не дожидаясь окончания очередной метели. Он вспоминал: «Несущийся снег слепил глаза. Шли ощупью, ориентируясь по ветру. Все же надо было давать отдых лицу, горевшему от мороза и уколов снежных игл; собакам тоже необходимы были передышки, чтобы содрать с морд ледяные маски и протереть глаза».

И все же они ухитрились добыть в пути медведицу и прихва-

* Мыс Берга расположен на восточном побережье Северной Земли примерно на восьмидесяти градусах северной широты. Экспедиция Б. Вилькицкого на судах «Таймыр» и «Вайгач», открывшая в 1913 году Северную Землю, в этом пункте смогла подойти к берегу, определить астрономический пункт и поднять национальный флаг России.

тили с собой совсем еще маленького медвежонка. Он обиженно складывал губы трубочкой, ворчал и фыркал, но, накормленный остатками сгущенного молока и масла, утешился и вместе с людьми спокойно проспал до утра в палатке, а на следующий день всю дорогу мирно сидел на нартах.

Через 15 суток Ушаков с Журавлевым возвратились на базу, закончив последний вспомогательный поход.

Замысел Ушакова о создании продовольственных баз силами основной группы полярной ночью и без участия вспомогательных партий был блестяще осуществлен. Продовольственные базы были созданы. Исходные рубежи захвачены. Для обеспечения весенних маршрутов по исследованию Северной Земли и конечного успеха экспедиции было сделано все, что в человеческих силах.

Один из наших видных географов, академик С. В. Калесник, в предисловии к книге, посвященной Североземельской экспедиции, писал: «Два года, проведенные ими на Северной Земле,— это два года неустанный, упорный и тяжелого труда, который требовал и душевных сил, и огромного физического напряжения, особенно во время санных маршрутов. Мы не говорим уже о постоянном риске, какому подвергались исследователи: быть унесенными на льдинах в море, свалиться с замаскированного снегом обрыва или замерзнуть в пути, захваченном долгой пургой. Если бы труд этот не был добровольным, его можно было бы подчас назвать каторжным».

Только со словом «каторжный» я позволю себе не согласиться. Был труд напряженный, вдохновенный, приносящий величайшее удовлетворение. Риск — да, конечно, был. В работе полярника-первопроходца он неизбежен. Но риску североземельцы противопоставляли волю, мужество, опыт и знания, соединенные с точным расчетом.

Вот строки из североземельского дневника Г. А. Ушакова: «Наши поездки с охотником, всегда напряженные из-за темноты полярной ночи, сильных морозов и метелей, из-за опасности потерять друг друга в темноте или погубить собак, действовали на нас возбуждающе, вызвали спортивное чувство. Ледяное раздолье веселило нас, опасность обостряла вкус приключений, а борьба пьянила своим азартом. Мой товарищ, выросший и закалившийся в такой обстановке, привык противопоставлять силам природы свои собственные силы, упорство и дерзость. На промысле, а еще больше в наших поездках, он буквально преображался, становился еще более сильным и выносливым. Для него это была настоящая работа, в которой проявлялись лучшие черты его характера...»

Ушаков не был искателем приключений и любителем острых ощущений, ему было совершенно чуждо и чувство тщеславия.

Тщеславному человеку просто не хватило бы силы духа на то, чтобы из двух лет работы на Северной Земле больше 20 месяцев провести в полевых условиях, в походах с глазу на глаз с Арктикой, пургой и тьмой полярной ночи.

Чувство долга и сознание ответственности, а также страсть к работе, одержимость — вот что было стимулом поступков и подвига Георгия Алексеевича Ушакова. Будучи романтиком, Георгий Алексеевич смотрел на вещи здраво. Он говорил, что о трудностях и лишениях не мечтает, но понимает их неизбежность. Когда возможно, он их избегал, а там, где этого сделать было чельзя, боролся с ними и, если нужно, шел на риск.

Свой рассказ о шести походах Г. А. Ушакова и С. П. Журавлева на Северную Землю в пургу и в полярную ночь с 1930 на 1931 г. хочу закончить словами из «Песни о Соколе» Максима Горького:

Безумству храбрых поем мы славу —

и тем почтить светлую память Георгия Алексеевича и Сергея Прокопьевича.

НАСТУПЛЕНИЕ НА НЕВЕДОМОЕ

*Письмо старшего товарища.
Выход в генеральный маршрут.
Один на главной базе.
Возвращение из маршрута.
Радиограмма об открытии
и исследовании острова Ком-
сомолец*

Минуло тяжелое время года. Морозы, правда, еще стояли лютые, и неистовствовала пурга, но солнце уже не покидало небосвода. Теперь на протяжении четырех месяцев оно не будет заходить круглые сутки. Наступил полярный день — самая благодатная пора для полевых работ.

Вскоре после возвращения Ушакова и Журавлева из похода на побережье моря Лаптевых был создан «военный» совет. На стол легла пухлая в коленкоровом переплете путевая тетрадь Ушакова с данными топографической съемки. Северная Земля впервые предстала передо мною не в облике таинственной незнакомки, с неуверенным пунктиром восточного берега, а как часть реальной суши: с проливом Красной Армии, разделявшим эту сушу, с очертанием западных берегов, с руслами рек, ледниками и даже горизонталями высот.

За зиму экспедиция потеряла много собак. Часть из них погибла от ран, полученных в схватках с медведями, часть — от истощения в тяжелейших зимних походах. Совет решил дать кратковременный отдых собакам, закончить сборы и через пять дней выйти в маршрут для генерального наступления на Северную Землю.

О том, что придется на длительное время остаться на главной базе одному, мне было известно еще в Ленинграде. К этой мысли я привык давно. Но все это должно было случиться в каком-то неясном и далеком будущем. Теперь же этот день настал...

Накануне Георгий Алексеевич, погрузившись в клубы табачного дыма, долго сидел с бумагами: писал телеграммы, делал пометки в дневнике. Журавлев и Урванцев были заняты последними сборами.

Утром, сняв показания с приборов на метеоплощадке, я на-

правился в радиорубку. Подходило время связи. Передав в эфир очередную сводку, я почувствовал, что за спиной у меня кто-то стоит. Обернувшись, я увидел Георгия Алексеевича с листом бумаги в руке.

— Радиограмма, Георгий Алексеевич?

— Нет, Вася...

Он протянул мне кيسет:

— Закурить хочешь?

Чувствуя необычное, я взял трубку. Ушаков подождал, пока я ее раскурил, протянул мне лист бумаги и тихо сказал:

— Вот мы уходим, Вася, и оставляем на тебя все... Надеюсь, что мое письмо поможет тебе в наше отсутствие.

Он обнял меня и вышел. А я стал читать.

*Радишту Североземельской арктической экспедиции
т. Ходову*

Дорогой Василий Васильевич!

Завтра я с остальными товарищами выхожу в большую санную экспедицию. Оставляя Вас на главной базе экспедиции в одиночестве, считаю своим долгом как очертить Ваши обязанности, так и дать несколько советов, которые могут оказаться Вам полезными.

В первые входит:

1) Следить за порядком на главной базе, преследуя цель сохранить имущество экспедиции от порчи, помня что экспедиция еще в течение минимум одного года будет оторванной ото всего мира. Особенно следить за имуществом в период таяния снега.

2) Систематически продолжать срочные метеорологические наблюдения.

3) Отмечать все обратившие Ваше внимание явления природы (усиление таяния снега, вскрытие льдов, появление птиц, залежка на льду морского зверя и т. д.).

4) Передавать метеорологические бюллетени в бюро погоды.

5) Поддерживать связь с материком, извещая Арктический институт минимум раз в две недели о положении на главной базе экспедиции.

6) Последней по порядку, но не менее важной по существу Вашей обязанностью, которую я считаю необходимым отметить, является обязанность беречь себя, помня, что Вы делаете отнюдь не менее Важную работу, чем другие члены экспедиции, отправляющиеся на полевые работы, и что какое-либо несчастье с Вами кроме моей личной боли за Вас будет непоправимым ударом для

работ всей экспедиции. Какой бы то ни было риск своим здоровьем и тем более жизнью должен быть совершенно исключен из Ваших поступков. В период вскрытия льдов я, зная по личному опыту все опасности этого периода, категорически запрещаю Вам морскую охоту или прогулки в плавающих льдах.

И здесь я услышал голос Журавлева:

— Василий, принеси цинку!

Я с сожалением отложил письмо Ушакова и поднялся на чердак за цинковыми ящиками с патронами. Потом потребовались банки с пеммиканом и многое другое. Лишь через час-полтора мне удалось продолжить чтение.

Зная, что Ваша жизнь в одиночестве не будет легкой, — писал Ушаков, — надеюсь, что все трудности Вы встретите бодро и справитесь с ними, а возможные испытания перенесете спокойно, как настоящий полярник. Вы имеете все данные для этого. Для сохранения Вашего здоровья советую как можно больше времени проводить в работах и прогулках вне помещения, одновременно не отказывая себе ни в чем из продовольствия, имеющегося в запасах экспедиции, а главное, помнить, что бодрость и сознание ответственности своей работы для полярника — жизнь и победа, а уныние, духовная расхлябанность и отсутствие сознания долга — смерть и поражение.

Срок моего возвращения с товарищами назначить нельзя. Вам известно, что мы будем располагать продовольствием на три месяца. Однако это не дает права думать, что наше невозвращение по истечении этого срока будет означать нашу гибель. Необходимо помнить, что мы, располагая охотничьим снаряжением, будем пользоваться продуктами охоты, экономя таким образом свое продовольствие, и что могут создаться условия, которых нельзя предусмотреть планом, могущие задержать нас на более долгий период.

Вам известно, что по возвращении на мыс Серпа и Молота из маршрута на север я предполагаю, если позволят условия, пойти с товарищами на восточную сторону Земли и вернуться через залив (или пролив) Шокальского. После достижения в этом маршруте продовольственного депо на мысе Берга, если позволят условия, я откомандирую на главную базу Журавлева и дальше пойду с одним Урванцевым.

Не имея возможности предусмотреть всех случайностей Вашей

будущей жизни в мое отсутствие, прошу Вас в каждом случае руководствоваться создавшимися условиями и Вашим опытом, помня каждый раз Ваше здоровье и интересы экспедиции.

В надежде на счастливую встречу искренне уважающий и любящий Вас

Г. Ушаков

Начальник экспедиции

22 апреля 1931 г.

Острова С. Каменева

Главная база экспедиции

Дочитав письмо, я вышел из радиорубки. В комнате находился один Ушаков. Он надевал на карабин чехол и, казалось, ждал моего появления. Я направился к нему. Он пристально посмотрел на меня и по лицу, видимо, догадался, что письмо прочитано. Мне не хотелось ничего говорить. Он это понял и только по-товарищески крепко пожал мне руку.

...В тот день погода стояла превосходная, тихая и солнечная, мороз около минус 25°.

Как всегда, первыми тронулись в путь нарты Ушакова, за ними — Журавлева и Урванцева. Очень быстро они пересекли пролив и скрылись за соседним островом. Передо мной, как и раньше, остался лишь след полозьев, уходящий на восток, — теперь уже не след, а проторенная и утрамбованная нартами широкая колея...

Оставшись один, перечитываю письмо:

«...Больше времени проводить в проглубах вне помещения». Где? На острове, который и размером-то разве что больше футбольного поля. «Не отказывая себе ни в чем...» Есть сгущенное молоко и кормить им оставленного маленького медвежонка Машку? А если увижу во льдах медведя, помахать ему платочком и пожелать доброго пути?.. Интересно, как бы поступил на моем месте сам Георгий Алексеевич? Перечитываю письмо и нахожу ответ в спасительных для меня строчках: «Прошу Вас в каждом случае руководствоваться создавшимися условиями и Вашим опытом...»

Прошла неделя. Если 7 Ноября мы были все вместе, то праздник 1 Мая 1931 года мне пришлось встречать одному. На флагштоке радиомачты поднял красный флаг. Обеденный стол накрыл на четверых. За ним незримо присутствовали ушедшие в поход товарищи.

Чтобы скрасить одиночество, затащил в дом нашего любимца медвежонка Машку, отличавшуюся независимым характером и

уже умевшую отвечать увесистые оплеухи, а также щенков: Тускуба, Лося, Гора, Аэлиту, Ихощку, Петуха и комичного Перевернись вместе с их строгой мамашей Белкой. Это наша надежда, в недалеком будущем — целая упряжка, причем полноценных, чистокровных псов. Учитывая большие потери собак, мы берегли наших «марсиан» пуце глаза.

Рождение щенят совпало с чтением книги Алексея Толстого «Аэлита». Мы все читали ее запоем. У каждого были любимые герои. Их именами мы и назвали появившееся на свет пополнение.

На всех щенят марсианских кличек не хватило, поэтому самого задиристого щенка назвали Петухом, а Перевернись был наречен так за свои цирковые способности. Щенок упирался головой в пол и переворачивался через спину, за что получал кусочек сахара. Он был понятливым: услышав слово «перевернись», выполнял свой номер и получал лакомство. Повзрослев, Перевернись влетал в комнату и, не ожидая команды, совершал серию акробатических сальто. Потом вставал на задние лапы и ожидал вознаграждения.

Я был неравнодушен к толстовской Ихощке и перенес свои симпатии к названному этим именем щенку. А Ихощка, трогательно ласковая, умная и красивая, платила мне тем же чувством. Получалось как по книге: «Когда Ихощка совсем изнемогала от переполнения чувствами, он сажал ее на колени, гладил по голове, почесывал за ухом, рассказывал всякие смешные истории. Она одурело слушала».

Ездовые лайки, во всяком случае наши североземельские, отличались чрезвычайно ревнивым нравом. Стоило какую-либо из них выделить, приласкать или дать лишний кусок мяса, остальные здесь же искусают «любимчика». Мы никогда не пускали собак в дом, да и они сами не стремились к этому, так как знали, что за такое грехопадение сородичи искусают их до полусмерти. Исключение мы делали с большой осторожностью, только для тяжело больных собак и щенят.

На стажировке в Ленинграде работа метеоролога-наблюдателя поначалу казалась мне однообразной и монотонной. «Подумаешь, снять и записать показания градусника!» Но в каждом деле есть своя изюминка, со временем я полюбил свою вторую профессию и проникся уважением к далеко не простой науке о земной атмосфере.

В обыденной городской жизни мы так заняты множеством разных дел, так всегда спешим, что идем, глядя только себе под ноги, а порой вообще перестаем смотреть на небо и забываем, что есть бескрайний мир природы. Можно прожить жизнь, не познав радости восхода солнца, утренней росы на траве, скрипа снега на

лыкне. Работа наблюдателя дала мне радость общения с природой, помогла многое увидеть и понять.

Метеонаблюдения мы вели по программе станции первого разряда. На нашей планете многие десятки тысяч глаз и приборов следят за погодой. В строго определенные сроки метеорологи — часовые погоды выходят на площадку с книжкой для записи наблюдений. (У нас каждое из них занимало около 45 минут.) Результаты наблюдений шифруются цифровым кодом и немедленно передаются по радио синоптической службе страны. Там содержание метеосводок, сжатых, как боевые донесения, условными знаками наносится на карты земных полушарий, которые сразу ложатся на стол синоптиков: «Прогнозист может медлить не более чем хирург во время операции», — говорил академик Е. К. Федоров.

Гидрометеослужба — это часовой, у которого тысячи глаз. Часовой видит опасность и предупреждает о ней страну. Все сводки с пометками: «Метео», «Шторм», «Цунами» — на всех линиях связи передаются вне очереди, им открыта зеленая улица.

«Кухня» погоды работает круглые сутки, и поэтому нужно знать ее поведение и между сроками наблюдений. Здесь на помощь метеорологу приходят многочисленные приборы — самописцы, непрерывно фиксирующие изменения атмосферного давления, температуры и влажности воздуха, скорости и направления ветра. Но и сам наблюдатель должен всегда быть на посту. Многие явления, нужные прогнозистам и климатологам, приборы отметить не могут. Это может быть и набежавший туман, и появление на небосводе сразу нескольких солнц, когда не сразу различишь, которые из них ложные, а которое настоящее, и зеленый луч на закате, и полярное сияние.

Мои прямые обязанности радиста отнимали немного времени: четыре коротких сеанса связи для передачи метеосводок и два сеанса в сутки для обмена служебными и личными радиogramмами. Когда отсутствовали товарищи, чаще всего в обе стороны следовало короткое кодовое: «QRU 73 SK» («Telegramм не имею, шлю добрые пожелания, связь кончаю»).

Как известно, связь подобна воздуху: если она есть, ее не замечают, а если нет, то задыхаются. Перебои в связи так же болезненны и пагубны, как и перебои в работе сердца. В первые месяцы после ухода «Седова» в работе нашей связи были сбои. Сказывалась крайне малая мощность рации и неблагоприятные, порой необъяснимые условия прохождения коротких волн в высоких широтах, в то время совершенно не изученных.

Практически всегда можно было передать любую телеграмму от нас на материк. С приемом телеграмм в наш адрес было хуже. Нашей станции не было в списке телеграфных пунктов Наркомпочтеля, как не было на карте самой Северной Земли, и телеграм-

мы для нас засылались через самые неожиданные пункты. Их можно было принять от Ленинграда и Земли Франца-Иосифа, а иногда выудить из Иоканги на Белом море, Якутска и других мест.

Постепенно был установлен определенный трафарет. Все телеграммы в наш адрес стали направляться по цепочке: Архангельск, Юшар, Матшар, Земля Франца-Иосифа — медленно, но верно. Наши метеосводки, как правило, мы передавали через Землю Франца-Иосифа, а все остальные свои телеграммы — непосредственно на материк через станции радиолюбителей-коротковолновиков. Это обеспечивало их быструю доставку без переоприема, и мы не были здесь ограничены жесткими лимитами Убеко Севера * — хозяйина арктической связи.

Лимиты Убеко на объем радиogramм вводились не от хорошей жизни. Цепочка радиостанций Убеко была оснащена устаревшей аппаратурой, и ей просто были не «по зубам» наши большие многословные радиogramмы в прессу — «простыни», как их называли радисты, — и длинные отчеты с данными астрономических пунктов и перечислением найденных геологических пород.

Для передачи этих многословных радиogramм мы имели на Большой земле несколько опорных любительских радиостанций, среди которых основной была станция ленинградского Общества друзей радио в яхт-клубе.

Работа с яхт-клубом всегда была приятной встречей с ее операторами Сергеем Михеевым, Павлом Яковлевым, Сашей Войтовичем, Димой Араловым и другими знакомыми ленинградскими коротковолновиками. Особенно любил я работать с Костей Дьячковым, моим другом по секции.

Костя был немного моложе меня. Он учился в Институте связи и, несмотря на туберкулез легких, почти через день дежурил на станции. Он был талантлив, был романтиком и бесребренником, короткие волны любил до самозабвения и был радистом-виртуозом. Рассказывают, что Костя мог принимать дальнюю станцию и, записывая на пишущей машинке телеграмму, одновременно читать стихи (он очень любил поэзию Гёте), а также быть в курсе разговора окружающих, временами подавая реплики.

Костя был поклонником нашей экспедиции, его живо интересовала и наша жизнь, и наша работа, и наше здоровье, и морозы, и пурга. Он горячо переживал все наши неурядицы и трудности.

О себе Костя не любил говорить. Когда в эфире есть такие друзья, как он, здесь, на берегу Карского моря, чувствуешь себя лучше, чем на пляже Черноморского побережья.

Подолгу следя за эфиром на любительских диапазонах, я все

* Управление безопасности судоходства, которому подчинялось большинство радиостанций Заполярья.

же не мог уяснить условий прохождения радиоволн. Сказывались и ограниченность диапазона волн, на которых работали коротковолновники, и их занятость, и многие другие причины. Пытаясь все же разобраться в условиях прохождения, я отобрал 15 регулярно работающих правительственных станций, наших и зарубежных, и четыре раза в сутки стал фиксировать их слышимость. На каждую завел график прохождения волн по типу температурных листов в больницах. Это была моя самодеятельность. Времени она отнимала больше, чем метеонаблюдения и радиосвязь, вместе взятые. Диссертации я защищать не собирался, да и не знаю, были ли они в то время, но эти графики потом хорошо послужили делу развития связи на Севере.

Неудобством в работе была дробность сроков наблюдений и сеансов связи, между которыми оставались окна не больше трех-четырех часов, так что спать приходилось либо по три часа в два приема, либо четыре часа, но раз в сутки.

За долгую зимнюю ночь наше жилье порядочно закоптилось. Обитые фанерой потолки и стены потеряли свою первоначальную свежесть, и при дневном освещении помещение выглядело неуютно. У нас был запас олифы и масляных красок. Зная, что наши возвратятся не скоро, я решил к их приезду преподнести сюрприз и затеял ремонт. Книжки и приборы со стеллажей и полок перекочевывали и легли грудой на кухонной плите. Не жалея сил и масляной краски, я грунтовал, шпаклевал и красил по два раза стены и потолок. Когда работа подходила к концу, краской было залито и вымазано все, что нужно и не нужно. Когда, как говорят, в пору из дома выносить всех святых, а я, поставив на письменный стол Ушакова кухонный и взгромоздившись на него, безмятежно докрашивал потолок, за спиной раздался голос:

— Василий Васильевич, что случилось?

Произошло непредвиденное. Блестяще завершив первую половину намеченных на лето работ и достигнув северной оконечности Земли, Георгий Алексеевич, беспокоясь обо мне, также решил преподнести сюрприз — заехать с товарищами навестить меня.

Вопрос Ушакова и его совершенно неожиданное возвращение были для меня громом среди ясного неба. Пораженный, я загрохотал на пол, а за мной ведро с белилами и кистями. Таким перемазанным и покрасневшим от смущения я предстал перед Георгием Алексеевичем и оказался в его объятиях. Тут же, немало удивленные «порядком» в доме, появились Журавлев и Урванцев.

В этом походе товарищи открыли и нанесли на карту северный, третий по величине, остров архипелага, названный нами островом Комсомолец. Я был несказанно рад их приезду, успеху похода и преподнесенному мне сюрпризу, а они приняли как должное мою малярную затею.

Перебившись после долгих скитаний по льдам два дня на кухне, меньше всего затронутой моим «усердием», Ушаков, Урванцев и Журавлев вышли продолжать полевые работы, пожелав мне успешного завершения начатой эпопеи и вручив пачку радиogramм в Москву и Ленинград.

Проводив их, я сделал короткий тайм-аут, на время сменив малярные кисти на телеграфный ключ. Одним из первых было передано на Большую землю следующее сообщение:

*Радиogramма № 125, 31 мая 1931 года,
Москва, Известия*

Пройдя в течение тридцати шести суток восьмьсот километров, 29 мая экспедиция успешно закончила первый намечавшийся планом маршрут. Открыт новый пролив, отделяющий от средней части Земли северную, которая представляет собой большой остров, покрытый глетчерным льдом. Северная оконечность Земли, получившая название мыса Северного, достигнута 16 мая на широте 81 градус 8 минут долготы 95 градусов 29 минут. Вплотную к ней экспедиция встретила открытую воду с редкими плавающими льдинами.

На всем пройденном пути произведена маршрутная съемка до сего времени неизвестных берегов. Съемка закреплена семью астрономическими пунктами. Выявлена чрезвычайно сложная геология Земли, собраны ценные материалы. Единственной помехой в маршруте была погода. Сильная облачность, часто налетающие продолжительные густые туманы, штормы иногда останавливали продвижение работ на несколько суток. Спускаясь к югу западным берегом Земли, экспедиция приблизилась на 50 километров к главной базе, почему было решено посетить оставленного там товарища.

После двухдневного отдыха собак, некоторого ремонта снаряжения первого июня экспедиция выходит на выполнение второго по плану маршрута, который должен от главной базы пересечь Землю, выйти на мыс Берга, дальше залив Шокальского и снова перейти на западный берег Земли. Таяние снега еще не началось, и экспедиция надеется до наступления этого периода закончить пересечение Земли.

Георгий Ушаков

В телеграмме невозможно передать все подробности похода. Как говорят кинематографисты, многое остается за кадром. Осталось за кадром и драматическое событие первого дня похода.

Начало его относится к пребыванию Ушакова на острове Вран-

теля, когда он и его друг эскимос Иерок во время охоты на тонком льду провалились в воду. Каждая попытка выбраться оканчивалась новой ледяной ванной. Чудом выбравшись из полыньи на крепкий лед, они в полярную ночь на лютom морозе в одежде, пропитанной водой, 10 часов добирались до дома. Они дошли, но походили на ледяные изваяния. меховую одежду на них разрезали и сняли, точно кору с деревьев. Не выдержав страшного переохлаждения, Иерок заболел воспалением легких и умер, а Ушаков слег в постель с острым воспалением почек. Больше месяца в бессознательном состоянии он находился между жизнью и смертью. С тех пор почки стали его уязвимым местом.

Врачи рекомендовали Георгию Алексеевичу поехать на несколько лет на юг, в теплый климат, советовали погреться на солнышке, застраховать себя от рецидивов болезни. И вот Ушаков вместо теплого юга вновь в холодной Арктике в походе. В его путевом дневнике находим запись:

«Пятница, 24 апреля 1931 года, 11 часов. До безобразия скверное начало экспедиции. Во всяком случае это относится ко мне лично. Спал я, несмотря на усталость, скверно. Мучительные боли в области почек. Принятое лекарство помогало мало. Это очередной приступ нефрита. Но сегодня боли настолько сильны, что не только двигаться, но даже дышать больно. Похоже, что болезнь приняла острую форму... Второй раз острую форму нефрита, кажется, не переносят, особенно в условиях арктической экспедиции...»

Эта запись была сделана, когда путешественники отъехали от Домашнего всего 23 километра. Можно было возвратиться. Но Ушаков сказал товарищам: «Что же, надо идти!» — «Куда?» — «До Северной Земли осталось километров 40. Сегодня мы должны их осилить. Дорога хорошая». Журавлев помог ему обуться, Урванцев вывел из палатки. Накрыли нарты мехом и уложили на них Ушакова. И вот 40 километров пути до мыса Серпа и Молота. Каждый малейший толчок заставлял Ушакова корчиться от боли. А эти толчки повторялись ежеминутно, на каждой малейшей заструге. Когда становилось невмоготу и холодная испарина покрывала лоб, он просил сделать остановку на несколько минут, чтобы... дать передышку собакам. И снова в путь.

На мысе Серпа и Молота экспедиция задержалась для определения астрономического пункта. Вынужденный отдых благотворно повлиял на Ушакова. Через три дня он мог вставать, сгибаться и разгибаться, а 27 апреля был в состоянии продолжать поход.

Ушаков не мог покинуть капитанский мостик. Срыв работ экспедиции и даже их задержка были для него неприемлемы. В мире, а в нашей стране в особенности, всегда были, есть и будут люди с горящими сердцами, идущие впереди и ведущие вперед.

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ И СКУКЕ

Зеленый луч · Белые медведи · Возвращение Журавлева · Распутица и тревога · Наши вернулись · Радиограмма об исследовании острова Октябрьской Революции · Итоги первого года

Июнь 1931 года начался на острове Домашнем с погожих солнечных дней и капелью на припеке. Как это не кстати нашим в маршруте! Им нужен хороший санный путь и обязательно хотя бы небольшие, но морозы.

Прошло больше полутора месяцев со дня выхода товарищей на полевые работы, с того дня, когда я остался на главной базе один, с глазу на глаз с Арктикой. Но время шло быстро, вернее, летело, и я всегда был в цейтноте.

Уже после окончания экспедиции мне часто задавали один и тот же вопрос: «Что Вы чувствовали, оставшись в одиночестве? Испытывали ли страх, скуку?»

Что можно на это ответить? Мне бы хотелось быть с товарищами и делить с ними трудности и романтику походов. Но жизнь на базе не тяготила, а работа приносила подлинное удовлетворение. Я гордился тем, что один выполнял весь комплекс работ полярной станции, которые на соседних зимовках делали целые коллективы. Моим постоянным желанием было не уронить честь нашей экспедиции. Забот, больших и малых, было много, а чего мне действительно не хватало, так это времени и известий от товарищей. Тяжело переживаешь не столько одиночество, сколько неизвестность и тревогу за судьбу товарищей, ушедших в тяжелый и опасный поход. Тогда я в полной мере познал чувства, неотступно терзающие души матерей и жен фронтовиков, моряков — всех тех, кому уготовано судьбой оставаться и ждать, ждать самых близких.

Не знаю, что бы это дало, но я всегда был готов прервать пассивное ожидание. В оставшейся со мною инвалидной команде всегда имелось несколько выздоравливающих псов, способных работать хотя бы в полсилы, легкие нарты и небольшая походная рация с запасом питания на несколько часов. За два перехода

можно было достичь продовольственного депо на мысе Серпа и Молота, а там действовать по обстоятельствам. Сознание возможности пойти на помощь товарищам облегчало мое положение.

Испытывал ли я страх? Видимо, меня нельзя отнести к категории бесстрашных людей. Но чего же было бояться тогда? Самого для меня страшного — зубодробительной бормашины на Северной Земле не было. Профессор Б. Л. Исаченко, с которым нас свело совместное плавание на «Седове», установил ничтожно малое присутствие микроорганизмов на арктических островах. Так что стерильный воздух гарантировал сохранность моей особы.

Что касается скуки, то, по моему глубокому убеждению, она одолевает лишь от безделья и лени. Чтобы скучать, нужно иметь для этого время. У меня его не было. Для коротковолновика, а я им был, это состояние тем более неизвестно и непознаваемо. Пока наши путешествовали по Северной Земле, я при наличии времени совершал увлекательные путешествия по эфиру. Короткие волны позволяют встречаться с друзьями, где бы они ни находились: от Дальнего Востока до Прибалтики. Эфир может перенести вас из Арктики на коралловые атоллы Тихого океана, на Тасманию и в Патагонию, в экваториальные леса Бразилии и саванны Африки. Если у вас достаточно терпения, вам может ответить УЛ (девушка) из Испании или Венесуэлы. Если ваш передатчик устойчиво работает и вы неплохой собеседник, то далекая незнакомка передаст на языке радиолюбителей нежное «88», что значит «любовь и поцелуй», и пожелание новых встреч в ближайшем будущем.

Путешествия на коротких волнах для меня лично несравнимо интереснее присутствия на заседании телевизионного «Клуба кинопутешествий». Для путешествий по эфиру, правда, недостаточно мягкого кресла. Нужно искать и находить, делать и переделывать схемы, аппаратуру, антенны, шлифовать и оттачивать мастерство, и тогда вам откроется совершенно особенный, ни с чем не сравнимый мир радиолюбительского эфира. Недаром говорят, что коротким волнам все возрасты покорны, от пионера до пенсионера.

В нашем маленьком, изолированном коллективе были трудности личного плана — оторванность от тех, кто был в сердце, но остался на Большой земле. Полярнику, как солдату и моряку, нужен надежный тыл. Не случайно Фритъоф Нансен труд всей своей жизни — книгу «Фрам в Полярном море» посвятил: «Ей, которая дала имя кораблю и имела мужество ожидать».

Мне было не по себе, грустно и тревожно, когда долго не было весточки с Большой земли. В один из таких дней я шел по гребню острова и любовался заходом солнца. Погода выдалась прекрасная. Даже не было дымки, обычно скрывавшей горизонт на западе и далекие берега Северной Земли на востоке. На этот раз ее вер-

шины были отчетливо видны без бинокля. Солнце уже коснулось моря и, спускаясь, как бы скользило вдоль горизонта, было не багряно-красным, как обычно при закате, а ослепительно белым. Я чем-то отвлёкся и, снова взглянув на запад, замер, пораженный...

Из-за моря вырвался чудесный пламенный луч зеленой, неземной окраски... Такой красоты я еще никогда не видел. Небо и все окружающее меня — снег, ледяные поля и утесы — приняли зеленоватый оттенок. Мне выпало счастье увидеть «волшебный» зеленый луч.

Наблюдается он крайне редко, когда солнечный диск исчезает за горизонтом, и еще реже — на восходе. Возникает зеленый луч в результате разложения (дисперсии) света в толще атмосферы, особенно значительного при прохождении солнечных лучей вдоль земной поверхности.

Явление это длится секунду-две, при аномальных условиях может и больше. В антарктической экспедиции адмирал Бэрд наблюдал зеленый луч в течение 35 минут. Мне посчастливилось видеть это чудо трижды, но определить его продолжительность не удавалось. Луч зачаровывал, и я забывал о секундомере. Каждый раз казалось, что это чудо длилось бесконечно долго.

Мастера слова и ученые, наблюдавшие и описывавшие зеленый луч, отмечали его чудесный неповторимый цвет, который еще не создал ни один художник и который не встречается нигде в природе, несмотря на обилие и разнообразие ее цветов и оттенков.

Зеленый луч неповторим, ибо это луч солнца — источника всего живого и всех цветов на земле — источника счастья, радости и надежды.

О нем сложено много поверий и легенд. В одной из них говорится, что только очень счастливому человеку удастся поймать мгновение его появления, ослепительное, как счастье, и памятное на всю жизнь.

Тот, кто хоть раз увидит этот луч, никогда не ошибется ни в своих чувствах, ни в чувствах другого; свет этого луча рассеивает всякое предубеждение и всякую ложь, — гласит другая легенда.

Даже самые красивые легенды остаются легендами. Но может, не всегда? Судите сами, но в сердечных делах действительно лучше не давать и не слушать советов.

По счастливому совпадению вечером того же дня во время сеанса связи с Ленинградом радист яхт-клуба прервал передачу кодовым выражением «АС» — ждите, а через несколько секунд я услышал в эфире переданное такой знакомой мне рукой «88!».

Мне было несказанно радостно слышать музыку этих знаков морзянки — трех тире и двух точек. Радостно, но и очень стыдно за мою слабость — за минуты сомнений. Тот, которого ждут, должен быть достоин этого...

Если для людей Северная Земля оставалась неизвестной, то для белых медведей она была одним из излюбленных уголков Арктики. Любый экземпляр этого зверя в зоопарке — лишь жалкое подобие его вольного собрата. Белого медведя заслуженно зовут владыкой Арктики. Большой, могучий, гордый и красивый, он, не спеша, шествует по морскому льду, с достоинством озирая свои владения. Зверь огромной силы и необычайно динамичный как в воде, так и на льду, способный одним ударом лапы выбросить из полыньи большого тюленя, вступающий в единоборство с моржом. А ведь морж кроме бивней имеет толстый слой брони из кожи и сала, которую не пробивают даже пули боевой трехлинейной винтовки.

В мае, когда товарищи были в походе, мне удалось добыть несколько матерых медведей. Некоторые были убиты у дома. У нас вошло в привычку подбрасывать в печь кусочки тюленьего жира, и медведи шли на запах ворвани, как путник на огонек. Один медведь, взобравшись на крышу нашего домика, с упоением вдыхая аромат из печной трубы и перемазавшись сажой, пытался из дымохода достать лакомство. С другим мы встретились на метеоплощадке. Я спешил туда из дома, а медведь — с моря. Он дошел быстрее, поскреб когтями столб нефоскопа (инструмента для определения скорости и направления движения облаков), а затем его внимание привлекла метеобудка с самописцами. Пришлось мне возвращаться за карабином, а потом снимать показания прибора, уже стоя на туше убитого великана.

Но добыча зверя «с доставкой на дом» была исключением. Медведя приходилось промысливать во льдах, на кромке припая или у разводий. Промысел морского зверя, а медведей в частности, не схож с любительской охотой. Это тяжелый труд. Мало выследить зверя, надо еще и доставить добычу к дому: где через разводья на шлюпке, где волоком по льду, порой не за один километр. Весит зверь с полтонны, а крупный экземпляр почти тонну. Пока возишься — подходит срок метеонаблюдений. Приходится бросать, а через несколько часов начинаешь снова ворошить тушу, но уже окоченевшую на морозе.

Интереснее самой охоты наблюдать за белым медведем. Взрослые звери ходят в одиночку, а весной появляются мамы с медвежатами. На зиму медведицы залегают в снежные берлоги на берегу. В декабре — январе на свет появляются один-два медвежонка, маленькие, размером с плюшевого и весом менее килограмма. В апреле медведицы с подросшим и окрепшим потомством покидают свой кров на берегу и отправляются странствовать по морским льдам. Сколько забот и хлопот доставляют медвежата

матери своими шалостями. Ей нужно добыть нерпу, а у «ребят» на уме одно баловство. Только кого шлепками, кого зубами за «ширку» соберет она и хочет отойти, как медвежата опять за свое. Какая уж тут нерпа!

Занятно с медведем «поиграть в охоту», да еще с фотоаппаратом. Распластаться на льду, и медведь, если он идет по ветру, может принять тебя за нерпу. Прикрывая лапой свой черный нос, он начнет осторожно подкрадываться, где по-пластунски, где прятаясь за торосы. Приподнимаешься на локтях, повернешь голову, имитируя движение настороженной нерпы, и мгновенно медведь замрет, прикрыв лапой не только нос, но и глаза, станет совсем незаметным на фоне белых торосов. Опустить голову, прижмешься к снегу, и все начинается снова.

Нерпы на протяжении всей зимы поддерживают во льду лунки-продушины, чтобы время от времени набирать воздух в легкие. Весной они выбирают на лед у лунок и нежатся на солнце. Малейший шорох или неосторожное движение человека — и нерпа мгновенно соскользнет в воду и вновь появится уже за сотню метров, в другой лунке.

Медведю хорошо знакома чрезвычайная чуткость и все повадки нерп, крадется он очень осторожно и медленно. Так что «игра в охоту» могла длиться долго и зависела от моего терпения. Но нужно вовремя кончить ее, так как на близком расстоянии «игра» опасна. Медведь, подкравшись, как развернувшаяся пружина, в полупрыжке, в полуполете мгновенно накрывает нерпу.

Промысливая вдали от дома, я нарушал наказ Георгия Алексеевича, запрещавший мне охоту на морском льду. Но для страховки я таскал с собой маленький «тузик» — одноместную лодку с полозьями, которую смастерил Журавлев из фанеры. На ней можно было переправиться через полыньи и разводья, она же служила легкими нартами для перевозки груза.

17 июня вернулся из похода Журавлев. Его приезда я не ожидал. Проснувшись и увидев Сергея, сидящего у моей койки, уставшего, еще одетого по-дорожному и ушедшего в думы о чем-то своем, я не сразу понял, что вижу его наяву. Трудно передать словами чувство, которое испытываешь, увидев товарища, вернувшегося живым и здоровым из продолжительного и трудного похода. Мы поздоровались. Только крепкое рукопожатие и глаза сказали о всем, что было пережито и передумано каждым.

— Как ошкуй? * — Сергей первым делом поинтересовался моими охотничьими трофеями. — Пойдем, Василий, показывай добычу.

Осмотрев шкуры медведей и поворчав на то, что не все чисто «выбриты», он, правда с натяжкой, оценил их первым сортом. Мы

* Ошкуй — так поморы называют медведя.

направились в дом. Только тогда Сергей понемногу «оттаял» и стал рассказывать о подробностях возвращения на базу:

— Да, это была ставка жизни на карту. До базы 200 километров, а ты один-одинешенек... Все глетчеры да проливы — то и дело рискуешь попасть в трещину... И махнув рукой, добавил: — Сколько же раз за свою жизнь уже побывал в зубах у смерти, разве сочтешь?!

«По изворотливости и умелой ориентировке», как говорил Журавлев, ему не было равных. В любых передрыгах со стихией он все-таки выходил победителем.

Три дня назад на побережье моря Лаптевых, у мыса Берга, Журавлев расстался с товарищами и, заехав на мыс Ворошилова, еле успел проскочить двухсоткилометровый путь до базы в уже начавшуюся распутицу. Из-за нее положение Ушакова и Урванцева, продолжавших исследование Земли, становилось очень тяжелым и опасным.

Ушаков передал с Сергеем несколько сообщений в Москву и одно, как всегда, в «Известия»:

*Радиограмма с мыса Берга, 13 июня 1931 года,
Москва, Известия*

После трудного двадцатидневного перехода пересекли Землю и вышли к продовольственному депо на мысе Берга. Первую половину пути шли в почти непрерывной встречной метели. 6 июня началось заметное таяние снега, скопление в ручьях воды.

В результате пересечения получены данные для полного геологического разреза Земли, чрезвычайно интересного по характеру и разнообразию слагаемых пород.

На морском побережье температура держится ниже нуля, часты туманы и снег, но дорога вполне пригодна для передвижения.

Завтра после окончания астрономических наблюдений выступаем на юг, к заливу Шокальского. В дальнейший путь идем вдвоем с Урванцевым на двух упряжках. Третий спутник в целях заготовки мяса на корм собакам в следующую зиму, а также для доставки на главную базу экспедиции скопившихся коллекций откомандировывается на острова Каменева.

Маршрут обеспечен всем необходимым на месячный срок. На случай непредвиденной задержки мы располагаем достаточным запасом охотничьего снаряжения и припасов. Добыча мяса, вероятно, не представит больших трудностей. На льду появился морской зверь, заметно усилился ход медведей. Сегодня убито три медведя, значительно усиливших запасы экспедиции.

Георгий Ушаков

Когда мы оставались вдвоем с Урванцевым, у нас наступал «великий пост», строжайший режим и распорядок дня; с приездом Журавлева начиналась раздольная масленица. Как он говорил, «жить нужно не по шпаргалке, а как дело велит». Мы и виделись-то с ним редко. Когда мне нужно было вставать, он, возвратясь с промысла, ложился спать. В плохую (по его выражению — «идиотскую») погоду он считал за благо среди дня повалиться спать, а в хорошую, да еще морозную — днями и ночами пропадал на промысле.

Сергей любил книги и много читал. Произведения Шекспира, Мольера, Шиллера и многих других авторов из нашей обширной библиотеки были прочитаны им от корки до корки. Читал он как изголодавшийся человек, подбирающий каждую случайно упавшую крошку. Он мог встать среди ночи, взять том Шекспира и начать перечитывать его, пытаясь лучше понять каждую строчку. Сергей всегда сожалел о том, что раньше он не имел возможности так много читать.

Журавлев не любил в книгах ничего напыщенного, искусственного, далекого от правды жизни. Читая об экспедиции Брусилова на «Св. Анне» и о трагедии группы Альбанова, он заметил:

— Вот где была разыграна драма, действительно захватывающая дух...

А прочитав случайно попавшую к нам немудреную книжку о жизни великосветского общества, сказал:

— Сравнивай всю эту трепатню с настоящей драмой Арктики, и почему-то даже автора этой книги охота назвать пусто время тратящим на все свои произведения. Все это выходит у него маскированным, перекрашенным, перекаленным.

Дома и в походах Журавлев ежедневно вел дневники, назывались они «Записи ежедневных работ, промысла и других наблюдений». Начал он их вести много лет назад, еще на Новой Земле. В дневниках он больше всего писал о промысле, но были и большие отступления о взглядах на жизнь, рассуждения о прочитанном и написанные им стихи.

Даже ночью можно было застать его за дневником. Проснувшись, спросишь:

— Сергей, что ты все пишешь?

— Слезай, Василий, с койки, — скажет в ответ и даст прочитать свои записи.

Дневники Журавлева были кладом самобытной мудрости. Журналисты на «Седове», да и другие готовы были «отдать полжизни» за любую тетрадь его дневников. Но он возил их с собой, и совершенно непостижимо, как при своей бродячей жизни сумел сберечь.

С Журавлевым было интересно, хотя и на выволочки он был горазд, и не спускал ошибок. Мне и до экспедиции приходилось

ходить на шлюпках на веслах и под парусом, но, только попав в школу Журавлева, я понял, каким был котенком на воде.

Сергей все, к чему прикладывал руки, делал на совесть и с умом, это относилось и к его манере одеваться. Он обычно носил малицу*. Но как носил! В поселках на Севере можно увидеть «полярника», тоже одетого в малицу: болтается она на нем, меховые пимы с ног спускаются. Идет человек спотыкается, и не поймешь, как при ясной погоде, на расчищенной дороге его земля держит. Журавлев выглядел иначе. Поверх малицы он надевал легкий непромокаемый чехол, перепоясывался искусно украшенным широким ремнем. Выше ремня — большой напуск, где можно и руки погреть, и держать НЗ: кисет с табаком, трубку, спички, обоймы с патронами. Полы одежды, подтянутые много выше колен, не стесняли движений. Нерпичьи пимы всегда у него были плотно перевязаны под коленями.

Поначалу эту манеру одеваться я относил к склонности Сергея пофрантить. Но по молодости лет слепо подражал ему. Завел такой же ремень, на котором, как кортик, висел большой промысловый нож, так же носил малицу. Суть же «франтовства» я познал позже, на собственном горьком опыте.

Как-то в морозный день мы с Сергеем промышляли в море нерпу. Он на «тузике», я на байдарке, метров за двести друг от друга. После удачного выстрела, разогнав байдарку, я попытался загарпунить тушу, но внезапно оказался в ледяной воде, а перевернутая байдарка и весло — далеко в стороне. После приводнения я держался на поверхности как резиновый мячик и не чувствовал холода. Пока соображал, что же делать дальше, подоспел на шлюпке Сергей. Рывкнув: «Растяпа», он загарпунил и отбуксировал меня к берегу. Я же в полном смысле слова вышел сухим из воды. Перепоясанная малица с воздушным мешком за пазухой и перетянутые пимы сработали, как гидрокостюм с поплавками! Если бы не «франтовство», дело вряд ли кончилось для меня только легким испугом и очередной выволочкой.

Пройдя с Журавлевым рука об руку два года экспедиции, съев вместе не один пуд соли, я полюбил Сергея Прокопьевича. Он был самородком, человеком больших способностей, горящим работой, может, и не всегда лицеприятным своей прямолинейностью, но всегда до предела честным, готовым ради дела и ради товарища идти в огонь и в воду. На Журавлева можно было иногда сердиться, но не любить и не уважать его было невозможно.

С каждым днем мы с Сергеем все больше тревожились за судьбу товарищей. Погода явно не благоприятствовала им: ртутный стол-

бик термометра стоял выше нуля, снег сошел, и морской лед покрылся сплошными озерами воды. Сугробы вокруг нашего домика стояли, и обнажился грунт. Прошли все возможные сроки возращения; еще день или два — и мы дали бы тревожную телеграмму на материк или, что скорее всего, попытались бы пробиться к продовольственному депо на мысе Серпа и Молота, через которое должны были пройти Ушаков и Урванцев.

20 июля, когда надежда была почти потеряна, в какой-то момент нас с Журавлевым что-то вытолкнуло из дома. Перед нами на льду пролива виднелись две упряжки. Собаки тащились, еле перебирая лапами, совершенно безразличные к близости жилья и к бросившимся навстречу им псам с базы.

В голове мелькнуло: «Живы!»

Обессиленные собаки упали у берега, даже не пытаясь дотянуть нарты до дома. Мы бросились к нашим. Вопросов Ушакову и Урванцеву не задавали: все было ясно без слов. У обоих вид, как говорят, — краше в гроб кладут. Они не в силах были подняться и сидели на нартах с едва заметными улыбками на лицах, как у пришедших в сознание после тяжелой операции и глубокого наркоза.

Я вынес им по кружке горячего чая. Урванцев пытался отхлебнуть, но не мог — зубы только стучали по эмали. Ушаков отвел мою руку с кружкой и попросил:

— Закурить, Вася.

Я набил свою трубку, передал Георгию Алексеевичу и зажег спичку. Затянувшись, Ушаков слабо пожал мне руку.

Ушаков и Урванцев прошли буквально сквозь крошечный ад. Испытания начались с распутицы у пролива Шокальского. Вскрывались бурные речушки, и морской лед покрыли бесчисленные озера талой воды. Пятнадцать суток, день за днем, люди шли по колено, а то и по пояс в воде, пробиваясь через месиво из снега, льда и воды, не имея возможности ни обсушиться, ни обогреться.

Поверхность льда превратилась в терку, и собаки стирали себе лапы до сухожилий, оставляя кровавый след. На остановках, обессиленные, они ничком падали в воду. Их приходилось на руках переносить на сухое место и подкладывать корм под морды.

В довершение всех бед началась сильная гроза с непрерывными разрядами молний, раскатами грома и с «тропическим» ливнем. Только в отличие от тропического — с ливнем ледяной воды и града. Грозы в Арктике такая же редкость, как северное сияние в средней полосе. Человек и стихия стояли лицом к лицу. Арктика, не сумев сломить волю людей лютыми морозами, неистой пургой и тьмой полярной ночи, пыталась остановить исследователей грозой с ливнем. Но советские люди выстояли, выполнили свой долг и сняли покров неизвестности и с этой части суши.

* Малица — верхняя одежда из меха оленя мехом внутрь, широкого покроя, длинная, с капюшоном, широкими рукавами и вшитыми рукавицами.

От мыса Серпа и Молота до базы они шли вдоль открытой воды по припаю, покрытому трещинами, и в любой момент их могло вынести на льдине в открытое море. Шли голодные. Оставшуюся кружку риса они день назад съели сырым, только размочив его в холодной воде — керосина и спичек уже не было.

И, несмотря на предельное изнурение, за весь переход Ушаков и Урванцев не сделали ни одной попытки уйти от трудностей, бросить часть собранных коллекций или оставить необследованным хотя бы маленький мысок или бухточку. А чего стоило преодолеть соблазн выйти на берег, обсушиться, обогреться и провести в палатке лето, живя охотой!

Видавший виды Журавлев и тот был поражен запасом прочности человека и тихо сказал:

— Господи, что может вынести и выстрадать человек из-за охоты завоевать Север!

Георгий Алексеевич и Николай Николаевич понемногу приходили в себя. Мы с Сергеем, как могли, помогали им: готовили и угощали их медвежьими отбивными, сдобными пирогами и другими их любимыми кушаньями. Сергей подстриг обросшего Урванцева «под полубокс», а я Ушакова — «под польку». Мы ежедневно готовили нашим товарищам баню, в которой они парились и в несколько приемов отмывались после многомесячного похода.

Через несколько дней Ушаков и Урванцев, отдохнувшие, гладко выбритые, в белоснежных сорочках выглядели вполне благообразно. Лишь продубленная ветрами и незаходящим солнцем кожа, висевшая клочьями на их лицах, ввалившиеся глаза и побелевшие от седины волосы на висках напоминали о пережитом.

Мы опять все вместе. Прошел год после нашего выхода из Архангельска. За 11 месяцев пребывания в экспедиции на собаках было пройдено свыше 4500 километров по местам, где раньше не ступала нога человека. Были открыты и изучены острова и проливы Северной Земли. Центральный, и самый большой, остров, исследованный во время последнего похода, мы решили назвать островом Октябрьской Революции.

Ушаков составил донесение об итогах работы, и я с гордостью его перездал.

*Радиограмма от 21 июля 1931 года,
Срочно, Москва, Президиум Советов,
Сергею Камневу*

Южный маршрут закончен благополучно. Начавшаяся 20 июня распутица сделала его чрезвычайно суровым. Обследование продолжалось 50 дней. Экспедиция прошла 700 километров и опреде-

лила пять астрономических — магнитных пунктов. Внесены исправления в съемку гидрографической экспедиции на восточном берегу. Вместо залива Шокальского открыт пролив, в самом узком месте имеющий ширину в 20 километров. По ряду признаков глубина его достаточна для прохода судов.

Весь пройденный берег обследован также геологически, открыты признаки месторождений золота, олова, меди. Взяты пробы.

Всего за первый год на Северной Земле сделано 1500 километров маршрутной съемки, охватывающей площадь в 25 тысяч квадратных километров. Осмотрено около 200 обнажений, взяты образцы горных пород. Собраны материалы по оледенению земли, режиму льдов, гербарии и так далее.

Всего экспедицией обследовано 70 процентов Северной Земли, на будущий сезон осталось 30 процентов, падающих на южную часть архипелага.

Такая работа могла быть выполнена благодаря дружному сотрудничеству всех членов экспедиции. Урванцевым и мною был совершен последний переход.

В ближайшее время приступаем к подготовке следующей зимовки. Все бодр и здоровы. Шлем сердечный привет.

Ушаков

24 июля было памятным днем, на который я не мог жаловаться. Короткие волны не подвели. О всех географических открытиях экспедиции стало известно на Большой земле. Приоритет открытий был закреплен за советскими людьми. Это подтверждала ответная радиограмма председателя Арктической комиссии:

*Правительственная, Северная Земля,
Ушакову*

С исключительным интересом прочел сообщение о проделанной работе. Совершенное экспедицией обследование поистине легендарно. Преодоление неслыханных трудностей говорит положительно о сверхгероичности зимовщиков. Такие дела могут творить товарищи, рожденные и воспитанные Великим Октябрем и воодушевленные задачами нашего социалистического строительства.

Сергей Каменев

НАШИ ПЛАНЫ НА ВТОРОЙ ГОД

*Вояж на Северную Землю ди-
рижабля «Граф Цеппелин».
Североземельская страда. На-
шествие белух. Мечты о Зем-
ле Санникова и о будущем
Арктики*

Поход, из которого 20 июля возвратились Ушаков и Урванцев, был последним в 1931 году. В результате первого года полевых работ экспедиция установила, что Северная Земля — крупный архипелаг, включающий четыре больших острова и значительное число мелких.

Была произведена топографическая съемка и геологическое обследование островов Октябрьской Революции и Комсомолец; открыты проливы Шокальского и Красной Армии; собраны материалы о растительном и животном мире; выполнен годичный цикл стационарных метеорологических, ледово-гидрологических и геомагнитных наблюдений. Покров неизвестности был, наконец, снят с Северной Земли, и в географическом отношении она перестала быть terra incognita.

Не последним по значению в активе экспедиции был и приобретенный опыт работы в суровых условиях, и спаянность нашей четверки.

Мы начали готовиться ко второму году экспедиции. Предстояло совершить исследовательские походы на острова Большевик и Пионер, продолжить стационарные научные наблюдения на главной базе и до начала навигации 1932 года обработать собранные материалы, а в завершение составить полную картину Северной Земли.

Первой по времени и значению, как и в прошлом году, предстояла «уборочная страда» — заготовка мяса для себя и собак.

Некоторый диссонанс в наши планы вносил лишь намечавшийся на лето 1931 года полет в Арктику дирижабля «Граф Цеппелин».

Обширные пространства Арктики к началу XX века во многом оставались непознанными. Слишком ограниченными возможностями и несовершенными транспортными средствами располагали

в прошлом полярные исследователи. Путешественники отправлялись в Арктику на утлых суденышках или преодолевали просторы полярного бассейна на собаках и пешком, проявляли мужество и силу духа, но не всегда достигали цели, а порой погибали.

«Вега» полярного исследователя Адольфа Норденшельда, на которой впервые в истории за два года было совершено плавание Северо-Восточным проходом вдоль берегов Сибири, имела водоизмещение 359 тонн и паровую машину мощностью 60 лошадиных сил. А Северо-Западный проход из Атлантики в Тихий океан вдоль северных берегов Канады и Аляски был пройден в 1903—1906 годах экспедицией Руала Амундсена на парусно-моторной яхте «Йоа» водоизмещением всего 47 тонн, с мотором мощностью 13 лошадиных сил.

Непомерные трудности, встававшие на пути человека, навели на мысль об использовании для проникновения в Арктику летательных аппаратов.

Первым эту идею высказал португальский монах Бартоломео Лоренцо Гусмао, изобретший диковинный летательный аппарат и совершивший на нем в 1709 году полет над ошеломленными жителями Лиссабона. В своем прошении к королю Иоанну V о выдаче ему патента на изобретение он писал, в частности, о том, что с помощью летательных аппаратов будут открыты ближайшие к полюсам страны*. Однако в средние века изобретателей не поощряли, и иезуиты усмотрели в полете Гусмао ересь. Вольнодумца подвергли пыткам. Ему удалось бежать из Португалии, и он умер в изгнании. Первые полеты в Арктике на самолете совершил в 1914 году русский летчик Ян Иосифович Нагурский. На биплане «Фарман» он выполнил пять полетов у северо-западного побережья Новой Земли, разыскивая пропавшую экспедицию Седова. Попутно во время полетов фиксировалось состояние льда в море. В рапорте начальнику Главного гидрографического управления Нагурский докладывал: «Летать в арктических странах хотя и тяжело, но вполне возможно».

В связи с первой мировой и гражданской войнами планы использования авиации в Арктике на многие годы были отложены.

Успешные полеты советских летчиков с 1924 года (Б. Г. Чухновского в Карском море, М. С. Бабушкина в северной части Белого моря и О. А. Кальвица в восточном секторе Арктики) были началом работы полярной авиации по изучению и практическому освоению Северного морского пути.

Достичь полюса по воздуху в 1925 году пытался Руал Амундсен. На двух летящих лодках «Дорнье-Валь» экспедиция Амундсена стартовала в Кингсбее (Шпицберген). Не дойдя до полюса,

* «Воздушные пути Севера». М., 1933, с. 11, 51.

самолеты совершили вынужденную посадку на 87°43' северной широты. Почти месяц спустя, с большим трудом подготовив на дрейфующем льду взлетную полосу, Амундсену и его спутникам удалось на одном самолете подняться в воздух и возвратиться на Шпицберген. Второй самолет они были вынуждены оставить во льдах.

В 1926 году экспедиция Руала Амундсена на небольшом дирижабле итальянского производства «Норге» («Норвегия») совершила первый в истории трансполярный перелет. Командиром корабля в этом полете был полковник итальянской армии Умберто Нобиле. Стартував со Шпицбергена, «Норге» через 16 часов достиг района Северного полюса. Далее экспедиция продолжала полет над акваторией полярного бассейна, ранее никем не посещавшейся, и прошла над полюсом недоступности. Через 46 часов 45 минут после вылета дирижабль достиг мыса Барроу на Аляске. Полет «Норге» дал ценные научные результаты, и в частности установил отсутствие гипотетической Земли Гарриса и других участков суши по трассе полета, а также блестяще подтвердил идею географических исследований Арктики с воздуха.

В 1928 году Губерт Уилкинс и Бен Эйлссон на одномоторном самолете осуществили трансарктический перелет протяженностью 3500 километров от мыса Барроу на Аляске до Шпицбергена.

Итальянская экспедиция Умберто Нобиле на дирижабле «Италия», однотипном с «Норге», в 1928 году предприняла ряд полетов в Центральном полярном бассейне.

По предложению Фритьофа Нансена в 1924 году было создано международное общество «Аэроарктик» — общество по изучению Арктики при помощи воздушных кораблей. Центр этой организации находился в Берлине, ее первым председателем был Нансен. В работе общества принимали участие представители ряда стран, в том числе и ученые Советского Союза; «Аэроарктик» выдвигал много интересных проектов исследований Центрального полярного бассейна.

Катастрофа «Италии» вызвала определенную настороженность в кругах сторонников применения дирижаблей в Арктике. И все же в 1928 году «Аэроарктик» наметил ряд арктических экспедиций на дирижабле «Граф Цеппелин», который предоставило обществу германское правительство. По разным причинам этот полет откладывался в течение ряда лет и окончательно был намечен на 1931 год. Как сообщалось, экипаж должен был выяснить условия работы воздушного корабля этого типа в Арктике и выполнить научные исследования. Хотя экспедиция на дирижабле «Граф Цеппелин» считалась международным предприятием и в ней участвовали, в частности, советские ученые, однако все ключевые посты в составе экипажа и экспедиции занимали (к тому времени Нансен умер)

немецкие специалисты: командир корабля Г. Эккнер, его помощники, специалисты по аэрофотосъемке. Флаг международной организации и научных исследований был весьма удобной вуалью, прикрывавшей истинную цель полета.

Дирижабль ЛЦ-127, имевший название «Граф Цеппелин», был гигантским по размерам и в техническом отношении интереснейшим воздушным кораблем жесткого типа. Построенный в 1928 году на известной верфи Цеппелина в Фридрихсгафене дирижабль длиной 236 метров, объемом 105 тысяч кубических метров имел полезную нагрузку порядка 40 тонн, крейсерскую скорость — 100 километров в час и радиус действия — 12—14 тысяч километров. До полета в Арктику ЛЦ-127 совершил множество рейсов, в том числе трансатлантический и кругосветный.

Как уже отмечалось, наша Североземельская экспедиция в июле 1931 года на 70 процентов завершила исследование архипелага и создала на Земле сеть опорных астрономических пунктов, данные о которых, как и все результаты работ экспедиции, были сообщены Арктическому институту. В этих условиях необходимость полета дирижабля «Граф Цеппелин» в район Северной Земли не являлась бесспорной. Коль скоро он все же намечался, естественно было ожидать взаимодействия и координации целей и программы его полета с нашей экспедицией. В этом случае от воздушной экспедиции могли быть получены дополнительные географические данные, например, о размерах оледенения Северной Земли в глубинных районах, недоступных для исследователей с наземным транспортом.

Однако о целях полета дирижабля в район Северной Земли и о программе работы воздушной экспедиции нас не извещали. О них мы больше узнавали из радиовещательных передач, от товарищей по эфиру и из подробных телеграмм жены Урванцева — Елизаветы Ивановны, которая была нашим внештатным информатором. Она с завидной оперативностью сообщала нам о всех новостях в геологическом и полярном мире. Арктический же институт хранил молчание.

На пути из Берлина ЛЦ-127 сделал остановку в Ленинграде, где для его приема была сооружена специальная причальная мачта. Дирижабль, имея на борту 46 человек, 26 июля 1931 года отправился из Ленинграда в Арктику. Через 34 часа после вылета он осуществил кратковременную посадку в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа для обмена почтой с ледоколом «Малыгин», который прибыл туда с иностранными туристами.

Как нам сообщили радисты Тихой и «Малыгина», дирижабль, выполнив аэрофотосъемку некоторых районов Земли Франца-Иосифа, вылетел к нам. Около 5 часов 28 июля ЛЦ-127 подошел к Северной Земле. «Почти вся Северная Земля — в тумане, от которого

свободны лишь небольшие участки. На этих участках производится аэрофотосъемка, хотя у работников съемки нет уверенности в том, что съемка даст положительные результаты — так писал позднее участник полета Ф. Ассберг *. И дальше в той же статье он отмечал: «В силу сплошных туманов мы не обнаружили группы Ушакова — Урванцева и тем самым не могли выполнить возложенную на нас задачу» **. Это утверждение расходится с нашими метеорологическими наблюдениями на главной базе экспедиции, где в день полета тумана не было и наблюдалась облачность только среднего яруса, а видимость составляла 10—15 километров. Но, как говорят: «Сверху видней».

После примерно шестичасового пребывания в районе архипелага дирижабль закончил свой полет на Северную Землю и, пройдя над проливом Вилькицкого, проследовал вдоль Таймырского полуострова до острова Диксон. Дальше он пересек Карское море, прошел с аэрофотосъемкой вдоль восточного берега Новой Земли, через пролив Маточкин Шар вышел в Баренцево море и затем без захода в Ленинград возвратился в Берлин.

За время полета рация ЛЦ-127 связи с полярными станциями не имела. Как сообщалось, местные помехи от шестидесяти свечей зажигания — пяти авиационных моторов — создавали постоянную шумовую завесу, которая лишала возможности обнаружить работу коротковолновых станций.

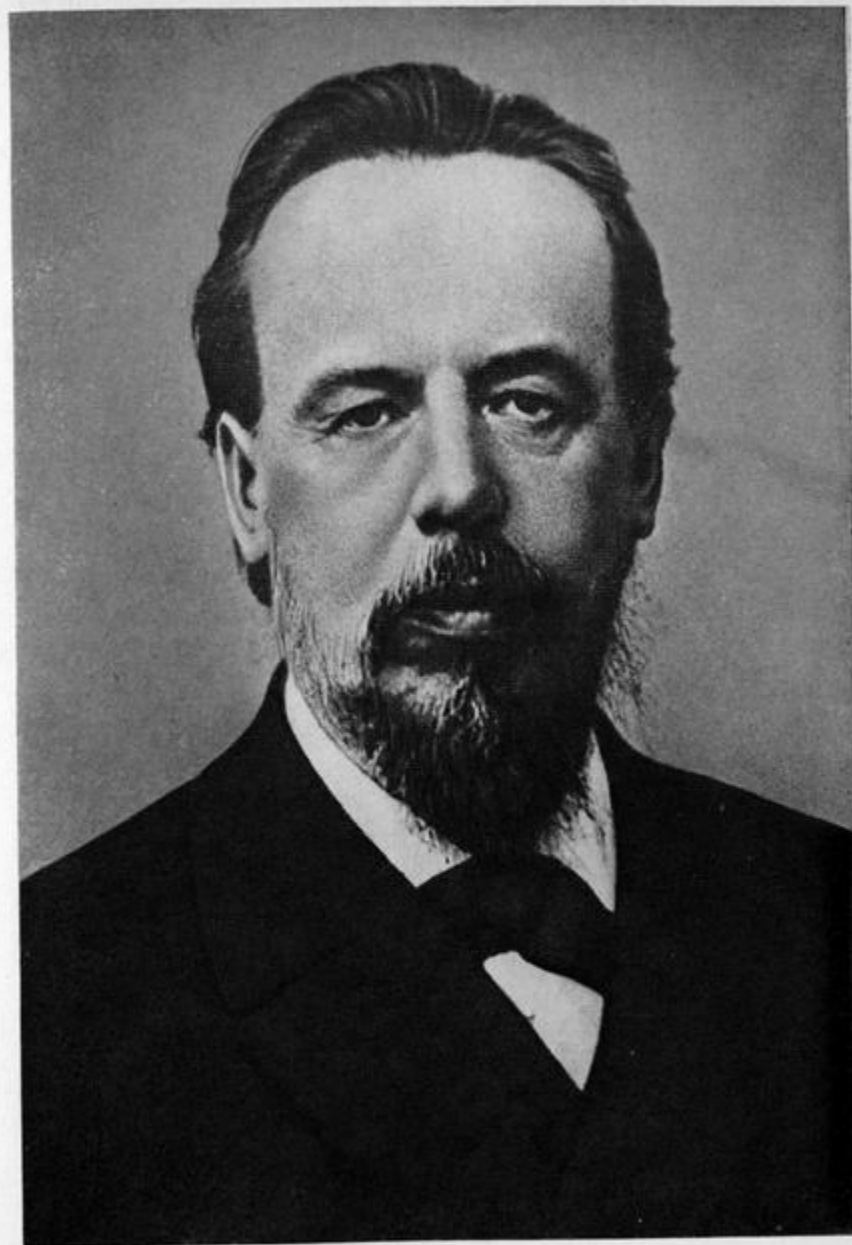
В полете дирижабль «Граф Цеппелин» с момента вылета из Ленинграда до возвращения в Берлин пробыл 106 часов с минутами и прошел за это время 13 200 километров. Цифры впечатляющие.

Для будущих работ нашей экспедиции необходимо было знать, удалось ли выполнить и в каких именно районах аэрофотосъемку Северной Земли. На протяжении года Ушаков неоднократно запрашивал об этом Арктический институт, но ответа не получил. Впоследствии выяснилось, что сотрудники института этих данных не имели. Материалы аэрофотосъемки Советскому Союзу не были представлены. Они остались в сейфах германского рейха и через два года оказались в распоряжении фашистского правительства Германии. Вопреки широковетательной рекламе «Аэроарктик» полет на дирижабле «Граф Цеппелин» был использован не столько в научном плане, сколько в целях военной разведки малоизвестных районов Советской Арктики ***.

* «Воздушные пути Севера», с. 80.

** Предполагалось, что дирижабль приземлится на острове Домашний и доставит почту и посылки.

*** «История открытия и освоения Северного морского пути». Л., 1969, т. IV, с. 491—493, 503—504.

А. С. Попов — изобретатель радио

ти у самого дома, куда она набивалась, спасаясь от преследования белух.

Такое большое скопление белух было в невидаль даже Журавлеву. Мне, как и остальным, раньше вообще не приходилось их видеть.

К сентябрю мы основательно пополнили запасы корма для собак. На нашем столе появилось новое блюдо — нежнейший студень, приготовленный из ластов и хвоста белухи. В охотку прекрасно шла и жареная сайка, похожая по вкусу на копчущку...

30 августа мы отмечали годовщину пребывания на Северной Земле. Этот день ознаменовался бурным событием. Находясь в радиорубке, я слушал неизвестную слабую радиостанцию, которая передавала сообщения о Земле Санникова. Рядом на кухне Журавлев воевал с посудой. Плохо разбирая передачу, я крикнул ему:

— Сергей, тихо! Не греми! Землю Санникова открыли!

Мое неосторожное восклицание послужило сигналом полундры. Журавлев с ходу стал настоятельно просить Ушакова выделить ему собак для выезда на материк, чтобы организовать там артель для добычи на Земле Санникова... мамонтов!

Эта неизвестная земля больше столетия интриговала ученых и полярников. О ней слагались легенды, а академик В. А. Обручев написал занимательный научно-фантастический роман «Земля Санникова». В книге описывается Земля, затерянная в высоких широтах Ледовитого океана, с действующими вулканами, аномально-мягким климатом и с доисторическими животными.

На самом деле Я. Санников видел три земли к северу от Новосибирских островов. На первой карте этих островов, составленной в 1811 году, показано две земли, увиденные Санниковым *. В 1881 году экспедицией Д. Де-Лонга были открыты острова Беннета и Генриетты. Когда их нанесли на карту, то оказалось, что они расположены именно там, где когда-то видел земли Я. Санников **. Третью Землю Санникова (не нанесенную на карту 1811 года), а возможно, скопление огромных айсбергов, принимаемых за сушу, видели впоследствии и другие путешественники. Перелеты больших стай птиц в сторону неизвестной Земли и другие косвенные признаки также свидетельствовали о ее существовании. Известный полярный исследователь Эдуард Васильевич Толль, ранее видевший эту Землю с Новосибирских островов, в 1901—1902 годах попытался ее исследовать на шхуне «Заря». Но экспедицию преследовали неудачи, а сам Толль погиб.

* В. Пасецкий. Находки, которые открывают тайны. М., 1964, с. 54.

** А. Григорьев. Земля Санникова. — «Известия Русского географического общества», 1832, вып. 4, т. 18, с. 267.

В тот день, 30 августа, в нашем доме царил возбуждение, шли дебаты, велись расчеты. К вечеру была подготовлена радиограмма, в которой мы просили после завершения работ на Северной Земле направить нашу четверку на Землю Санникова для ее исследования.

Вскоре мы узнали, что предположения об открытии Земли Санникова необоснованны. Легенды же об этой Земле существовали еще многие годы.

Каждый в нашей четверке был неисправимым мечтателем. Нам мало было походов по нехоженой Земле, путешествий на коротких волнах в эфире. Мы все любили отправляться «попутешествовать», лежа на койках. В нашей кают-компании для этого были все условия: по правой стене комнаты двухъярусная койка Журавлева и моя, по левой — Ушакова и Урванцева. Можно было вполголоса беседовать, а вытянув руку, передать товарищу через проход коробок спичек или книгу, открытую на интересной странице.

Путешествуя в будущее, мы не строили воздушных замков, наши мечты и планы были рассчитаны на их претворение в жизнь. Для Ушакова любимой темой были организация плаваний по Северному морскому пути, высокоширотные экспедиции и даже полеты на аэростатах для исследования воздушных течений в Арктике. Урванцев и наяву, и в мечтах не расставался с любимой его сердцу геологией Таймырского полуострова и Северной Земли, с мыслями о добыче полезных ископаемых в Норильске и на нашем архипелаге. Журавлев строил планы промысла морского зверя на Таймыре. Мне же и во сне снилась бесперебойная радиосвязь с Большой землей, мощные радиоцентры в Арктике с лесом мачт и антеннами, не меньшими, чем у моей первой любви — Царскосельской радиостанции.

Нам повезло: мы жили в Советской стране, большинство наших планов были осуществлены, и даже раньше, чем мы предполагали.

ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА

День у североземельцев. Времена года на 80-м градусе северной широты

Четверг, 31 декабря. В канун нового, 1932 года выдалась ясная тихая погода с умеренным морозом — минус 36°C.

Недавно со всеми ритуалами язычников — при свете костров и факелов — мы отметили день зимнего солнцестояния. — 22 декабря. «Солнце на лето, зима на мороз» — так говорят в средней полосе страны, а на Северной Земле стояла глубокая полярная ночь, и до восхода солнца оставалось еще два месяца. Но полярники на любой широте отмечают день солнцеворота, предвещающий конец полярной ночи и возвращение в Арктику долгожданного солнца.

Наши вахтенные журналы свидетельствовали, что в прошедшем году было 365 дней, это же подтверждал и календарь. Но на 80-м градусе северной широты природа не балует сменами дня и ночи. Нам за год была отпущена лишь треть нормы: 120 дней и столько же ночей. Правда, одна ночь и один день в году были удлинненными до трех тысяч часов, и тогда мы поистине не знали: ложиться спать или вставать.

Однако мы не были в обиде на судьбу. Ушедший год был до предела насыщен делами, событиями и пролетел с непостижимой стремительностью. Немало было трудного, но горечи поражений мы так ни разу и не испытали. Радио Москвы ежедневно сообщало об успехах на Магнитке и Турксибе, Днепрострое и «Шарике», на сотнях других больших и малых строек. Лозунги и темпы страны тех лет: «Даешь...», «Дальше...», «Быстрее...», «Пятилетку досрочно» — были и нашими. Три тысячи километров, отделявшие от Москвы, не создавали у нас ощущения покинутости и одиночества. Мы чувствовали себя идущими в одной шеренге со строителями первой пятилетки — мы «строили» карту Северной Земли.

С оптимизмом мы встречали и Новый год, в котором предстояло завершить исследование архипелага.

В 30-х годах дни 1 января не отмечались в календаре красным цветом, да и других праздников было немного. Мы же при нашем непрерывном цикле работ вообще не имели выходных дней и к тому же были не дюжи на торжественные церемонии. В канун Нового года особенно «шумел» Журавлев, кляня всех и вся — полярную ночь, свою судьбу и самого господ бога, который в новогоднюю ночь обрек его на «постылое» дежурство по дому и кухне. Все это, вместе взятое, видимо, и определило в нашей новогодней программе крен к пище духовной.

Георгий Алексеевич подробно проинформировал нас о плане полевых работ. На март намечались походы для организации продовольственных депо на побережье пролива Шокальского, а на апрель — выход в самый большой по протяженности маршрут на остров Большевик. Экспедиция выходила на финишную прямую, и мы несколько часов посвятили обсуждению плана. Вторую половину вечера заняла лекция Николая Николаевича на тему «Время в математике, истории и геологии». Лектор освещал тему подробно, в академическом стиле и явно не укладывался во время, отведенное для уходящего года.

Ближе к полуночи, чувствуя, что от лектора можно ждать не доброго, Журавлев стал «спускаться на тормозах» и сменил гнев на милость. На столе появились запеченный медвежий окорок, отбивные, пироги и коньяк. Пошуметь Сергей умел, а делать свое дело — тем более. Стол был сервирован безупречно.

За несколько минут до Нового года мы вышли из дома. Полярная звезда и все созвездия северного полушария горели на небосводе полным накалом. Огромная, какой она бывает только в Арктике, над нами висела холодная, серебристая луна. Мы зажгли факелы и костры, в воздух взлетели ракеты, но они были бессильны перед плотной полярной тьмой, поглотившей все окружавшее нас пространство.

Временами доносился глухой гул, рокот и стоны — где-то во тьме, вблизи косы нашего острова в море шло сжатие ледяных полей и рождались огромные торосы. Затем все затихало и наступала томительно долгая тишина (белое безмолвие — самое сильное оружие Арктики).

Безмолвие нарушил одинокий, долгий, протяжный волчий вой. Вначале негромкий на высокой ноте. Ему отозвался второй, а затем начала выть вся наша стая — из пятидесяти исполнителей, доходивших до экстаза. Казалось, что они вкладывали в этот вой всю душу, все горести и тяготы прожитой собачьей жизни: и своей, и многих поколений предков, живших в безбрежной тундре в волчьих стаях. Сергей пытался унять «вражью силу», но где там! По-

лярная ночь, висевшая в небе луна, к которой наши псы были равнодушны, располагали к излиянию чувств.

Проходило 10—15 минут, вой обрывался на полноте, и вновь наступало ледяное безмолвие. А затем все повторялось: стоны и скрежет льдов, безмолвие и щемящий душу вой.

Отметив Новый год по местному времени, пять часов спустя мы встретили его вместе с москвичами и ленинградцами. А в семь утра в эфир полетела первая метеосводка нового, 1932 года. Начался наш следующий рабочий год.

Даже всегда кочующие по Северной Земле Ушаков и Журавлев в январскую темень того далекого года ограничивались лишь кратковременными поездками на ближайшие острова. Возможность застать всю североземельскую четверку в сборе и провести день на Домашнем предоставлялась очень редко. В новогоднюю ночь каждый из нас, смеясь, представлял, какое впечатление произвели бы мы, проводившие полтора года в одиночестве, в отрыве от цивилизации, на человека с Большой земли, если бы ему удалось взглянуть со стороны на нас и нашу базу. Не будем упускать случая и предоставим возможность фантастическим невидимкам осуществить и достоверно описать такой сказочный январский визит. Итак, слово невидимкам.

Наиболее трудным оказалось разыскать в Карском море крохотный островок североземельцев. После долгого пути во тьме, в хаосе торосов и после переправ через бесконечные трещины и разводья мы ступили на галечную отмель. Нам показалось, что она была даже на несколько ступенек ниже поверхности льда, покрывавшего море.

На маленьком пятачке стояло 5 или 6 мачт, опутанных паутиной заиндевших проводов. Среди антенного поля мы с изумлением заметили белых медведей, идущих гуськом, след в след. Прошло немало времени, пока мы поняли ошибку. Перед нами были всего только шкуры медведей, развешанные на стальном лесе для просушки. Поземка и легкий ветер, раскачивавший трофеи, создавали иллюзию их движения.

Несомненно, мы были на территории главной базы Североземельской экспедиции, но еще долго пришлось искать домик зимовщиков. Исколесив косу вдоль и поперек, мы наконец наткнулись на торчащий из снега странный предмет. Им оказалась дымовая кирпичная труба, а рядом с ней отмеченный вешками люк, ведущий в глубокий снежный туннель, похожий на логово зверя. Дальше можно было ждать встречи с одичавшими, потерявшими человеческий облик хозяевами берлоги. В те далекие годы жизнь на уединенных зимовках порой бывала насыщена драматическими событиями.

По снежным ступеням спускаемся все ниже. Решаемся и откры-

ваем дверь. Мы оказываемся в большом холодном тамбуре, обитом тесовыми досками, еще не потерявшими своей свежести. Пока ничто не походило на берлогу. В глаза бросается щит с оружием. Нарезка висящих на нем карабинов зеркальная, затворы пригнаны, оружие и при низкой температуре действует безотказно. Похоже, что хозяева любят оружие и знают в нем толк. В глубине тамбура — охотничьи снасти и столярный верстак, наковальня и кузнечный инструмент, вдоль стен — огромные лари. В одном — добрый запас мороженой медвежатины. Второй — для хранения недельного запаса снега и льда. Сегодня он полон — значит, дежурит по дому запасливый Журавлев или пунктуальный Урванцев. В дежурство Ходова бывало, что ларь пустовал. Тогда, махнув рукой, Журавлев ворчал: «Молодо-зелено».

Дверь в дом открываем, ухватившись за огромные моржовые клыки. Хозяева их закрепили вместо дверных ручек. Не очень удобно, но оригинально. Мы оказываемся в чистенькой, уютной кухоньке. Здесь изумительный порядок и бесподобный аромат жареного. Оглядываясь в надежде увидеть хлопотливую обаятельную хозяйку. Но ее нет, наверное, она на минутку выбежала.

Просовываем головы в дверь налево — там, похожая на аквариум, радиорубка. Она до отказа набита аппаратурой, на пультах мигают зеленые и оранжевые огоньки. Спинной к нам на стуле на корточках сидит вихрастый парень с наушниками на голове. Наверное, мы видим спину радиста Ходова. По рассказам, это его любимая поза в случаях, когда ему в голову приходят мысли о схемах новых супераппаратов или когда он слушает слабые сигналы сверхдалекой радиостанции. Прикрываем дверь, зная, что в этот момент отвлечь радиста (а тем более Ходова!) от его занятия не может никто.

Войдя в кают-компанию, замираем в изумлении. Логово зверя, которое мы ожидали увидеть, по комфорту не уступало каюте морского лайнера. Правда, немного тесновато, чрезвычайно много книг и приборов: хронометры, барометры, самописцы, теодолиты, фото- и кинокамеры. Но это не пыльное хранилище. В каюте очень уютно, и во всем чувствуется рука заботливой хозяйки. Мы готовы принести ей извинение за наш незванный визит, но ее и здесь не видно.

У занесенного снегом окна за письменным столом кто-то склонился над картой Таймырского полуострова. Его лицо освещает свет настольной лампы с зеленым абажуром. В руках циркуль и линейка, человек погружен в навигационные расчеты и очень сосредоточен. Поднявшись, он снял левой рукой пенсне, потер глаза, уставшие от долгого напряжения, легкой походкой подошел к стеллажу с книгами. Теперь его легко узнать — это Георгий Алексеевич Ушаков. Он явно доволен. Реальность его плана санного

похода с Северной Земли через пролив Вилькицкого по Таймыру до Диксона и дальше по Енисею подтвердил только что выполненный расчет. Выбран маршрут, время похода, вес путевого снаряжения. Если в навигацию ледокол не пробьется к Домашнему, экспедиция весной 1933 года, как это и предусматривалось, покинет Северную Землю на собаках.

Царившую в доме тишину внезапно нарушил лай и визг собак. Дверь распахнулась, и в каюту ввалился мохнатый великан в совике* и чертоходах**.

Ни к кому не обращаясь, он с порога во весь голос объявил: — У, леший, сдохнуть в пору, — и бросил на пол добытого пса.

— Что случилось, Сергей? — спросил Ушаков, поднимаясь навстречу Журавлеву.

— Да, чертова сторонюшка! По часам полдень, а тьма крошечная: как слепой, на четвереньках в снегу капкан шарил.

Без пятнадцати минут два из магнитного павильона возвратился Николай Николаевич Урванцев. Протерев запотевшие стекла очков и заметив пса, валявшегося на полу, он возмущенно произнес:

— Как дежурный и в какой-то степени врач, я категорически возражаю. Да, категорически!

Слово дежурного — закон для всех на зимовке, но промышленник был расстроен и в сердцах лишь отшвырнул ногой свою добычу в другую сторону комнаты.

С неистижимой для любой стряпухи быстротой дежуривший в тот день Урванцев управлялся в кухне. Огромный ломоть нерпичьего сала, брошенный в топку, сделал свое дело; обед разогрет и ровно в 14. 00 подан на стол: суп «Мечта», жаркое из медвежатины «а ля Урванцев» из равных по весу частей мяса, сушеного лука и красного перца, а на десерт горячий, с плиты, крушон «Выви глаз» из сушеных яблок и тройной дозы калистрата***.

В отношениях четверки чувствовалась спайка и взаимовыручка в большом и малом. И на этот раз Ходов встал из-за стола, принес из тамбура брусок снега величиной с кирпич, молча (он был немногословен) опустил его в большую суповую миску с горячим крушоном. Все восприняли это как должное, а дежурный поблагодарил:

* Совик — меховая одежда длинного покроя с капюшоном, сшитая из меха взрослого оленя белой масти. Надевалась в сильные морозы мехом наружу, на меховую малицу.

** Чертоходы — обувь 50—60-го размера из шкуры белого медведя шерстью наружу. Носились в большие морозы поверх чулок из меха и оленьих пимов.

*** Калистрат — так мы называли экстракт из клюквы, по крепости близкий к «царской водке».

— Спасибо, Василий Васильевич.

Кстати, мы заметили, что Ходов, уехавший с материка Васей, в Арктике вскоре стал Василием Васильевичем. Впрочем, Журавлев говорил короче: «Ходов, Урванцев» — и лишь обращаясь к Ушакову, добавлял еще слово «товарищ». Чинопочитание было абсолютно несвойственно охотнику, и в отношении к начальнику экспедиции им руководили иные чувства.

За обедом оживленно обсуждали возможность возвращения домой по Таймыру. Журавлев подал команду «Сушить ложки!», и все столпились у карты. Похоже, четверка считала это лучшим и единственно возможным путем на материк. Их вроде бы даже не устраивало возвращение на «Русанове» в предстоящую навигацию. Впрочем, один из них, как нам показалось, знал, что Таймыр имел против «Русанова» не больше одного шанса из тысячи. Но он должен был предусмотреть и такой вариант и быть к нему готовым. Немалое значение он, видимо, придавал и психологическому настрою своей группы, зная, что ждать и догонять всегда неприятно, а сидеть на чемаданах и выжидать у моря прихода смены в Арктике — самое удручающее времяпрепровождение.

В разгар полярной ночи напряжение работ несколько спало, и было интересно, чем могут быть заняты североземельцы в час послеобеденного отдыха? Послушают любимую грамзапись или сыграют в преферанс? Но четверка подобралась из числа картоненавистников, а патефона у них не было — он считался в те годы редкостью и относился к предметам роскоши. Изредка, в те дни, когда они отсиживались в непогоду в походной палатке, Ушаков с Журавлевым «забивали козла». Иногда на Домашнем играли в шахматы. В основном же и в полярную ночь четверку больше влекла работа. Вот и во время той встречи Урванцев, сложив столовую посуду в ведро с горячей водой, заспешил в магнитный павильон. Там его ждали таблицы логарифмов и астрономические ежегодники, за которыми он отдыхал, по его словам, и душой и телом. Ушаков занялся приведением в порядок гербария с ботаническими сборами прошлого года. Журавлев, быстро расправившись с песком, втащил в дом шкуру огромного медведя и с артистизмом начал «брить» с нее сало. Ходов, разложив на обеденном столе инструменты и детали, удобно примостившись на спинке стула, погрузился в мир радиосхем. Оба явно злоупотребляли доверием отлучившегося дежурного.

За делом они перекидывались замечаниями, порой острыми шутками и наконец затеяли горячую дискуссию на тему «Полярные день и ночь». Журавлев и Урванцев были «жаворонками» и терпеть не могли пору полярной ночи; Ходов же считал ее предумотрительно созданной господом богом специально для радистов.

Журавлев резко отрезал:

— Пошто тебе, парень, полярная ночь любя? Сидя у печки кастрюли гробить?

Казалось, неизбежно вспыхнет конфликт. Но радист, действительно перетаскавший с кухни и «угробивший» уже немало алюминиевых кастрюль на панели и каркасы для новых радиоприборов, отмахнувшись от охотника, обратился к Ушакову:

— Еще одну, у нас ведь останутся эмалированные!

Двумя голосами «за» — Ушакова и Урванцева — уцелевшая кастрюля была передана Ходову на совершенствование экспедиционной аппаратуры. Оставшийся в меньшинстве, Журавлев тяжело переживал «несправедливость» и еще долго бурчал:

— Вот дали волю парню, скоро всю кухню угробит, будем лаптем щи хлебать!

Ушаков заметил, что трудности адаптации к полярной ночи есть и будут, но лучше проявление своих эмоций сдерживать во все времена года.

Вскоре, забыв о дискуссии, они дружно мыли горячей водой с мылом выделанную Журавлевым шкуру. В общем задали мишке баню перед пушным аукционом на европейском рынке. Заодно были вымыты полы в каюте и в кухне.

— Санитарный носу не подточит, — объявил Журавлев, оглядывая выполненную работу. Похоже, что североземельцы были большими чистюлями и хранили чистоту и уют в доме своими силами без обаятельной хозяйки, которой среди них так и не оказалось. Они недурно выглядели, подтянутые, с обветренными лицами, чисто выбритые — в пору хоть сейчас отправиться в концертный зал.

Под вечер трое решили махнуть на Голомянный — на припай поохотиться. Предупредив Урванцева, они отправились на трех упряжках. Мы воспользовались оказией, хотя и жаль было покидать «берлогу» североземельцев.

Первой шла нарта Ушакова — флаг-штурмана экспедиции. Замыкала кортеж упряжка Журавлева — второго штурмана.

Каюр Журавлев — он представлялся нам в скромной роли извозчика экспедиции. Оказывается, между каюром и извозчиком большая разница! Последний сидит на облукке и, управляя рысакон, покрикивает на прохожих: «Э-гэй, поберегись!» Каюру прохожие не встречаются, и часто ему в поте лица наравне с собаками нужно тянуть нарту, и отнюдь не по брусчатой мостовой. Лишь под горку или на ровном насте каюр присядет на сани, закурит трубку, а собаки километр-другой пронесут его с ветерком...

К тому же Журавлев был в экспедиции «и швец и жнец и на дуде игрец»: печник и плотник, кузнец и такелажник, закройщик и механик по точным приборам — всего не перечислить. Палатки и паруса, одежда и обувь кроились, а большей частью и шились

им из шкур и меха зверя, выделанных его же руками. Он не только помогал беспокойному радисту ставить и не раз переставлять мачты, но и обучил его такелажному и кузнечному делу. Нарты, легкие шлюпки и весла, рыболовецкие снасти, багры и охотничьи ножи с рукоятками, украшенными затейливой инкрустацией, тоже были изделиями его рук. Наладка швейной машины, ремонт будильников и другой «механики» были опять же по его части. Если оказалось бы необходимым подковать «аглицкую» блоху, он бы сделал это, наверное, не хуже лесковского левши, сказав: «Если нужно, почто не подковать».

Немалую часть «хлеба насущного» — мяса для пятидесяти экспедиционных едоков — тоже добывал Журавлев. Во время топографической съемки он сновал, как челнок: «Сергей, на мысок азимут 315, проверь расстояние. Сколько до устья ручья в лагуне?» Туда-сюда, и так — многие месяцы.

Седовцы, высаживая ушаковскую четверку на одиноком островке, корили себя за то, что не выбрали для них лучшего места. Покидая североземельцев, мы поняли, что они его прекрасно обжили и удачно назвали таким уютным именем — Домашний.

Островок оправдал свое название. Он стал родным домом для четверки. Здесь родилась и окрепла их дружба. Сюда после многомесячных отлучек возвращались они с победой, здесь вели наблюдения по многим разделам науки и обрабатывали материалы исследований. Именно здесь Северная Земля впервые предстала взору людей, положенная на белый лист ватмана.

А радист экспедиции вообще считал Домашний не островом, а белоснежным кораблем с алыми парусами из повести Александра Грина. Вскроются льды, и он поведет свой «Секрет» к берегам Невы, где будет ждать его Ассоль. Капитану Грею, как известно, было нелегко подобрать алую ткань для парусной оснастки. А за радиста не беспокойтесь: ему поможет Арктика! Взойдет незаходящее солнце, и тогда заснеженные просторы и волнистые облака оденутся в изумительно алый цвет, превосходящий ткани, созданные лучшими мастерами. Этим и закончим нашу сказку.

...В январе и феврале на Домашнем шла напряженная подготовка к полевым работам. Готовили приборы, снаряжение. Перешивали меховую одежду, обувь и спальные мешки. Изготовили новые нарты, упряжь и палатки. Одновременно шла кропотливая обработка материалов исследований за прошедший год.

Первыми были обработаны данные метеорологических наблюдений. Они показали, что климат района островов Каменева, прилегающих к Северной Земле, типично полярный, морской, с умеренно холодными температурами зимой и низкими летом. Средняя годовая температура за 1931 год оказалась равной минус 13,0°С.

Средняя температура воздуха по месяцам составила:

января — минус 33,1	июля — плюс 0,9
февраля — минус 24,5	августа — плюс 0,5
марта — минус 30,5	сентября — минус 1,6
апреля — минус 24,2	октября — минус 6,3
мая — минус 8,3	ноября — минус 12,8
июня — минус 1,3	декабря — минус 22,2

Годичный цикл наблюдений, естественно, был недостаточен для полной характеристики климата, но общее представление давал.

Удачным для метеорологических наблюдений оказалось расположение станции на низменном острове, в открытом море. Это исключало воздействие горных массивов, ледниковых щитов, влияние которых весьма значительно, что подтвердили параллельные наблюдения во время санных маршрутов. На самой Северной Земле климат отличается от Домашнего более резкими колебаниями температуры и ветрами большей силы. Отмечалась значительная разница и по другим элементам погоды.

Три времени года — весна, лето и осень для Северной Земли оказались понятиями чисто условными. Без малого все 12 месяцев там царствует зима. В весенние — март, апрель и май — в архипелаге лютуют морозы и пурга. И все же это лучшие месяцы года — весна света, буйство света, океан света. Это время полевых работ и дальних санных походов. Снежный наст на равнинах и морских льдах, на склонах гор искрится в лучах незаходящего солнца. Лицо полярника покрывает крымский загар. Появляется в мае и первая вестница весны — полярная птаха — пуночка.

В июле, на «макушке» лета, средняя температура воздуха чуть выше нуля. Но немало дней и в этом месяце с зарядами тумана, снега и крупы. Североземельский июль походит на пору глубокой, хмурой московской осени. И все же это пусть скупое и короткое, но лето для множества перелетных птиц, морского зверя, песка, лемминга и для всего населения далекой Земли.

На южных склонах появляются проталины. На них совершается таинство жизни. На редких куртинках в скалистом грунте, часто под защитой тончайшей ледяной корочки, цветут крохотные золотистые маки и лютики, голубые незабудки. Беззащитные, они смотрят на вас доверчиво и с интересом, словно глаза малышей, познающих удивительный мир жизни.

Пройдет время, и они позовут вас. Вы вернетесь к ним в Арктику, и вас не удержит вся роскошь и буйство цветения субтропиков Черноморского побережья...

РОЖДЕНИЕ КАРТЫ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Исследование острова Большевик. Открытие острова Пионер и пролива Юнгштурм. Итоги двух лет работы экспедиции

Наступил март 1932 года. До скоротечного североземельского лета было еще далеко. Зима, с восходом солнца потерявшая свою союзницу — полярную ночь, совсем осатанела. Лютые морозы сменялись ураганными ветрами.

В новом году Ушаков с Журавлевым открыли полевой сезон 3 марта походом на остров Октябрьской Революции. Там, на мысе Кржижановского, они заложили продовольственное депо. 10 марта, через день после возвращения, Ушаков с Журавлевым вышли во второй маршрут, на этот раз на остров Большевик, для доставки продовольствия на мыс Неупокоева.

Начало сезона не баловало погодой; лица путников покрывали черные пятна — следы ледяного 50-градусного «поцелуя» Арктики. День прибывал, но еще долгими были пуржливые ночи, когда в темноте собаки упирались в невидимые препятствия, и нарты оставались. Ощупав преграду и найдя в нагромождении торосов проход, путники, петляя, двигались дальше. Были дни, когда за сутки они с трудом одолевали 3—4 километра.

Ушаков и его товарищ прокладывали первый след через пролив Шокальского, который еще не пересекал ни один корабль и ни один человек. На карте пока не было и самого пролива.

Выбравшись из одного ледового лабиринта, люди попадали в другой. Встречный ветер и снег слепили глаза, на лицах мгновенно нарастала ледяная маска. Идущих в упряжке собак порой не было видно, их можно было только нащупать хвостом. Путь шел через нескончаемые торосы и глубокий бродячий снег между ними. Вытащив из снежной ямы собак и тяжело груженные нарты, путешественники вскоре опять оказывались в западне.

От усталости и напряжения нестерпимо болела спина, сводило руки и ноги. меховая одежда промокла изнутри от пота, а снару-

жи — от снежной пудры. Она проникала всюду: за пазуху и в капюшон малицы. Путники не замерзли и остались живы только потому, что экономили на всем, кроме отдыха, и непрерывно двигались. Погода задержала выход в маршрут, работа экспедиции отставала от графика, и сейчас нужно было наверстывать упущенное каждый день, час и минуту. Вперед, скорее вперед!

Походы в Арктике были стихией Ушакова и Журавлева: они приносили им удовлетворение, утверждали их силу и достоинство. Журавлев ликовал — он вырывался из «осточертевших» дежурств на кухне и добирался, по его словам, «до настоящей работенки». Вытягивая нарты из очередной расщелины, он в азарте чеканил:

Будет буря,
Мы поспорим
И поборемся мы с ней.

Буря не заставила себя ждать. В тот день в 8.00 температура воздуха была минус 40°C, мела поземка. Вскоре столбик спиртового термометра стал подниматься, а сила ветра нарастала с каждым часом. Анемометр показывал 29 метров в секунду. По шкале Бофорта это ураганный, 12-балльный ветер. Через два часа скорость ветра достигала 35 метров в секунду. Ураган давно перешагнул за порог «производящего опустошение». От него путников спасли сугробы снега, которые замели палатку, собак и весь лагерь.

И в без того маленькой палатке стало тесно от наметенного снега, придавившего полотнища. Зажгли примус, вскипятили воду — живительный чай согревал и придавал силы. Спали по очереди, дежурили: опасались подвижек льда; время от времени дежурный прокапывал снежный лаз и ползком, по-пластунски выбирался на поверхность в царящий там кромешный ад.

Встать было невозможно, ветер мгновенно сбивал с ног. В нескольких шагах от палатки на льду были трещины, в любую минуту они могли разойтись, и льдина с лагерьем оказалась бы вынесенной в открытое море. Определив ощупью обстановку, дежурный возвращался.

— Эх, стругает — любо-дорого! — говорил о пурге Журавлев. — Не то взбесилась, не то боится на свидание к лешему опоздать! Во, товарищ Ушаков, здорово будет: пурга стихнет, а мы на льдине, глядишь, к набережной в Архангельске причалим. Нас люди с оркестром и флагами встречают: здравствуйте, мол, дорогие полярники, с прибытием...

— В Архангельск нам еще рановато, Сергей. Есть еще на этой Земле дела, — в тон ему отвечал Ушаков.

С трудом выбравшись из своего укрытия, они откопали нарты и

подтянули их к самой палатке. Решили, что если уж придется плавать, то запас продовольствия под рукой не помешает.

Когда немного стихло и они огляделись, то увидели вблизи не только трещины, но и большие разводья и участки чистой воды. От выноса их в открытое море спасли стоявшие на мелководье, как на якоре, огромные стамухи высотой до 15 метров.

Временами судьба все же баловала путников доброй погодой и хорошим настом, по которому обрадованные собаки неслись, повизгивая от удовольствия. Тогда Ушаков и Журавлев вскакивали на нарты и, отдыхая от путевых передрыг, напевали. Собаки, не любившие понуканий, услышав песню, неслись еще быстрее. Даже самые отъявленные симулянты налегали на лямки.

На острове Большевик заметили небольшое стадо диких оленей, видимо пришедших прошлым летом через пролив по льду с Таймыра и перезимовавших в необычных для них суровых условиях архипелага. В пути добыли несколько медведей, мясо которых изрядно пополнило путевое довольствие и запасы продовольственных депо.

Из похода Ушаков и Журавлевым вернулись на Домашний в полночь 26 марта. На этом были закончены зимние маршруты для заброски последних продовольственных депо. Всего в марте Ушаков с Журавлевым за 25 суток прошли на двух упряжках по непроходимому пути 1015 километров.

Пока их не было, в нашем домике на базе стало свободнее и тише. Урванцев покинул свою тесную «магнитную» келью, где, уединясь, в тишине, он вел вычисления. Мы с ним продолжали наблюдения по программе и прибавили к ним ежедневный аэрологический зондаж. Нам удалось проследить полет одного шара-пилота до рекордной высоты — 41,04 километра. Продолжали мы готовить и все необходимое для генерального маршрута.

Николай Николаевич форсировал обработку собранных геологических коллекций; в Ленинград, в Геологический комитет для В. А. Обручева ушла сводка, написанная на 40 страницах, с общенными данными по геологии архипелага. Затем он закончил требующие адского терпения вычисления астрономических пунктов. На каждом из них выполнялось больше четырех наблюдений, состоявших из восьми наведений теодолита на светило. По каждому наведению производилась уйма вычислений, а астрономических пунктов был не один десяток. Урванцев начинал заговариваться, но с утра до поздней ночи продолжал щелкать как семечки семизначные логарифмы.

Затем началось таинство рождения карты Северной Земли. На ватмане появилась географическая сетка, и на нее с полевых планшетов переносились контуры Земли, привязанные к астрономическим пунктам. Николай Николаевич вычерчивал параллельно

две карты: одну — в стереографической проекции, другую — в меркаторской. Я помогал, чем мог: ходил на цыпочках и старался не раскрывать рта.

«Торосы и расщелины» первого полугодия моей работы в эфире были преодолены. Радиосвязь работала вполне удовлетворительно, не столько в результате изменения солнечной активности и улучшения ионосферных условий, сколько из-за «набитых шишек» — приобретенного опыта связи в высоких широтах. Этому очень помогли мои графики наблюдений за прохождением коротких волн. Уже не надо было «ощупью» шарить по диапазонам и с закрытыми глазами бродить в арктическом эфире. Помогло и значительное усовершенствование радиоаппаратуры и антенн, с которыми я постоянно возился на протяжении двух лет. Это тоже в какой-то степени компенсировало крайне малую мощность нашей радиостанции.

В эфире у меня появились новые товарищи: Константин Сысолятин — радист построенной в прошлую навигацию радиостанции на мысе Желания и Николай Боровский — радист новой смены на Земле Франца-Иосифа. Сысолятин подстраховывал нас в случае каких-либо помех при связи с другими корреспондентами, а с прибытием Боровского радиостанция Земли Франца-Иосифа кроме своей «коронной», 40-метровой, волны стала работать, как ей и положено, на всех коротковолновых диапазонах, и связь с Землей Франца-Иосифа уже не вызывала затруднений. К тому же еще в конце прошлого лета с помощью Журавлева я поставил три новые мачты и на них смонтировал направленную антенну. Новая антенна «Татарипова» давала дополнительный выигрыш при радиосвязи с Землей Франца-Иосифа и мысом Желания. Правда, Журавлев ворчал и спрашивал: «Сколько можно еще делать и переделывать?»

Наши обширные отчетные радиogramмы, а также сообщения в прессу мы продолжали передавать непосредственно на материк через станции радиолюбителей-коротковолновиков, так как лимиты Убеко Севера стали еще более жесткими. Наша радиосвязь на коротких волнах с Ленинградом и Москвой хотя и была опытной, экспериментальной, но на протяжении двух лет обеспечивала значительный оперативный телеграфный обмен.

Из коротковолновых станций на материке нашими постоянными корреспондентами по-прежнему оставались операторы радиостанции ленинградского яхт-клуба, москвичи В. Е. Круглов и Н. А. Байкузов. Поражали способности Круглова в любой момент являться как из-под земли и приходить на помощь всем странствующим и путешествующим на суше и на море.

Начатые мною больше года назад наблюдения за нашими и зарубежными правительственными коротковолновыми станциями

я продолжал вести ежедневно. Графиков прохождения («температурных листов») уже накопился целый чемодан.

Для путешествий по эфиру у меня все меньше оставалось времени. С коротковолновиками всех континентов было проведено много сотен связей, а эфир все манил, и возможности новых общений не имели границ.

После возвращения из похода Ушаков подготовил несколько донесений в Москву и Ленинград. 2 апреля 1932 года была передана радиogramма в адрес С. С. Каменева:

Подготовка к полевым работам закончена. Остров Большевик достигнут после десятидневного перехода в очень неблагоприятных условиях пути.

На мысе Неупокоева сосредоточено 500 килограммов собачьего корма, что полностью обеспечивает работы на острове. На нем обнаружены: песцы, медведи, северные олени. Во время поездки добыто семь медведей.

В проливе Шокальского, а также по всему пройденному району протяжением 300 километров стоит однолетний лед, частично вскрывавшийся во второй половине зимы.

Имею извещение института о решении избрать нашу базу на острове Домашний в качестве постоянной станции. Это решение считаю ошибочным. В ноябре мною был выдвинут вопрос о постройке опорной станции для исследования архипелага на мысе Неупокоева. Сейчас, осмотрев самый мыс, настаиваю на своем предложении по следующим мотивам:

1. Станция должна стать опорной точкой продолжения полевых работ, детальных исследований на островах Большевик и Октябрьской Революции, которые возможны только в летний период, при отсутствии снежного покрова. При нахождении опорной базы на острове Домашнем вести эти работы в летний сезон невозможно.

2. Домашний не характерен во всех отношениях относительно Северной Земли в целом.

3. Работам опорной станции необходимо придать возможно большую практическую ценность, поставив в число основных задач изучение ледового режима в проливах Шокальского и Вилькицкого, имея в виду Северный морской путь.

На полевые работы предполагаю выйти вдвоем с Урванцевым на двух упряжках 10 апреля.

Ушаков

После тяжелых мартовских походов, дав длительный отдых собакам, 14 апреля Ушаков с Урванцевым на двух упряжках вышли в исследовательский маршрут на южный остров Северной Земли. По расчетам, протяженность этого пути определялась в 1100—1200 километров. От третьего участника похода Ушаков вынужден был отказаться, так как не хватало собак.

Журавлев остался на базе. Мои надежды на Сергея как на помощника в аэрологических наблюдениях не оправдались. «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит» — так оказалось и с Журавлевым. Приспособив к секундомеру зуммер для подачи сигналов времени, я стал управляться один. А мой помощник с упряжкой, собранной из престарелых инвалидов и зеленой молодежи, по неделям пропадал в нашем охотничьем уголке на острове Голомянный. Истосковавшись по людям, Журавлев изредка навещал меня, чтобы «отвести душу» — попить вместе чайку, поворчать и узнать о новостях на белом свете. Еще реже мне удавалось навещать его на часок в гости к Сергею.

Покинув базу, Ушаков и Урванцев после восьмидневного перехода ступили на остров Большевик. Легких походов у первопроходцев не бывает, не был легким и маршрут, опоясывавший южный остров Земли. Особые трудности начались на восточном побережье. Скалистый берег, покрытый крупными каменными глыбами, был непроходим. Льды в море были вскрыты, и кое-где вода подходила вплотную к берегу. Путь был трудным, приходилось идти то по свежему ненадежному льду, прогибающемуся под тяжестью нарт, то в хаосе только что образовавшихся торосов прорубать узкие проходы и переносить по ним на руках и собак, и грузы. На преодоление ста метров ушло восемь часов тяжелейшего труда. Пробившись через ледяные баррикады, путники оказались в зоне дрейфующего льда — вскрывались перемишки между льдинами, ветер тянул с берега и выносил льды в море. С трудом партия успела выбраться на отлогий берег.

Продвижение задерживали сильные туманы и многодневные метели. Это заставляло даже при благоприятных условиях двигаться до полного истощения сил у людей и собак.

23 мая маршрут вокруг острова Большевик был замкнут. В результате удалось заснять всю прибрежную зону острова и пересечь его юго-западную часть. Исследователи выяснили геологическое строение острова и степень его оледенения, изучили флору и фауну, которые оказались более богатыми, чем на центральном и северном островах архипелага.

28 мая 1932 года, закончив исследование острова Большевик, пройдя за 45 суток 1119 километров труднейшего пути, Ушаков с Урванцевым вернулись на главную базу.

Толстый путевой журнал Георгия Алексеевича был заполнен

краткими записями о температуре воздуха, атмосферном давлении, скорости ветра. На каждой странице журнала пестрела причудливая вязь очертаний береговой полосы, линий горизонталей и бесконечные цифры с номерами остановок, данные азимутов и высот, показания одометра с отсчетами пройденного расстояния. Цифры, цифры, топографические знаки и извилины береговых линий и горизонталей. На планшете — веер азимутов и засечек на группу мелких островков, примыкавших к берегу, мысы и мысочки, чередовавшиеся с заливами и маленькими кутами, речки, впадающие в море.

С тягчайших походов в пургу во тьме полярной ночи и с этих путевых планшетов начиналось создание карты нехоженой Земли, о которой специалисты-картографы многие десятилетия спустя говорили, что даже новейшие данные аэрофотосъемки не внесли в нее существенных изменений.

Топографические данные и знаки в путевом журнале изредка прерывали карандашные записи Ушакова:

6/V — 1932 г. Беспрерывная сильная метель. Между 18 и 20 часами сила ветра возросла до степени шторма. Остаемся на месте. Собакам разрубил медвежье мясо. Палатку укрепили, с наветренной стороны возвели снежную стенку. Лагерь расположен на льду, опасаясь его вскрытия. Собак не спускаю с цепи, чтобы иметь наготове в случае необходимости перейти на берег. Товарища пока не беспокою.

7/V — 1932 г. Ветер достигает скорости 20 м/сек. Опасение за состояние льда растет. Иногда чувствуются сильные толчки. Не сплю.

8/V — 1932 г. Беспрерывная метель, хотя давление и поднимается (в 21.00 показание барометра 766,6), ночью на льду показались новые трещины. Слышны сильные толчки. Лагерь удалось перенести на берег.

После трехдневного отдыха собак они вышли во второй маршрут: на север, в район юго-западной части острова Комсомолец. В результате этого похода был открыт пролив Юнгштурм, разделяющий остров Комсомолец и самостоятельный массив суши, который был назван островом Пионер.

Наступившее в начале последнего маршрута потепление заставило товарищей идти форсированным маршем. 8 июня, окончив исследование острова Пионер, они вернулись на главную базу.

На следующий после возвращения день температура поднялась выше нуля, а ночью пошел проливной дождь — начиналась рас-

ВСТРЕЧА «СИБИРЯКОВА»

Новая смена. В проливе Шокальского. На мысе Челюскин. В гостях на «Таймуре». Прощай, Северная Земля! В Архангельске

В два часа ночи 14 августа 1932 года к Домашнему подошел ледокольный пароход «А. Сибиряков», который должен был пройти Северным морским путем из Архангельска во Владивосток в одну навигацию. До этого Северным морским путем прошли лишь четыре судна, но тратили они на это по нескольку лет. Людям это стоило невероятных усилий и жертв.

Несмотря на острую нехватку времени, начальник экспедиции О. Ю. Шмидт и капитан корабля В. И. Воронин решили сделать немалый крюк, чтобы посетить нас и первыми увидеть карту Северной Земли.

На «Сибирякове» было много наших друзей. С заврадио корабля Евгением Гиршевичем и экспедиционным радистом Эрнстом Кренкем я «встретился» за двести километров от Домашнего, «аукаясь» в эфире и ведя корабль в тумане по нашему радиопеленгу.

Мы подошли к «Сибирякову» на шлюпке и провели его на рейд. Моряки приветствовали нас гудками. На мачтах корабля поднялись флаги расцвечивания, был спущен парадный трап. Нас встречали поистине с адмиральскими почестями.

У трапа на палубе великое, непривычное для нас множество народу. Улыбки, рукопожатия, крепкие объятия. Все сливается в глазах. Впереди — высокая фигура, борода и кепка Шмидта. Вот наши старые друзья — известинец Борис Громов и Муханчик — спецкор «Комсомольской правды» Леонид Муханов. Они о чем-то меня спрашивают. Невпопад отвечаю: «Очень много народу».

Переходя из рук в руки, попадаю в объятия Отто Юльевича. Встречаюсь взглядом с его необыкновенно живыми серо-голубыми глазами, все видящими, все понимающими, то немного строгими,

внимательно вдумчивыми, то молодо искрящимися, отражающими неумное движение его мыслей.

— Просто чертовски замечательно, дорогой Василий Васильевич, блестяще, родной мой, — таких два года! — говорит Шмидт, не отпуская моей руки. Его глаза полны тепла и ласки.

Стрекочут кинокамеры, щелкают фотоаппараты. Встреча была восторженной и суматошной, не все оказались в кадре. Кинорежиссер экспедиции Владимир Шнейдеров с кинооператором Марком Трояновским потребовали повторить встречу для «истории». С помятыми в объятиях боками нам пришлось спуститься обратно в шлюпку, отплыть и с лихим разворотом вновь подойти к трапу «Сибирякова». Шнейдеров «для истории» прокрутил встречу по второму разу.

Не знаю, с какого захода был схвачен нужный ракурс, сцену же той встречи мне не раз доводилось видеть, уже сидя с внуками у телевизора.

За парадной последовали доверительные встречи с друзьями и деловые, «на высшем уровне». В центре внимания была карта Северной Земли. Поход «Сибирякова» имел чрезвычайное значение: он определял перспективы развития Северного морского пути на многие годы вперед. В то же время обстановка для плавания складывалась неблагоприятная, пролив Вилькицкого был забит тяжелым льдом.

Тогда возникло предложение не терять времени на ожидание вскрытия пролива, пройти на восток не обычным, проторенным путем, а обогнув Северную Землю с севера. Руководители экспедиции О. Ю. Шмидт, В. И. Воронин и В. Ю. Визе с большим вниманием восприняли эту идею Г. А. Ушакова. Северный вариант прохода был тщательно продуман и принят.

Перед отходом «Сибирякова» командованию была вручена карта Северной Земли, предусмотрительно вычерченная Н. Н. Урванцевым в меркаторской проекции, применяемой в морской навигации. Пользуясь ею, «Сибиряков» по чистой воде, следуя вдоль берегов Северной Земли до 82° северной широты, прошел из Карского в море Лаптевых. Так впервые карта нашей экспедиции послужила практическому мореплаванию на трассе Северного морского пути — историческому проходу «Сибирякова» из Архангельска во Владивосток в одну навигацию.

...Остров Домашний в августе 1932 года стал походить на оживленную гавань. Вслед за «Сибиряковым» ее посетил «Русанов», а затем и «Таймир».

Мы заранее промерили глубины проливов вблизи базы, и Журавлев, принявший на себя лоцманские обязанности, провел и поставил на якорь «Русанова» почти под окнами нашего домика.

На нем мы должны были возвратиться в Архангельск. С ним

прибыла и наша смена: начальник Н. П. Демме, радист Г. Иойлев, метеонаблюдатель Зенков и служитель Мирович. Им предстояло вести метеорологические наблюдения на Домашнем. Исследование самой Северной Земли, то есть то, чем занималась наша экспедиция, было прервано на долгие годы. Оно возобновилось только в послевоенное время, когда была проведена аэрофотосъемка всего архипелага и широким фронтом начаты работы по его углубленному изучению и геологической разведке недр.

...Быстро шла выгрузка топлива, горючего и других грузов. Среди них под морозящим дождем сиротливо стоял привезенный из Архангельска платяной шкаф с зеркальной дверцей. Сошла на берег и начальник станции, несколько экстравагантная Нина Демме с двумя кошками в руках. Наблюдавший эту картину Журавлев только поморщился.

Прощание с Домашним было тягостным, особенно тяжелым было расставание с нашими верными собаками. Они словно чувствовали недоброе. На продубленного всеми невзгодами Сергея было больно смотреть, да и все мы выглядели не лучше. Пройти вместе тысячи километров и теперь оставить друзей! Хорошо еще, что Н. Демме согласилась значительную часть собак передать полярникам вновь организуемой станции на мысе Челюскин. Своего любимого передового — Беркута — Журавлев взял в Архангельск.

По пути к мысу Челюскин «Русанов» провел гидрологические исследования в проливе Шокальского. Он оказался чист ото льда и судоходен на всем протяжении. Это был еще один путь в море Лаптевых, открытый нашей экспедицией. На мысе Я. Свердлова мы помогали команде корабля собирать каркасно-дощатый склад для продовольственного депо.

«Русанов» трижды в разных направлениях пересек широкий пролив, а мы любовались его водами и изумительными по красоте берегами.

Мои товарищи не покидали палубы, стараясь запечатлеть в памяти места, где они в пешем походе по льдам пролива пережили водяную «феерию» 1931 года, а весной следующего едва не уплыли на льдине в открытое море.

Закончив работы в североземельских проливах, «Русанов» спустился на юг, к мысу Челюскин. Здесь, на северной оконечности Азиатского материка, предстояло построить полярную станцию, ставшую через три года крупной научной обсерваторией.

С невольным трепетом перед памятью русского первопроходца Семена Ивановича Челюскина мы сошли на берег. Два столетия назад он первым ступил на этот мыс. Его имя связано с работой Великой Северной экспедиции 1733—1743 годов, задуманной еще при жизни Петра I. По масштабу и результатам работ равной этой

экспедиции не было за всю предшествующую историю географических исследований.

Если сложить длину пути, пройденного путешественниками на собаках и пешком по суше и льдам, на ненадежных судах по ледовым морям и сибирским рекам, то по длине этот путь был бы равен нескольким виткам вокруг земного шара.

Великая Северная экспедиция положила на карту северные окраины России от Белого моря на западе до берегов Дальнего Востока. Экспедиция собрала уникальные материалы по географии и геологии, этнографии и истории огромной страны. Карты, составленные участниками экспедиции, без малого двести лет оставались единственным наставлением для мореплавателей.

Участники этой экспедиции на протяжении десяти лет вели исследование Таймыра — «страны холодного ужаса — пустыни севера», как в прошлом называли этот далекий и суровый край. Непроторенным был путь первопроходцев, и многие из них сложили там свои головы. В устье реки Оленек, восточнее Таймыра, стоит и поныне сбитый из плавника небольшой ветхий крест на могиле Василия Прончищева и его верной спутницы Марии Прончищевой.

Соратник В. Прончищева — подштурман Семен Челюскин и сопровождавшие его солдаты Антон Фофанов и Андрей Горохов, выйдя на собаках из Туруханска, прошли вдоль Енисея и Хатанги. Двигаясь дальше вдоль восточного берега Таймырского полуострова, в 6 часов вечера 8 мая (старый стиль) 1742 года они достигли крайней северной оконечности Евразийского материка, заслуженно впоследствии названной мысом Челюскин.

«Сей мыс каменной, прирой, высоты средней, — записал в тот день Челюскин в путевом журнале, — около одного льда глаткие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: Восточной Северной мыс. Поставили маяк — одно бревно, которое вез с собою» *.

Первопроходцы шли на собачьих упряжках, которые везли продовольствие: сухари, крупы, мороженую рыбу и сушеную оленину, а также чум для ночевки. Топливом в пути служил плавник, собираемый по побережью.

Покинув «край земли», С. И. Челюскин по северо-западному побережью полуострова спустился до устья реки Таймыры, пересек в юго-западном направлении Таймырский полуостров и, выйдя к зимовью Дудино (ныне город Дудинка), замкнул круг. Общая протяженность санных маршрутов Челюскина по Таймыру составила 6300 километров.

Мы долго стояли на месте знака, установленного Челюскиным и его сподвижниками, отдавая дань восхищения участникам Вели-

* ЦГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 161—161 об.

кой Северной экспедиции, выполнившим титаническую работу. Так произошла встреча нашей ушаковской четверки с далеким прошлым.

После открытия мыса Челюскин пройти мимо северной оконечности Азии за два столетия пытались многие, но прошло всего семь кораблей: «Вега» и «Лена» А. Норденшельда в 1878 году, «Фрам» Ф. Нансена в 1893 году, «Заря» Э. Толля в 1901 году, «Таймыр» и «Вайгач» Б. Вилькицкого в 1914 году и «Мод» Р. Амундсена в 1918 году.

«Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий. Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света» * — такую восторженную запись сделал Норденшельд, когда корабли его экспедиции «Вега» и «Лена» достигли мыса Челюскин. Норденшельд тогда не знал, что, возможно, за два с половиной столетия до него русские люди на небольших парусных судах обогнули мыс Челюскин и прошли из Карского в море Лаптевых. Во всяком случае в 1941 году у восточных берегов Таймыра — на острове Фаддея и в заливе Симса — были обнаружены находки, свидетельствовавшие о походах русских мореходов вдоль побережья Таймырского полуострова еще в начале XVI века. В послевоенные годы в Костромском государственном архиве была обнаружена рукопись Ивана Кожевина. Ее содержание позволяет историкам высказать гипотезу о том, что русские мореходы XVI—XVII веков не только обогнули Таймыр, но и проходили на своих кочах вдоль всего побережья Ледовитого океана. Не исключено, что, пройдя вдоль Чукотки и Камчатки, они стали первыми русскими поселенцами на Охотском побережье.

Подчас история преподносит самые неожиданные сюрпризы. Если геология и гидрография побережья Таймыра и Северной Земли ныне сравнительно хорошо исследованы, то в историко-географическом плане они во многом продолжают оставаться «белым пятном».

В конце XIX и начале XX века (вопреки горячим головам) многие видные ученые и исследователи, в их числе Норденшельд и Нансен, считали, что регулярное, а тем более коммерческое плавание морями Ледовитого океана невозможно. Их в пессимизме не обвинишь. Они лишь констатировали реально существовавшие факты. В ту пору для освоения Северо-Восточного прохода еще не было объективных предпосылок: политических, экономических, технических.

Во время пребывания на мысе Челюскин нам неожиданно представилась счастливая возможность побывать на знаменитом «Тай-

мыре». На нем и «Вайгаче» в 1910—1915 годах работала гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана; прославившаяся открытием архипелага Северной Земли.

По своей организации и оснащению эту экспедицию по праву можно считать провозвестницей современных плаваний по Северному морскому пути.

В 1932 году «Таймыр» проводил гидрографические работы в Карском море и у западных берегов Северной Земли. Закончив их, он пришел на мыс Челюскин, где встал на якорь вблизи «Русанова». Алексей Модестович Лавров — участник первой и начальник нынешней экспедиции на «Таймыре» — пригласил нашу четверку на судно, где нас очень радушно встретили моряки.

В уютной кают-компании был сервирован стол, произносились тосты. В исполнении превосходных пианистов профессоров В. В. Шулейкина и В. А. Березкина звучала музыка Баха, Бетховена, Чайковского.

В богатейшей судовой библиотеке были книги Нансена, Шеклтона, Амундсена, подписанные авторами и преподнесенные в дар морякам «Таймыра». Созданию этой уникальной библиотеки помогла достойная подражания традиция таймырцев: каждый моряк возвращался из отпуска с двумя-тремя редкими книгами для судовой библиотеки.

Радужные хозяев и уютная обстановка располагали к беседе. Г. А. Ушаков рассказывал об исследованиях Северной Земли. А. М. Лавров, по-молодому кипучий, неумный и жизнерадостный, поведал о ледовых походах «Таймыра» и «Вайгача» в начале века и о подробностях открытия ими Северной Земли в 1913 году. Импульсом для той экспедиции послужили трагические события 1905 года — гибель русской эскадры у Цусимы. У истоков экспедиции стояли видные моряки и ученые, поборники освоения Северного морского пути. Д. И. Менделеев писал: «Если бы хотя бы десятая доля того, что потеряли при Цусиме, была бы затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток» *. Крупные авторитеты того времени считали вероятным, что через несколько лет после исследования трассы русские суда будут ежегодно делать переходы Ледовитым океаном во Владивосток.

После многолетних ожиданий и проволочек царское правительство приступило в 1908 году к осуществлению проекта гидрографической экспедиции для изучения условий плавания вдоль берегов Сибири. На стапелях Невского судостроительного завода в Петербурге было начато строительство ледокольных пароходов «Таймыра» и «Вайгача», рассчитанных для длительного плавания

* «Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—1888 гг.». С.-Пб., 1881, ч. I, с. 326.

* В. Ю. Визе. «Моря Советской Арктики». М.— Л., 1948, с. 197.

во льдах Арктики. Эти корабли напоминали по форме и обводам корпуса первый русский ледокол «Ермак», но водоизмещение каждого составляло только 1,2 тысячи тонн, а мощность — 1220 лошадиных сил. Мачты и реи судов были рассчитаны на парусную оснастку — дань прошлому веку, но на них уже крепились антенны судовых радиостанций. Корабли имели первоклассные приборы и оборудование для навигации и научных наблюдений, а в поход 1914 года на борт «Таймыра» был взят самолет.

Экспедицию организовали на средства Морского министерства, и осуществлялась она по плану Главного гидрографического управления, составленному с учетом всестороннего научного исследования полярных морей России. Сочетание для экспедиционных работ в Арктике двух специально построенных кораблей ледового класса, оснащенных радиостанциями, которые позволяли судам координировать свою работу — плавать как совместно, так и автономно, и, наконец, попытка использовать для ледовой разведки авиацию были новым в практике полярных исследований. Это коренным образом отличало экспедицию от всех предшествующих.

Начиная с 1913 года возглавлял экспедицию молодой, блестяще образованный офицер, участник русско-японской войны Борис Андреевич Вилькицкий. Опираясь на опыт своих помощников по экспедиции — Н. И. Евгенова, К. К. Неупокоева, А. М. Лаврова, В. В. Нилендера и других, составивших позднее плеяду наших видных гидрографов, Вилькицкий решительно ломал косные традиции в тактике ледового плавания. Отлично снаряженная и руководимая талантливыми моряками, экспедиция выполнила поставленные перед нею задачи, а замечательные географические открытия прославили русских гидрографов на весь мир.

Сопровождаемые хозяевами, мы осмотрели «Таймыр», его научные лаборатории, каюты, машинное отделение. Везде царил безупречный порядок, корабль блистал чистотой.

Мы побывали в радиорубке «Таймыра», оснащенной самой совершенной по тем временам аппаратурой. По всем каютам транслировался концерт из Москвы, одновременно молодые радисты корабля вели прием синоптической сводки из Архангельска, а через Диксон и Юшар обменивались радиogramмами.

Радиотелеграфистами далекой экспедиции 1910—1915 годов на судах «Таймыр» и «Вайгач» были первые в России моряки-связисты: в 1910—1911 годах — Ермолай Михайлов и Иван Третьяков, в 1912 году — Антон Шкордун и А. Александров, в 1913 году — Ермолай Михайлов и А. Александров, в 1914—1915 годах — Михаил Шунько и Анатолий Медведев на «Таймыре» и Иван Гопинровский и Аркадий Киреев на «Вайгаче».

Они были первыми радистами и на трассе Северного морского

пути. В те годы радиус действия маломощных искровых передатчиков «Таймыра» и «Вайгача» не превышал 300 морских миль. Уходя в арктическое плавание, моряки теряли тогда всякую связь с миром. Передать в 1913 году донесение в Петербург об открытии Северной Земли они смогли, лишь возвратясь в Берингово море и подойдя к береговой радиостанции в Ново-Марьяинске (Анадырь) на Чукотке. Зимую в 1914—1915 годах у берегов Таймыра, моряки узнали о начале первой мировой войны с опозданием на много месяцев.

И все же далекая от совершенства радиосвязь имела огромное значение для успеха той исторической экспедиции. Она впервые позволила кораблям в Арктике работать во взаимодействии. Это намного увеличило возможности экспедиции и позволило ей добиться блестящих результатов.

Надолго задержавшись на капитанском мостике и в штурманской рубке «Таймыра», мы слушали рассказ Алексея Модестовича, очевидца прошлого похода, и ясно себе представили события, происходившие здесь в первые дни сентября далекого 1913 года.

...Следуя с востока на запад, успешно закончив работу в Чукотском и в море Лаптевых, экспедиция Вилькицкого подходила к мысу Челюскин. Позади было долгое плавание — месяцы, проведенные в полном отрыве от родины. Благоприятные условия плавания на востоке давали основание для радужных надежд: обогнув мыс Челюскин, все рассчитывали, что суда пройдут на юг Карского моря, а дальше — открытая дорога на Архангельск, конец долгому плаванью, встреча с близкими. На судах царил приподнятое настроение.

Но надеждам не суждено было сбыться. В 12 милях от мыса Челюскин корабли ветрелили непреодолимую преграду — сплошные ледяные поля.

Суровым стало лицо начальника экспедиции. Возвратиться во Владивосток, не выполнив задания? Нет. И Вилькицкий принимает смелое решение — идти на север вдоль кромки льда. Там, по его убеждению, должна быть чистая вода или разреженные льды, через которые можно будет пройти на запад.

Томительно потянулось время для моряков «Таймыра» и «Вайгача». Корабли, следуя вдоль кромки льда, миля за милей поднимались на север, в район, где еще никто не плавал. Каждые 4 часа звучали судовые склянки. Сменившихся с вахты штурманов встречали в кают-компаниях с надеждой и безмолвным вопросом. Но ответы были неутешительно-однообразны: «Лед, туман». Путь на запад оставался закрытым.

2 часа утра, 3 сентября 1914 года. Заряды мороси и тумана, слева по курсу все та же кромка сплошного льда. Вилькицкий, сутками не покидавший капитанского мостика, смертельно устав-

ший, накиннув на плечи бараний тулуп, сидя, вздремнул в штурманской рубке.

4 часа утра, 3 сентября 1913 года. Пробили склянки, кончилась самая тяжелая — «собачья» вахта. Поеживаясь от холода, на мостик поднялся заступивший на вахту штурман — молодой мичман. Он задумался и был не очень внимателен.

Здесь же, на мостике, третью вахту подряд стоял и до боли в глазах всматривался вдаль неугомонный Л. М. Старокадомский — судовой врач «Таймыра», ботаник и зоолог, добровольный участник всех рекогносцировочных вылазок на острова, открытые моряками. Старокадомского мучил вопрос — загадка, на которую никто в экспедиции не мог ответить: откуда взялись огромные айсберги, уже не одну вахту встречающиеся на пути кораблей.

Айсберги не могли быть занесены в этот район с Новой Земли или Земли Франца-Иосифа. Так где же Земля, покрытая ледниками и давшая жизнь ледяным исполинам? Впереди по курсу — на севере? Но эта мысль всем казалась крамольной. В XX веке и неизвестная Земля — абсурд!

4 часа 15 минут, 3 сентября 1913 года. Светало, легко одетый и промерзший до костей Старокадомский все смотрел и смотрел вперед. Вот в просвете тумана на мгновение мелькнуло и скрылось смутное очертание высокого берега. Галлюцинация? Мираж? Нет, в разрывах тумана теперь уже совсем ясно видны гористые, покрытые снегом берега Земли. Сердце, готовое вырваться из груди, бешено стучало. Старокадомский сделал шаг к вахтенному штурману. Но тот ничего не видел, думая о чем-то своем, далеком, личном.

Доктор влетел в штурманскую рубку.

— Борис Андреевич! Впереди открылся берег! Земля!

«Ох уж этот мне беспокойный доктор», — подумал Вилькицкий и сквозь сон пробормотал:

— Довольно островов, нам нужна чистая вода — проход на запад...

Но, окончательно проснувшись, Вилькицкий, сбросив тулуп, выскакивает на мостик. Он и Старокадомский видят берег — высокие заснеженные горы неведомой Земли...

Тут же с идущего в кильватере «Вайгача» просигналили: «Видим Землю».

Вилькицкий приказал ответить:

— Следуйте за мной.

Алексей Модестович Лавров взглядом обратил наше внимание на штурманские часы:

— Вот так, Георгий Алексеевич, друзья! В это же время, день в день, ровно девятнадцать лет назад была открыта Северная Зем-

ля. Вы ее исследовали и положили на карту и навсегда закрепили за нашей Родиной...

Мы еще несколько часов оставались на борту корабля и с сожалением распрощались с гостеприимными моряками. Вскоре «Таймыр», украшенный флагами, обменявшись протяжными прощальными гудками с «Русановым», вышел на юг Карского моря в Енисейский залив.

В дни стоянки двух ледокольных транспортов на мыс Челюскин приземлился гидросамолет ледовой разведки Н-2 летчика А. Д. Алексеева. Это был первый самолет, достигший северного побережья Таймырского полуострова. Больше того, экипаж Алексеева совершил с мыса Челюскин полет на Северную Землю. В 1932 году это событие воспринималось как сказка.

На Челюскине мы были заняты не только визитами и встречей с прошлым, но и по 16 часов в сутки помогали строить полярную станцию.

С Алексеем Коробко, механиком станции, я работал штурвальным на катере. Мы буксировали от «Русанова» карбасы, груженные строительными материалами. Ледокол стоял на рейде в километре от берега. Море было беспокойным, штормило. Наш кавасаки походил на старую галошу, мы едва успевали вычерпывать воду. В довершение всего слабенький нефтяной движок заливало волной, мотор глох — нас сносило на камни. Проклиная погоду, движок и кавасаки, мы с Алексеем, сняв брезентовые робы и прикрывая ими мотор, разогревали паяльными лампами запальный шар, возвращая к жизни посудину.

Стройка росла — уже подводили под крышу жилой дом и здание радиостанции. Начали собирать баньку и склад.

Во время перекура я нашел на берегу наших. Георгий Алексеевич отдыхал на мысочке, а Журавлев, не расстававшийся со своей подзорной трубой, шарил по горизонту в надежде увидеть зверя.

— У, леший! Смотри, ребята, вон она, наша Северная! — воскликнул Сергей, передавая Ушакову свой «всевидающий телескоп».

На горизонте, приподнятые рефракцией, как на ладони были видны залитые солнцем далекие берега красавицы Северной Земли.

Это была последняя встреча со ставшей для нас родной и незабываемой Северной Землей. Такое случается один раз в 200 лет! Семен Челюскин, первым побывавший на «крае земли», а за ним проходившие там экспедиции Норденшельда, Толля и Нансена Северной Земли не видели, а Сергей Журавлев своим цепким взглядом усмотрел ее, лежащую на той стороне пролива Бориса Вилькицкого. Что это? Случайность, ирония судьбы, счастье? Вопрос уже не имел значения — Северная Земля теперь была нашей, советской.

Полярная станция мыса Челюскин вступила в строй. «Русанов», закончив работы, 11 сентября вышел в море. По пути мы побывали на Новой Земле, где помогали строить новую полярную станцию в знакомой нам Русской Гавани.

24 сентября «Русанов» прибыл в Архангельск. Там пришлось расстаться с Сергеем Прокопьевичем Журавлевым. День отъезда в Ленинград был одним из самых тяжелых в моей жизни. Поезд медленно тронулся, а Журавлев и с ним верный Беркут стояли на платформе...

Больше с Сергеем Прокопьевичем мне не довелось встретиться.

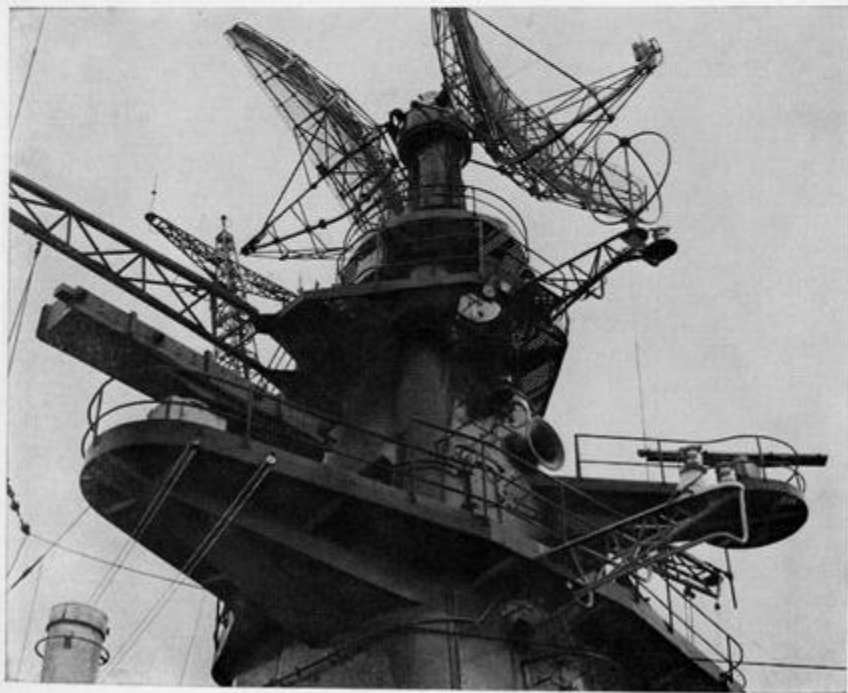

Урванцев и Журавлев
на Домашнем

Ледокол «Сибирь» готовится к выходу в Ледовитый океан

«Глаза» и «уши» атомохода «Арктика»

ДОМА, В ЛЕНИНГРАДЕ

Возвращение 7 Ноября 1932 года на Красной площади Москвы

Ленинград за годы нашего отсутствия сильно изменился и в чем-то остался прежним. Досрочно завершалось выполнение первого пятилетнего плана страны, и этому подчинялись дела, настрои и мысли ленинградцев. Промышленность выпускала множество новых машин, станков, приборов. В центре города появились новые техникумы, институты. С Невского исчезли остатки изповской накин: маленькие магазинчики, фланирующая публика, лихачи. Витрины книжных магазинов пестрели новыми книгами, афиши кино и театров сообщали о новых фильмах и пьесах.

В газетах печатались сообщения о событиях, которые еще несколько лет назад показались бы фантастическими: уже давали чугуи две домны Магнитки — по тому времени гигантские по размеру, работал на пятилетку Днепрогэс, мощность его — 550 тысяч киловатт — поражала. Каждый день приносил новые известия о больших и малых событиях, о выпуске новых тракторов и радиоприемников, локомотивов, первых отечественных фотоаппаратов «ФЭД».

Более быстрым стал ритм жизни, но неизменной осталась предупредительность и корректность ленинградцев. И все же за моей спиной иногда слышалось: «Что он, с Луны свалился». Это было близким к истине — «свалился», только не с Луны, а с необитаемого острова. Жизнь полярника, возвратившегося в большой город, полна неожиданностей, острых ситуаций и конфузов. Мы совершенно отвыкли от денежного обращения, правил уличного движения и многих других атрибутов жизни большого города. В первые недели случалось, что, не рассчитавшись с официанткой, я уходил из столовой, забывал оплачивать проезд в трамвае, с невинной улыбкой без билета пытался пройти в театр и кино.

С Николаем Николаевичем мы проверили и в полном порядке

с благодарностью вернули научные приборы и инструменты, взятые напрокат в разных организациях и институтах. Сдача проходила без всяких формальностей, но порой затягивалась на многие часы. Много времени в этот первый месяц пребывания в Ленинграде у нас занимали выступления и встречи, посвященные нашей работе на Северной Земле. Интерес к экспедиции и вообще к Арктике был в те годы огромный. Мы, естественно, стремились по возможности его удовлетворить. Мы выступали у связистов — на Центральном телеграфе, в Институте связи, на заводах имени Козицкого и Кулакова. Общение с коллективами этих предприятий было крайне ценным для меня. Оно позволило в какой-то мере наверстать упущенное за два года, установить контакты с товарищами по профессии и ознакомиться с новой техникой.

Незабываемой была встреча со старыми товарищами по секции коротких волн Ленинграда. К этому времени многие коротковолновики перешли на профессиональную работу в радиопромышленность и институты. Большая группа моих товарищей работала ведущими специалистами, разработчиками и технологами в Центральной радиолaborатории Треста заводов слабого тока, Опытной радиолaborатории и в других организациях, проектировавших и разрабатывавших аппаратуру радиосвязи. Многие поступили в вузы и совмещали работу с учением, но по-прежнему оставались энтузиастами коротких волн.

На многочисленном собрании коротковолновиков Ленинграда я рассказал об Арктике, о нашей экспедиции и, естественно, о радиосвязи. Слушали меня, затаив дыхание. Закончив выступление, я услышал возгласы:

— Мы тоже хотим в Арктику!

Прошло немногим более полугода, и это желание их было удовлетворено. Очень много ленинградских коротковолновиков навсегда связали свою жизнь с Арктикой.

И наконец о личном. В Ленинграде первой меня встретила она. Не на берегу моря, как Ассоль Грина, а на перроне вокзала. Вновь, как два года назад, мы побывали в наших заветных местах: у Лебяжьей канавки и в Летнем саду. Теперь сад был в багряном убранстве осени, но в сердцах наших царила весна. Под порывами шквального ветра с моря гнулись ветви могучих деревьев, а опадающие листья застилали пушистым ковром аллею сада. Мы шли по ней к Неве. Река в противоборстве с ветром неистовствовала, ее вспенившиеся волны разбивались о парапет, а брызги заливали гранит набережной. Мы любовались борьбой воды и ветра, вспоминали строки Пушкина:

Но силой ветра от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива.

Стихи, река, порывы штормового ветра отвечали нашему настроению. Думая о жизни, мы не мечтали о тихой гавани.

В один из дней, изменив привычке, мы встретились не в радио-клубе, а в зашарпанном полутемном коридоре райсовета. В те трудные годы не было Дворцов бракосочетания и невесты, к сожалению, не надевали фату, им не подавали роскошных лимузинов. Не было и шумных свадебных пиршеств. Была карточная система. Но все это не лишало нас счастья.

Мы долго искали нужную дверь с множеством наклеенных на ней бумажек, на одной из которых значилось: «Регистрация смертей и браков». Как говорят, семи смертям не бывать, а одной не миновать — мы решились и вошли. В большой комнате, заставленной канцелярскими столами, с трудом нашли нужного нам регистратора. Он долго с недоумением и недоверием оглядывал с ног до головы молодого человека в кожаной куртке и высоких, до пояса, болотных сапогах, но после раздумья все же достал из шкафа «талмуд» для записи актов гражданского состояния.

В тот же день вечером по приглашению Ушакова мы скорым поездом выехали в Москву в свадебное путешествие. Георгий Алексеевич тепло, с большим радушием встретил нас и преподнес бесценный сюрприз: два пригласительных билета на Красную площадь.

7 Ноября 1932 года мы трое — Ушаков и чета Ходовых — были на гостевых трибунах у стен Кремля. На площади и прилегающих улицах выстроились войска, готовые к параду в честь 15-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Над зданием ГУМа огромный плакат с лозунгом «Да здравствует proletарская Революция!».

Под марш оркестров более двух часов длился парад войск. Полки пехотинцев сменяли эскадроны кавалерии, мчавшиеся с развернутыми знаменами и шашками наголо. Стремительно проносились пулеметные тачанки. Нарастал рокот моторов — появилась новая техника, в небе, низко над площадью, медленно проплыли боевые самолеты. На брусчатку площади вступили бронемашины с высокими пулеметными и орудийными башнями. Появились танки, а за ними зенитные части с установленными на автомашинах прожекторами и направленными в небо звукоуловителями с огромными вращающимися раструбами.

Вспоминались наши встречи Великого Октября в полярную ночь, там, на далекой нашей Северной Земле. На площади оркестры исполняли наши любимые североземельские:

Никто пути пройденного
У нас не отберет...
...Мы коня Буденного
Идем всегда вперед.

После парада началась праздничная демонстрация нескончаемых колонн трудящихся Москвы с морем кумачовых знамен. На плакатах и транспарантах рапорты и цифры о выполнении первой пятилетки досрочно, за четыре года. Мы были потрясены, насколько за это время изменились и выросли промышленность и мощь страны.

Вечером за праздничным столом мы вспоминали наших друзей, говорили о пережитом и пройденном. Георгий Алексеевич развернул газету «Известия» от 24 октября 1932 года, где была опубликована первая карта Северной Земли — результат работы нашей экспедиции. На карте такие знакомые названия островов: Большевик, Октябрьской Революции, Комсомолец, Пионер. В этом же номере газеты была статья председателя Арктической комиссии Совнаркома С. С. Каменева, посвященная итогам Североземельской экспедиции и значению ее работы для освоения Северного морского пути.

Г. А. Ушаков рассказал об исключительном внимании, с которым были приняты в ЦК партии и Арктической комиссии при Совете Народных Комиссаров его сообщение и отчет о работе экспедиции *.

Вспоминая о выполненной работе, мы по североземельской привычке больше думали и говорили о предстоящей. Георгий Алексеевич, полный оптимизма, делился мыслями о перспективах работы в Арктике в ближайшие годы. В этом плане его интересовали практические вопросы организации и техники радиосвязи. С живым интересом он расспрашивал о ленинградских коротковолновиках, об их работе.

Нашей встрече с Георгием Алексеевичем в дни ноябрьских праздников предшествовали добрые известия из Арктики. На западе успешно закончилась навигация в Карском море. На востоке ледорез «Ф. Литке» провел семь судов Дальневосточного флота. Они доставили на Колыму столько же груза, сколько было перевезено за девять предшествующих лет. С успехом завершили работу в навигацию 1932 года небывало большое количество морских экспедиций, организованных в связи с проведением 2-го Международного полярного года.

И наконец, известие о том, что 1 октября 1932 года ледокольный пароход «А. Сибиряков» вышел из Ледовитого океана в Берингов пролив, завершив свой исторический рейс. Северный морской путь впервые был пройден за одну навигацию, без зимовки. Поход из Архангельска вдоль берегов Сибири в Тихий океан занял

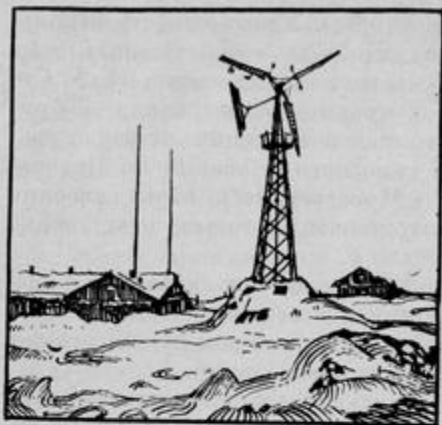
65 суток. Этим была доказана практическая возможность использования Северного морского пути для народнохозяйственных нужд и обороны страны. В телеграмме участникам экспедиции на «А. Сибирякове» руководители партии и правительства писали: «Горячий привет и поздравление участникам экспедиции, успешно решившим историческую задачу сквозного плавания по Ледовитому океану в одну навигацию...» Чувствовалось, что в освоении Северного морского пути вот-вот должен начаться качественно новый этап.

В конце 1932 года лавиной нарастали события, связанные с расширением работ по освоению Северного морского пути. Вопрос готовился в различных инстанциях с привлечением руководителей и специалистов многих наркоматов и организаций.

12 декабря в Москву возвратились участники экспедиции на «А. Сибирякове» во главе с О. Ю. Шмидтом. Через два дня на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад Отто Юльевича об экспедиции на «Сибирякове», в котором он также развернул обширную программу работ по освоению Арктики. А уже 17 декабря 1932 года правительство приняло постановление об организации Главного управления Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров СССР. На Управление Главсевморпути возлагались задания: «проложить окончательно Северный морской путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути» *.

* «Известия», 21 декабря 1932 г.

* Г. А. Ушаков и Н. Н. Урванцев были награждены орденами Ленина, а В. В. Ходов и С. П. Журавлев — орденами Трудового Красного Знамени (Прим. ред.).

ГОВОРИТ АРКТИКА, СЛУШАЙТЕ!

Первые шаги Главсевморпути. На Диксоне: шторм и выгрузка. День рождения столицы Арктики. Сказ о диксоновцах. На мысе Шмидта

Управлению Главсевморпути передавались гидрографические и научные службы, ледокольные, морские и речные суда, полярные станции и средства связи. Создавалась единая организация, наделенная большими полномочиями.

Незабываемы первые месяцы работы и обстановка, царившая в Главсевморпути. Руководство было поручено О. Ю. Шмидту. Вопросы работы и развития сети полярных станций, а также организации связи на трассе Северного морского пути были отданы в ведение Управления полярных станций и связи, которое возглавил Г. А. Ушаков, являвшийся одновременно и заместителем Шмидта. Аппарат управления состоял из его начальника — Г. А. Ушакова, секретаря и помощника по всем вопросам Нины Владимировны Бауман, а также инспектора — автора этих строк. Управление Главсевморпути еще не имело текущего счета в банке и своей печати, а О. Ю. Шмидт подписывал документы на листочках из блокнота со штампом Института по изучению Севера.

В первый год работы управления служба связи только создавалась, специальных проектных организаций и фондов на оборудование не было. Радиотехническая промышленность еще не выпускала радиостанций, отвечающих требованиям и условиям работы в Арктике. В целом складывалось сложное и даже критическое положение.

Памятуя, что «не имей ста рублей, а имей сто друзей», получив благословение руководства, я поехал в Ленинград, решив обратиться за помощью в родную секцию коротких волн. К тому времени многие мои ленинградские товарищи по секции перешли на профессиональную работу в Опытную радиолaborаторию (ОРЛ).

Контакт с радиолaborаторией был налажен быстро, удалось заключить долговременное соглашение о сотрудничестве. Чтобы

уладить этот вопрос в высших инстанциях, в Ленинград несколько раз выезжали О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков. И соглашение вступило в силу.

Если связисты-полярники, работавшие в годы первых пятилеток на арктических зимовках, радиоцентрах, ледоколах, в авиации, геологических экспедициях, могут гордиться своим участием в освоении Северного морского пути, то не в меньшей степени это относится и к создателям техники связи — сотрудникам Опытной радиолaborатории. Их усилиями, а еще чаще работой во внеурочное время создавались многочисленные модификации передатчиков для зимовщиков «Норд», гидрографических «Дельфинов», ледокольных «Лед», магистральных «Норд-2000» и радиовещательных «Диксон». Их оборудованием было оснащено более ста радиостанций в Арктике, а также первые мощные полярные радиоцентры, экспедиция И. Д. Папанина на Северный полюс, мощные линейные ледоколы, построенные на верфях Ленинграда и Николаева, многочисленные гидрографические и геологические партии.

Возглавлял коллектив ОРЛ с 1932 по 1941 год Лев Абрамович Гаухман — комсомолец 20-х годов, один из старейших наших коротковолнников.

Главным инженером был Владимир Доброжанский, начальником производства — Евгений Иванов. Среди ведущих специалистов можно назвать Андрея Ковалева, Федора Гаухмана, Николая Стромиллова, Симона Бримана и других. Все они были ярыми поклонниками коротких волн и проводили свой досуг у любительских радиостанций.

В 1933 году на трассе Северного морского пути было введено в строй много новых радиостанций, но система связи оставалась старой — цепочковая. От Уэлена до Москвы радиogramмы проходили с переприемом в шести-восьми пунктах. Это замедляло передачу, приводило к искажениям и крайне ограничивало пропускную способность линий связи. Береговые станции, перегруженные транзитным переприемом, отвлекались от своей основной работы, не могли вести постоянные наблюдения за морем и воздухом и потому не обеспечивали в должной мере безопасность кораблевождения.

Операция по спасению челюскинцев в 1934 году еще раз показала все недостатки цепочковой связи. Радиogramмы с Чукотки передавались через Уэлен — мыс Северный — мыс Челюскин — Югорский Шар — Архангельск. Но «цепочка» работала на пределе своих возможностей. Радист маленькой радиостанции на мысе Челюскин Григорьев буквально творил чудеса. По 19 часов в сутки он не уходил от аппаратуры. А Люда Шрадер, радистка Уэлена! В маленькой фактории на краю света, где кроме зимовщиков жило лишь несколько семей чукчей, в тесной комнатухе, освещенной керо-

синовой лампой, в течение двух месяцев она мужественно несла бессменную вахту.

Такая работа, конечно, не могла считаться нормальной. Все это еще раз подтверждало необходимость строительства мощных узловых радиостанций, которые бы позволили устанавливать связь на всей трассе Севморпути протяженностью около 4000 морских миль, на всех реках, впадающих в Ледовитый океан, во всех портах и промышленных районах Крайнего Севера. Необходимо было обеспечить взаимодействие ледоколов, флота, авиаразведки, метеостанций. Стояла не менее важная задача — дать населению северных окраин нашей страны средство общения с миром — радиовещание. Все это было учтено при разработке генеральной схемы развития средств связи на трассе Северного морского пути. Первым шагом в реализации этой схемы было строительство мощного радиостанции на острове Диксон.

В начале 1934 года удалось создать небольшой, но сплоченный и технически грамотный коллектив строителей будущего радиостанции, способный своими силами выполнить все работы, начиная от технических расчетов и кончая монтажом оборудования на самом Диксоне. Мне поручили руководить этим коллективом.

Подготовка к строительству одновременно велась в нескольких городах. В Игарке и в Архангельске проектировали и монтировали здания и мачты для Диксона. В столице готовили техническую документацию и вели переговоры с наркоматами и заводами о поставках оборудования и имущества вплоть до музыкальных инструментов, теплогреек и кухонных принадлежностей. Особого труда стоило получить без фондов стационарные дизель-генераторы, тракторы и вездеходы. Нам удалось прорваться в Наркомтяжпром, где нас тепло принял Серго Орджоникидзе, который дал нам не только ценные советы, но и «зеленую улицу» на заводы.

По окончании рабочего дня мы отправлялись на окраину Москвы, в район завода «Серп и молот», где арендовали складские помещения. Там концентрировалось все оборудование, материалы и имущество будущего радиостанции. Строители были и кладовщиками, и грузчиками.

Таким же образом шла подготовка и в Ленинграде. Все радиооборудование для передающего центра, включая мощные передатчики «Норд-2000» для магистральных связей и «Диксон» для радиовещания, было спроектировано, изготовлено и укомплектовано специалистами Опытной радиолaborатории.

...Остров Диксон с его гаванью были известны и посещались русскими моряками еще многие столетия назад. В 1738 году участники Великой Северной экспедиции нанесли остров на карту, дав ему название «Большой Северо-Восточный». Они тогда обратили особое внимание на то, что гавань острова имеет «защитные бла-

гонадежное». В 1875 году А. Е. Норденшельд на зверобойной шхуне «Превен» стал на якорь у этого острова. Бухту, в которой судно нашло приют, он назвал гаванью Диксона в честь шведского купца О. Диксона, финансировавшего экспедицию. Позже, в 1894 году, А. И. Вилькицкий закрепил это название и за островом. В своем дневнике Норденшельд писал: «Я надеюсь, что эта гавань, ныне пустая, в короткое время превратится в сборное место множества кораблей».

В 1915 году на острове была построена радиостанция — одна из первых на севере России. Ее строили участники экспедиции Г. Седова к Северному полюсу П. Кушаков и инженер-электрик Л. Леске. По тем временам она была чудом техники: имела искровой передатчик мощностью 0,75 киловатта, детекторный приемник «РОБТиТ» и электроагрегат с керосиновым двигателем в 15 лошадиных сил. Размещалась рация в маленькой бревенчатой избушке (ныне дом № 12 по улице Папанина). Рядом — другая, в ней ютились зимовщики. Их было несколько человек — все население острова и его окрестностей! У жилья невысокая сигнальная вышка с керосиновым фонарем и корабельным колоколом. Вот это «чудо техники» и прослужило полярной связи около 20 лет.

И все же хочется добрым словом помянуть радистов Диксона первого поколения А. Михайлова, А. Голубкова, М. Шунько, В. Матюшкина и других. Примитивное оборудование рации не позволяло им обеспечивать всегда надежную связь, но дело свое они делали исправно, и до поры до времени рация вполне отвечала своему назначению.

...Передающий радиостанция — Новый Диксон, как его стали называть, предстояло построить в пяти километрах от старой радиостанции, у обрывистого берега мыса Кречатник.

В середине августа, когда к мысу Кречатник подошли лесовоз из Архангельска и буксир с баржей из Игарки, привезшие оборудование для радиостанции, закишла работа. По узкоколейке, проложенной в первые дни строительства, засновали вагонетки. Радиотехники, механики, электрики превратились в грузчиков.

Лето в этих краях обычно не радует людей теплом. Оно на Диксоне холоднее зимы в Сухуми. Преобладающие в эту пору северные ветры приносят на материк холодный воздух Центрального арктического бассейна. У берегов он встречается с теплым воздухом суши — образуются клубы тумана, низкая облачность. Поэтому летом здесь больше пасмурных и дождливых дней, чем солнечных.

Север решил испытать строителей радиостанции с первых же часов их пребывания на полярной земле. Дни стояли ненастные. И вдруг разразился десятибалльный шторм! Температура воздуха резко упала, ветер бушевал. Море безжалостно обрушивало на

берег лавины воды. Баржу не успели разгрузить, ее бросало с волны на волну, било о камни и выбросило на берег. Под напором стихии она не выдержала и треснула, в трюмы устремилась вода. Полторы тысячи тонн груза оказались под водой.

Мокрый ветер сбивал с ног. Нужно было срочно спасать оборудование. Но как? Броситься в воду? Иного выхода не было. Главное — действовать!

Люди работали по пояс в ледяной воде. Они не знали устали, то и дело стропили, вытягивали ящики и бережно передавали их на берег. Работали непрерывно сутки, вторые... Кто терял силы, обогревался у костра и на часок ложился отдохнуть здесь же, на штабеле ящиков, прикрываясь от дождя и снега куском брезента.

На остров прибыло несколько семей строителей. Женщинам и детям предоставили лучшее укрытие — дощатую надстройку на палубе ползатонувшей баржи. Днем она отапливалась камельком, ночью же волосы спящих примерзали к доскам.

Сила коллектива все же победила. На седьмые сутки выгрузка была закончена. Но строителям отдыхать не пришлось. Они знали, что над хрупкими деталями их драгоценного радиоимущества нависла новая угроза — коррозия. Нужно было немедленно начать борьбу с ней. Тонкие части приемников и передатчиков тщательно смазывали, протирали, приводили в надлежащий вид. Строители спасли и саму баржу, отремонтировали ее и сдали пароходству. Потом она прослужила еще многие годы.

Все это произошло в августе, а через два с половиной месяца уже были собраны все здания радицентра. В то же самое время на материке, неподалеку от радицентра, рос его сосед — арктический морской порт с 40-метровым причалом.

Прошло еще два месяца. 24 декабря 1934 года, на 12 дней раньше намеченного срока, радицентр вышел в эфир.

— Внимание! Внимание! Говорит первый полярный радицентр на острове Диксон! Проводим опытные радиотелефонные передачи на волне 1450 метров и на частотах коротковолнового диапазона. Одновременно по всем судовым и районным каналам связи ведем испытание телеграфных радиопередатчиков.

— Внимание! Внимание! Говорит Диксон...

После этого диктор повторял объявление на норвежском и английском языках. Затем следовала короткая музыкальная пауза — передавались «Авиационный марш» и популярные мелодии тех лет, и вновь:

— Внимание! Слушайте! Говорит первый полярный радицентр...

Шла 24-часовая испытательная передача. На полную мощность работали все агрегаты и передатчики только что построенного радицентра.

В тот памятный день, день рождения столицы Арктики, мыс Кречатник и вся территория центра площадью чуть больше квадратного километра с лесом радиомачт и многими зданиями были залиты электрическим светом. В морозном воздухе мерно рокотали дизели электростанции. Лишь за пределами центра царила непроглядная тьма полярной ночи. Она скрадывала расположенные недалеко небольшие острова Медвежьи, издавна облюбованные владыками Севера для своих берлог. Мрак ночи плотным занавесом закрывал и другой берег бухты, где в прибрежных скалах стоял деревянный крест на могиле норвежца Тессема. Он шел на собаках по побережью Таймыра 900 километров и, не дойдя всего четырех километров до радиостанции (он, несомненно, видел ее высокую мачту), погиб. Это произошло в 1919 году. Тессем и его товарищ Кнутсен, погибший, видимо, ранее, несли на Диксон радиogramмы и почту Амундсена и экипажа шхуны «Мод»...

Строители центра — радиотехники, механики, мачтовики и электрики сменили заскорузлые роботы на безукоризненно отглаженную морскую форму. В зданиях аппаратной и электростанции сверкали кафель, метлахская плитка, свежая краска. По чистоте помещения не уступали операционным в больницах. Все аппараты, пульта, дизели и генераторы были отлажены и неоднократно проверены.

Вахты проходили, как на военном корабле: никакой сумятицы, ни одного лишнего человека, каждый на своем посту. Внешне все было спокойны. Что же было на душе каждого из нас? Верно, то же, что у матерей, провожающих своих детей первый раз в первый класс.

В аппаратном зале с огромными оконными проемами гудели трансформаторы и вентиляторы. Оранжевым светом пылали генераторные лампы. Мигали сотни сигнальных ламп. За пультом управления находился начальник объекта Владимир Волков, у передатчиков его ассистенты — Борис Харитонович и Николай Златоверховников. Внешне они походили на абитуриентов высшей школы в день первого экзамена.

Покинув аппаратный зал, мы с главным инженером строительства Владимиром Доброжанским и мачтмейстером Леонидом Старовым прошли на антенное поле. Там находились электротехник Станислав Гейденрейх и верхолаз Иван Поддубный. Проекторы высвечивали мачты, паутину антенных проводов, фидерные линии и противовесы — уязвимое место центра. Уже не раз медведи, попав в их «сети», пытались рвать стальные провода и тросы...

В кают-компаниях жилого дома собралась небольшая, но на редкость дружная семья Нового Диксона. По линии внутренней громкоговорящей связи с приемного пункта радицентра непрерывно поступали отзывы на нашу передачу от связистов страны

и из-за рубежа. Аплодисментами встречали каждое новое сообщение диспетчера. Звучали музыка, смех, молодежь танцевала. Больше других были рады переполоху наши юные полярники — неутомимые Юра и Вова. Можно было не слушать своих мам, шалить и шуметь. Мальчишки были на год старше радицентра.

В тот день всех поразил наш чудо-повар — Николай Федорович Волков. В прошлом беспризорник, он сменил работу в лучшем ленинградском ресторане на полярную стройку. В одном лице он был шеф-поваром и официантом, судомойкой и метрдотелем, не чурался любой работы и во время авралов. Николай Федорович давно готовился ко дню рождения центра, и вот мы увидели плоды его конспиративных приготовлений. На праздничном столе вышались мини-центр с мачтами, бисквитными зданиями, шоколадными нерпами и моржами во льдах из засахаренных сливок. Медведи из сливочного масла соседствовали на столах с запеченными окороками трофейных медведей. Неутомимого остряка и балагура повара мог расстроить только чей-либо плохой аппетит, но он у всех был отменным.

Влюбленный в свою профессию, Николай Федорович болел за дела строительства и стремился быть в центре событий. В накрахмаленном поварском колпаке и легонькой белоснежной курточке, с подносом над головой и салфеткой на локте по морозу за минуту сорок, насвистывая, он отправлялся то в аппаратную, то к механикам. Горкой бутербродов, горячим кофе, запасом острот и анекдотов он поддерживал дух и тело вахтенных, а также лично удостоверился в том, что техника работает без сбоев.

В машинном зале электростанции мы встретили главного механика Сергея Юмберга и старшего механика-испытателя Александра Скубкова. Возраст участников строительства в основном не превышал 25 лет. Механики были старше: Юмбергу — под 40, Скубкову и его товарищам по бригаде — без малого 30. «Старики» не подводили. Их заслуженно считали опорой и примером в любом деле. Но однажды и с ними произошел конфуз.

Когда объявили учебную пожарную тревогу, вахтенные не смогли открыть запасные ворота электростанции, чтобы выкатить пожарный насос. Двери пружинили, но не раскрывались, хотя часом раньше ими пользовались без затруднений. Казалось, снаружи их занесло снегом. Когда начали расчищать пожарный проход, «сугроб» зашевелился, свирепо зарычал и мощным ударом лапы расщепил деревянную лопату.

Сейчас, спустя многие годы, трудно вспомнить все детали ЧП. Видимо, обе стороны проявили благоразумие: прикурнувший у ворот электростанции матерый медведь ушел досыпать «домой», на соседние Медвежьи острова, а вахтенные, довольные таким исходом, хотя и с опозданием на две минуты, выкатили пожарный

насос и подали воду. Злополучные ворота перевесили, и с того дня они, как и положено всем наружным дверям в Арктике, стали открываться внутрь помещения.

Суточные испытания были закончены. Они подтвердили готовность передающего радицентра к эксплуатации. Сообщения о хорошей слышимости наших передач поступили из Москвы, от всех полярных станций, из Якутии и с Чукотки, из Иркутска и Свердловска, Архангельска и Ленинграда, а также от советских и норвежских рыболовных судов, промышлявших в Баренцевом море и в Северной Атлантике. Высокое качество передач подтвердили и радиостанции далеких Исландии и Аляски.

6 февраля 1935 года состоялось официальное открытие двусторонней линии связи Москва — Диксон. В переговорах участвовали руководители Главсевморпути, корреспонденты «Последних известий» и газет. Прямой разговор столицы с Арктикой транслировала для всей страны радиовещательная станция имени Коминтерна. Вопросов было много и разных: просили назвать имена лучших строителей, спрашивали, как идет сооружение порта, как ведем радиовещание, передавались замечания и указания руководства Главсевморпути.

Экзамен на зрелость радицентр держал в июне 1936 года, во время легендарного перелета В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова по маршруту Москва — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — остров Удд в Охотском море. Диксон принимал все донесения с борта самолета, которые с пометкой «Экватор», имевшей магическую силу, в то же мгновение буква за буквой передавались и ложились на стол руководителей штаба перелета в Москве.

В августе, когда к острову подходил ледорез «Литке», с его борта была передана следующая радиограмма:

Сердечный привет всему составу передовой станции, особенно персоналу радицентра, показавшему образцовую работу во время полета Чкалова.

Ш м д т

Диксон открыл «зеленый свет» для магистральной связи в Арктике на коротких волнах. Забегая вперед, скажу, что уже к началу 1941 года Управление Главсевморпути имело на вооружении 268 коротковолновых передатчиков и ввело в строй 12 радиостанций. Все они строились по типовой схеме Диксона.

Радицентр стал «меккой» для полярников. Само слово «эпимовка» на Диксоне потеряло быллой смысл. Сверкающие чистотой производственные помещения со множеством цветов на подокон-

никах, жилые дома с центральным отоплением и горячей водой, теплицы, в которых к столу полярников зрели огурцы и редиска, — все это было ново и так необычно для Арктики.

В навигации 1935 и 1936 годов на радиоцентре побывали О. Ю. Шмидт, ледовые капитаны В. И. Воронин, П. А. Пономарев, М. Я. Сорокин и тогда еще «начинающие» полярники И. Д. Папанин и Е. К. Федоров. Приезжали на Диксон артисты Большого и Малого театров, писатели и журналисты.

Первый полярный радиоцентр и для жителей Крайнего Севера стал большим событием. Им уже не нужно было, слушая Москву, крепко прижимать к голове наушники. Когда Диксон транслировал Москву или вел передачи из своей студии, их принимали на репродуктор. Молодежь танцевала под музыку, передаваемую Диксоном.

Но это не главное. Нельзя переоценить значения перемен в арктической радиосвязи для моряков, авиаторов, ученых и для освоения Северного морского пути в целом.

К Диксону, как к оазису, тянулись молодые и бывалые полярники. Им было на что посмотреть. Но главной «достопримечательностью» являлись люди. Память бережно хранит образы замечательных людей, с которыми мне пришлось там работать.

Главный инженер строительства (в прошлом рабочий, электромонтер) Владимир Леонидович Доброжанский начинал свой путь в радиотехнику в 20-е годы в рядах ленинградских радиолюбителей. Он был автором технических идей, генеральным конструктором многих разработок, выполненных в те годы в Ленинградской секции коротких волн, а затем и в радиолaborатории. Таким «генератором» идей он продолжал оставаться всю жизнь, перейдя на профессиональную работу в области радиоэлектроники.

Владимир Николаевич Волков, начальник передающего радиоцентра, тоже один из активистов секции коротковолновиков. В 1930 году он уехал в Якутию, где налаживал работу радиосети Союззолота. После Диксона Владимир Николаевич руководил строительством радиоцентров Главсевморпути в Анадыре и на мысе Челюскин. Затем снова вернулся на Диксон.

Все он делал со вкусом и с искусством лесковского левши. Эрудированный и талантливый инженер, Владимир Николаевич не чурался любой работы. Когда в его руках, вернее, ручищах (он был такой же огромный, как Петр I) была счетная линейка, миниатюрная схема, рычаги управления трактора или молот кузнеца, наблюдать за его работой доставляло истинное наслаждение. Чем больше было работы, чем сложнее задания, тем лучше у Волкова становилось настроение, и он умел передать его подчиненным.

Старший радиотехник Борис Григорьевич Харитонович после

завершения строительства еще несколько лет работал начальником передающего радиоцентра на Диксоне. Это был страстный любитель природы Арктики, его стихия — санные и лыжные походы, охота, спасательные экспедиции.

Мне особенно запомнилась экспедиция по спасению экипажа полярного летчика Мауно Яновича Линделя, сделавшего вынужденную посадку на юго-западе от мыса Шайтанского (Енисейский залив) в апреле 1936 года. От Диксона до места аварии было более 300 километров. В поход отправились пять добровольцев, в том числе Б. Г. Харитонович и автор этих строк. На тракторные сани нагрузили горючее, радиостанцию, инструмент, на второй прицеп поставили сколоченный из фанеры домик. В нем поместили печь, нары и даже рукомойник. Тесновато, но тепло!

Наш санно-тракторный поезд передвигался медленно, со скоростью 4—5 километров в час. Впереди на собачьей упряжке шел Харитонович. А мы, ехавшие в домике-теплушке, спасаясь от жары, по очереди выскакивали наружу и, взобравшись на тендер, продолжали путь, пока мороз и ветер не прогоняли обратно.

Неизвестно, чем бы закончились поиски потерпевших, не будь с нами Бориса Григорьевича — знатока полярной природы, отличного каюра и проводника. На десятый день пути мы наконец заметили на горизонте едва различимые очертания самолета. А приблизившись, нашли и полузамерзших авиаторов. Тут же связались по радио с Диксоном и вызвали спасательный самолет. Потом мы узнали, что падающий Н-125 видели местные охотники — юраки*, но подойти к нему боялись, и это чуть было не стоило Линделю и его экипажу жизни.

В 1938 году Борис Григорьевич с женой, двухмесячным сыном и учеником механика И. Андреевым зимовали на «богом обиженном» острове Домашнем у берегов Северной Земли. Втроем они на протяжении полутора лет выполняли работу по программе полярной станции, рассчитанной на штатный состав из шести-семи человек. В послевоенные годы Харитонович работал в полярной авиации, летал в Арктике и Антарктике. Погиб он на боевом посту при авиационной катастрофе.

Весной 1935 года Герой Советского Союза В. С. Молоков совершил испытательный перелет из Красноярска на остров Диксон. С Молоковым прилетел корреспондент газеты «Правда» писатель Борис Горбатов. Он сразу включился в жизнь радиоцентра. Горбатов много писал в «Правду», выпускал ежедневную радиогazету для Арктики, помогал редакции стенгазеты. А в местном боевом сатирическом листке «Подзатыльник» из номера в номер

* Юраки — старое название ненцев, живших к востоку от Таза.

печаталась его баллада «Сказ о неизвестном острове». Вот несколько строк из нее:

...Там чудеса, есть колдуны там.
С лицом ученым и сердитым
Они вчерашнюю погоду
Предскажут точно, быстро, с ходу.
Но будет завтра дождь или снег,
Ответят: «Будет или нет».
Там чудеса — далеко за ночь
Выходит хмурый Емельяныч
И важно шествует домой
Вкусать заслуженный покой.
Уж им отруганы радисты,
Механики и журналисты.
Начальники и тренечи,
Молчаливники и рифмачи.
И отругавши сам себя,
В постель ложится он, скорбя...

Кто же такой Емельяныч из дружеского шаржа Бориса Горбатова? Так на Диксоне любовно звали Владимира Емельяновича Круглова, немного ворчливого, но доброго, большой души человека. После окончания строительства он еще многие годы работал на Диксоне главным диспетчером связи Арктики. Труд это нелегкий. Надо очень любить свое дело, чтобы быть хорошим диспетчером. Как пожарные машины на красный свет светофора, мгновенно проносятся «экваторы» и другие радиogramмы, относящиеся к разряду «вне всякой очереди». В сутки проходят тысячи навигационных сообщений, срок обработки которых ведется на секунды. Бывало на каком-нибудь далеком острове Уединения шли тяжелые роды, а врача нет. Тогда Емельяныч, не отрываясь, сидел у телеграфного ключа и передавал все, что говорил стоящий за его плечами врач. В Арктике из-за магнитных бурь и ионосферных возмущений радиосвязь часто нарушается, и диспетчеру надо найти обходные каналы, выход из Арктики не только «экватору», но и простой поздравительной телеграмме. В такие дни Круглов сутками не покидал аппаратный зал. Он и спал и ел там. Вернее, и не спал и не ел. И лишь, когда ионосфера «успокаивалась» и связь восстанавливалась, до предела уставший Емельянович шел домой «вкусать заслуженный покой».

В. Е. Круглов — сын лесоруба должен был по желанию и традициям семьи унаследовать профессию отца. Но любовь к технике привела его на учебу в Москву, где он потом работал шофером. В гражданскую войну он был помощником командира автотроты 51-й дивизии, громившей армии Колчака и Врангеля.

В 1924 году в жизни уже немолодого Круглова происходит крутой поворот: он до самозабвения увлекается радио, с трудом достает книги и ночами по ним изучает новую технику. Вскоре

Круглов становится асом эфира. Его позывные знали во всем мире. Но особой страстью Владимира Емельяновича была работа с коротковолновиками и вообще связистами в отдаленных экспедициях. В этом ему не было равных. Он и сам со своей коротковолновой радиостанцией участвовал в экспедиции на Чукотке.

Мне приходилось бывать у Кругловых в Москве. Владимир Емельянович с женой Марией Ильиничной жили на Гороховской улице в старинном одноэтажном домике с мезонином и небольшим садом. Вроде бы и аппаратура у Емельяныча была не особо казистая, собственного изготовления, а не перечесть зимовок, дальних экспедиций, плавающих в море парусников и ледоколов, с которыми он работал и вылавливал их сигналы из хаоса эфира.

В домике на Гороховской в окнах Кругловых часто не тушили свет до самого утра. Кто только там не побывал! На огонек навещалась Мария Яковлевна — мать Эрнста Кренкеля; Емельяныч связывался с далекой Землей Франца-Иосифа и был посредником в беседе матери с сыном. Бывало Мария Ильинична ночью кипятила на керосинке чай и угощала им сидевших в кухне курьеров фельдсвязи, ожидавших, пока сам Круглов примет особо важное сообщение с судна, плывущего на другом конце света. К Круглову обращались многие, вплоть до наркомов, когда все ведомственные радиостанции не могли обеспечить связь...

В 1940 году на Диксон приехал молодой новосибирский радист Валентин Игнатьевич Игнатченко. Он принял от Круглова эстафету старшего поколения. Двадцать два года бессменно проработал Игнатченко на Диксоне начальником связи штаба морских операций, а затем начальником радиоцентра.

В работе полярных связистов много романтики, и не только в прошлые, первые годы освоения Арктики, но и сегодня, когда техника стала и более сложной, и более интересной. Игнатченко был не только руководителем огромного радиохозяйства. Он сам прекрасно работал на любом аппарате, до винтика знал каждый механизм, многие часы проводил с молодыми, неоперившимися специалистами, «доводя» и оттачивая их мастерство. Ныне многие его воспитанники работают на полярных станциях в Арктике и Антарктике.

* * *

Незадолго до войны, в 1939 году, началось сооружение радиоцентра на мысе Шмидта. Мне поручили руководить его строительством. Подготовка, проектирование и другие работы велись с учетом опыта, приобретенного на Диксоне. Радиоцентр строили и первые месяцы эксплуатировали опытные специалисты Дмитрий Аралов, Константин Дьяченко, Юрий Горюхалов, Николай

Златоверховников, Петр Целищев, Петр Яковлев, Иван Якубайтис, Борис Григорьев и другие. Техническим руководителем был Николай Николаевич Стромилов. Почти все из племени радиолюбителей.

Арктика, как всегда, приготовила много трудностей. Особенно сложно обстояло с выгрузкой и доставкой грузов на берег. Бухт или других укрытий на мысе Шмидта не было. Но коллектив справился и с этой задачей. Жесткие сроки, отведенные на строительство (к навигации 1940 года радицентр должен был вступить в строй), определяли форсированный темп работ. Из-за недостатка жилых помещений в моем кабинете были поставлены двухъярусные койки: ночью кабинет превращался в общежитие строителей. Однажды выяснилось, что некоторые владельцы этих спальных мест, переждав, когда другие уснут, возвращались на свои рабочие места подгонять оставшуюся за день «незавершенку». Весь коллектив был настроен на досрочный пуск радиостанции.

С начала 1940 года один за другим стали входить в строй объекты радицентра. Исполнением Богатырской симфонии Бородина (в записи на магнитной ленте) начал свою работу радиовещательный передатчик центра.

В навигацию 1940 года радиосвязь в восточном районе Арктики работала бесперебойно. Большие потоки информации обрабатывались без промедлений. С вводом в действие радицентра на мысе Шмидта была завершена первая очередь работ, намеченных в генеральной схеме развития радиосвязи на трассе Северного морского пути.

Мысленно еще и еще раз возвращаюсь к тем далеким годам на мысе Шмидта. И в памяти встают образы моих товарищей по строительству. Каждому из них можно было бы посвятить по меньшей мере очерк, это были специалисты экстракласса...

Николай Николаевич Стромилов радистом участвовал в ледовом походе на «Челюскине», помогал разрабатывать специально для экспедиции коротковолновый передатчик. В октябре 1933 года Стромилов ушел с судна в составе первой партии эвакуируемых, когда «Челюскин» затерло тяжелыми льдами в Колюшинской губе. Николай Николаевич принимал участие и в создании радиостанции «Дрейф» для экспедиции И. Д. Папанина к Северному полюсу. А когда понадобилось выделить специалиста, который бы обеспечивал радиосвязь базы на острове Рудольфа с дрейфующей станцией и консультировал Э. Т. Кренкеля, радиста папанинской четверки, выбор пал на Стромилова. Но еще во время перелета из Москвы на остров Рудольфа ему представился случай испытать свои силы в роли бортрадиста на самолете-разведчике П. Г. Головина. А потом, уже на острове Рудольфа, в один из разведывательных полетов, который состоялся 5 мая 1937 года,

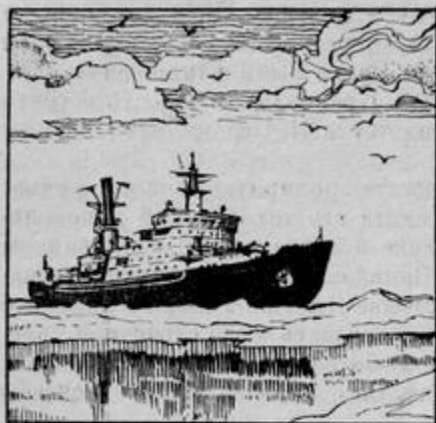
самолет Головина достиг Северного полюса. Пять летчиков, и среди них бортрадист Стромилов, первыми из советских людей побывали над Северным полюсом. Затем были напряжение ожиданий в эфире РАЕМа (позывной Кренкеля) и радость встречи с ним. Этим событиям посвящена книга Н. Стромилова «Впервые над полюсом».

Вот какой багаж знаний и какую полярную закалку принес с собой на радицентр мыса Шмидта его технический руководитель! Стромилов работал в Арктике и после войны: начальником связи Штаба морских операций Западного сектора Арктики и начальником радиометцентра на острове Диксон. Говоря о Николае Николаевиче, просто невозможно не сказать о его страстной увлеченности коротковолновым радиолюбительством. Впервые послав в эфир свои позывные в 1927 году, он с ними не расставался всю жизнь.

Дмитрий Петрович Аралов, добровольно взявший на себя роль верхолаза-мачтовика, в прошлом тоже коротковолновик. Он, так же как и Стромилов, был в 30-е годы начальником той самой знаменитой Ленинградской радиостанции, которая располагалась в яхт-клубе и вела связи с далекими экспедициями в разных уголках страны. Аралов работал и в Опытной лаборатории. С коротковолновой станцией плавал на яхте вокруг Скандинавии. На мысе Шмидта Дмитрий Петрович приехал, только что получив в Ленинграде диплом радиоинженера. Он зарекомендовал себя как знающий специалист, который не боялся никакой работы. После строительства радицентра на мысе Шмидта Дмитрий Петрович работал начальником радиоцентров в Амбарчике, бухте Тикси и в Амдерме, участвовал в организации радицентра в поселке Мирный в Антарктиде.

Имя Петра Дмитриевича Целищева известно каждому полярному связисту. В Арктике он с 1935 года, и всегда там, где трудно. Он блестящий оператор и техник. Целищев работал и на Диксоне. Именно ему поручали самые ответственные вахты, такие, например, как связь с базой папанинской экспедиции на острове Рудольфа. В его послужном списке и зимовка на дрейфующей станции «СП», и работа в Первой антарктической экспедиции...

Вспоминая о пионерах освоения Арктики, полезно заглянуть и в будущее. Пока еще только заложено основание полярной индустрии, и Арктика ждет смелых и мужественных людей, энтузиастов, таких, какими были первые коротковолновики, ставшие заслуженными полярными радистами.

ПРОШЛИ ГОДЫ...

Солнечным днем, напоенным пряными запахами осени, улица Московская дачного поселка полярников в Опалихе казалась особенно живописной. Тоненькие белоствольные березки на обочинах стояли в пышных шапках золотистой листвы, ажурные контуры их словно растворялись в не по-осеннему синем небе. Я шла привычной дорогой, на которой каждый кустик казался добрым старым знакомым. Мысли теснились в голове. Что же заставило меня столько лет, откладывая накопившийся за неделю ворох домашних дел, каждый свой выходной проводить здесь, в доме у Василия Васильевича Ходова?

Началось все с того, что один из старейших работников журнала «Радио» предложил мне:

— Поезжайте в Опалиху, к полярному радисту Ходову, напишите о нем.

И тогда, в 1972 году, завязалась наша дружба с Василием Васильевичем. В его доме я всегда встречала доброжелательность и радушие. О чем только мы не говорили с Василием Васильевичем! И постепенно, день за днем, я, никогда не бывавшая в Арктике, ее осваивала, училась ее любить. Потом в мою жизнь вошла сказка, которая называлась «Экспедиция на Северную Землю Георгия Алексеевича Ушакова». Мне стало казаться, что и я знала ее участников. Василий Васильевич сумел передать мне свою любовь к этой экспедиции. Шли годы, и страница за страницей рождалась эта книга. В нашем творческом союзе не всегда все было гладко, но испытания только закаляли нашу дружбу...

В этой, последней главе я расскажу о судьбе первопроходцев Северной Земли, о том, что же стало с самим архипелагом теперь, почти через 50 лет после того, как отважная четверка нанесла его на карту.

За прошедшие годы нрав Арктики не стал мягче. По-прежнему почти полгода на Северной Земле властвует полярная ночь. Птицы прилетают на острова только с наступлением короткого полярного лета... Но время не запорошило пути, проложенного к Северной Земле. Люди продолжают исследование, изучают этот суровый край, собирают метеорологические данные. Архипелаг оказался чрезвычайно интересным. В его низких «этажах» природа создала уникальный музей с окаменелыми останками рыб, моллюсков, ракообразных, бивнями и зубами мамонтов, кладбищем нарвалов. Не все разделы «музея» изучены, многие открытия и находки еще впереди. Одарил природа Северную Землю и полезными ископаемыми.

Много поколений полярников потрудились на архипелаге. Разные у них были задачи, по-разному складывались судьбы. Не всем сопутствовала удача. В довоенные годы здесь зимовали Э. Т. Кренкель, Б. Г. Харитонович, Б. А. Кремер, А. А. Голубев, Н. Г. Мехреньгин, А. А. Левакин, А. П. Бабич и другие.

После Великой Отечественной войны на архипелаге работали ленинградские топографы и геологи. К этому времени на помощь полярным исследователям пришла техника. С каждым годом все новые и новые отряды исследователей прибывали в этот край, где уже появились поселения, аэродром, линии электропередач, буровые вышки, заработали санно-тракторные поезда.

Аэропорт на острове Среднем (архипелаг Седова) живет напряженной жизнью. Он стал своеобразным перевалочным пунктом для большинства полярников, отправляющихся на дрейфующие станции «СП». Рядом с взлетным полем — жилые дома, административные здания.

В 1974 году на ледниковом куполе острова Октябрьской Революции на высоте 665 метров над уровнем моря был создан первый в Арктике гляциологический стационар. С 1977 года он действует круглогодично. В том же году на стационаре состоялся всесоюзный семинар гляциологов. До этого ни один форум специалистов не забирался в столь высокие широты.

Не забыт и остров Домашний, хотя избушку, которая хорошо послужила полярникам и которая теперь дорога как памятник истории освоения Арктики, перевезли на остров Средний. На Домашний приезжают зимовщики, чтобы возложить цветы и почтить память выдающегося исследователя — Георгия Алексеевича Ушакова. Здесь, на столь дорогой его сердцу Земле, согласно воле покойного, захоронена урна с его прахом. Умер Георгий Алексеевич в 1963 году.

После экспедиции на Северную Землю Г. А. Ушаков продолжал служить главному делу своей жизни — изучению Арктики. В 1934 году он как особоуполномоченный правительственной ко-

миссии по спасению челюскинцев руководил эвакуацией лагеря Шмидта и сам побывал на льдине. В следующем году была организована первая советская высокоширотная экспедиция, которую возглавил Г. А. Ушаков. Ледокольный пароход «Садко» обогнул Шпицберген, миновал Карское море и вышел в свободном плавании в Ледовитый океан. Экспедиция на «Садко» впервые достигла 82°41' северной широты, открыла несколько островов, один из которых, расположенный между Шпицбергом и Северной Землей, был назван именем Ушакова.

Впоследствии по состоянию здоровья Георгий Алексеевич не мог работать в Арктике, о чем всю жизнь сожалел. В эти годы он занимает ответственные посты в Управлении Главсевморпути, Гидрометеослужбе, Академии наук СССР. В тяжелое военное время он работал в Совете производительных сил АН СССР и руководил экспедицией на Урал, в результате которой страна получила нефть, столь необходимую в те годы. Когда наступили мирные дни, Ушаков активно участвует в организации Института океанологии. В 1947 году он возглавляет экспедицию на научно-исследовательском судне «Грибоедов» к берегам Бразилии для наблюдения солнечного затмения. Работая затем в Совете по координации Президиума АН СССР, Георгий Алексеевич много сделал для создания республиканских академий и координации их деятельности. Но Ушакова всегда влек Север. Последнее место его работы — Институт мерзлотоведения АН СССР.

Георгий Алексеевич написал две книги: «Остров метелей» и «По нехоженой земле», которая выдержала несколько переизданий, а также переведена на иностранные языки. Она считается одной из лучших книг мировой географической литературы. О литературном даре Ушакова еще в 30-е годы писал А. М. Горькому путешественник и писатель В. К. Арсеньев.

Память об Ушакове бережно хранят все, кому довелось быть знакомым или работать с этим замечательным человеком. В конце 60-х годов советский биолог А. Г. Банников был в Северной Канаде и встречался с местными эскимосами. Они его спросили об Ушакове. Ученый поинтересовался, откуда они его знают (не из литературы же!). Оказалось, что молва об «умильке» (начальнике) и его любви к народам Севера пересекла моря и океаны, прошла сквозь годы...

О заслугах Г. А. Ушакова перед Родиной лучше всего сказал академик В. А. Обручев, когда встал вопрос о присуждении ему ученой степени доктора географических наук. «Его диссертация, — сказал он, — на картах всего мира». А если приглядеться к географической карте сегодня, то имя талантливого исследователя Арктики мы встретим не раз: вот небольшой остров на севере Карского моря, а вот — мыс и поселок на острове Врангеля. Север-

ная Земля — высшее достижение в жизни и деятельности Г. А. Ушакова — хранит имя своего первопроходца в названии реки на острове Октябрьской Революции. Дань уважения к его заслугам отдали полярники, присвоив имя исследователя горе на Земле Эндерби в Антарктиде. Корабли «Георгий Ушаков» и «Остров Ушакова» верно служат метеорологам и рыбакам...

Н. Н. Урванцев посвятил многие годы жизни изучению геологии и географии Таймырского полуострова. Он прошел по нему многие тысячи километров, разведывая полезные ископаемые края. Минус полугода, как Николай Николаевич попрощался с Северной Землей, и он снова собрался в дорогу. В 1933 году Первая ленская экспедиция должна была высадить геолого-разведочную партию Урванцева на восточное побережье Таймыра, где предстояло вести поиск нефти. В пути пароход с геологами дважды садился на мель. Чтобы сняться с нее, часть тяжелых геологических грузов пришлось выбросить за борт, а разведку нефти отложить. Дальше островов Комсомольской Правды суда не прошли и зазимовали. В экспедицию были взяты сделанные по заказу Урванцева грузовики-вездеходы. Их спустили на лед, погрузили на них стройматериалы и приступили к строительству островной базы. Пока шла эта работа Урванцев обдумывал новый план: он решил совершить первый автопробег по тундре. 20 марта 1934 года в путь отправились четыре человека на двух машинах. И уже в день старта на карте Таймыра появилось новое географическое название — мыс Вездеходов, а еще через несколько дней — мыс НАТИ (Научно-исследовательский автотракторный институт). После пересечения полуострова Таймыр с востока на запад машины направились обратно к базе через мыс Челюскин. На 21-й день пробега было замкнуто шестисотпятидесятикилометровое кольцо. На всем пути следования Урванцев и геодезист Теологов вели топографическую съемку, геологические исследования и метеонаблюдения.

В 1935 году началось строительство Норильска, где Урванцев проработал многие годы и внес неоценимый вклад в налаживание промышленной разработки рудных месторождений этого района.

Вот как отзывался о Николае Николаевиче почетный академик Ю. М. Шокальский: «Как геолог он очень много сделал в смысле открытия и первой постановки использования полезных ископаемых около Нижнего Енисея и в других местах севера Сибири. Но если им добросовестно и умело исполнено его прямое дело — геологическое, то сделанные им географические исследования... значительно превосходят его геологические труды, сами по себе очень значительные».

В настоящее время профессору, доктору геолого-минералогиче-

ческих наук Н. Н. Урванцеву более 85 лет. Он на пенсии, но, несмотря на преклонный возраст, работает: консультирует, пишет книги. Его перу принадлежит более ста научных трудов, а также две книги об экспедиции на Северную Землю. Недавно вышла в свет еще одна литературная работа ученого — «Таймыр — край мой северный».

К сожалению, короток оказался жизненный путь самобытного знатока Арктики С. П. Журавлева. Вскоре после Североземельской, в марте 1933 года, он принял участие в спасательной экспедиции на ледоколе «Красин», шедшем на помощь к зацингованным зимовщикам на одном из северных островов Новой Земли. «Красин» с трудом пробился к припаю, а Журавлев с тремя каюрами на собачьих упряжках отправился к зимовке и вывез оттуда больных. В том же 1933 году Сергей Прокопьевич возглавил промысловую зимовку в бухте Марии Прончищевой. В это время на мысе Челюскин зимовала группа полярников во главе с И. Д. Папаниным. И вот однажды, снарядив собачью упряжку, захватив с собой спальный мешок, карабин, нерпичью тушу — корм для собак и мешок мороженных пельменей для себя, взял да и махнул Сергей Журавлев за 500 километров в гости к Папанину. Приехав, говорит: «Собирайся, Дмитрич, на охоту!» А через два дня запряг своих собак и уехал обратно. Вспоминая об этом эпизоде, И. Д. Папанин пишет: «Я уважал этого незаурядного человека. Да и вся Арктика его знала и любила». За два года зимовки в бухте Марии Прончищевой Журавлев сумел провести рекогносцировочную разведку промысловых богатств всего Восточного Таймыра, объехав на собачьих упряжках побережье моря Лаптевых — от мыса Челюскин до Нордвика.

В навигацию 1936 года он должен был вместе с сотрудниками тогда только что созданного треста Нордвистрой прибыть в бухту Кожевникова в Хатангской губе, но льды не пустили суда. Группе специалистов, в том числе и Журавлеву, пришлось добираться до места назначения по Таймыру санним путем. На этой зимовке, в ноябре 1937 года, Журавлев и умер. Он похоронен на мысе Портовом, в восьми километрах от поселка Кожевникова.

Дальнейшая жизнь В. В. Ходова после Североземельской экспедиции, строительства радиоцентров на острове Диксон и мысе Шмидта также была связана с Арктикой. Кстати, к тому, что рассказано об этом периоде его жизни в книге, можно добавить, что в 1937 году, после Диксона, Василий Васильевич работал директором Московского радиоцентра Главсевморпути. К этому времени относится серия блистательных перелетов В. П. Чкалова, а затем М. М. Громова из Москвы через Северный полюс в Америку. Вслед за Грозовым из Москвы на Аляску вылетел самолет с экипажем С. А. Леваневского. Полет проходил в очень неблаго-

приятных условиях, самолет попал в обледенение, связь с ним оборвалась. На поиски и спасение экипажа Леваневского из Москвы была снаряжена экспедиция на трех самолетах. Ходов в ней принял участие в качестве бортрадиста в экипаже В. С. Молокова.

В 1939 году Управление Главсевморпути планировало организовать вторую высокоширотную дрейфующую станцию «Северный полюс». Руководителем ее был назначен А. И. Минеев, радистом — В. В. Ходов. Но ей не суждено было состояться. Надвигалась война, она внесла поправку в жизнь всех советских людей.

Ходов добровольцем уходит на фронт. Опытный радист-коротковолновик был сразу же направлен в распоряжение Наркомата внутренних дел, ведавшего формированием специальных подразделений.

Такой особой воинской частью была Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). В ее составе были чекисты, пограничники, добровольцы — спортсмены, московские комсомольцы. Из них формировались небольшие, по 20—30 человек, отряды. Им предстояло выполнять особые задания командования. Ходова зачисляют в один из таких отрядов. В самые тяжелые для нашей страны дни, когда враг находился на подступах к Москве, отряд принимает участие в обороне столицы.

После того как полчища гитлеровцев были отброшены от Москвы, омсбоновцы направляются в тыл врага. В начале 1942 года Василия Васильевича включили в качестве радиста в один из первых, направленных за линию фронта отрядов под кодовым названием «Сатурн». Командовал им Анисим Ильич Воропаев, с которым Ходова свела судьба в первые же дни войны.

В этом первом многокилометровом рейде на лыжах в глубокий тыл противника рядом с Ходовым были уже получившие боевое крещение разведчики и московские спортсмены-динамовцы, в том числе чемпионка СССР по лыжам Любовь Кулакова. Отряду было дано задание добыть разведанные о штабах группы немецко-фашистских армий «Центр» и разведывательно-диверсионной школы «Сатурн», расположенных в пригороде Смоленска, в Красном Бору.

После перехода линии фронта разведчики направились в густой Демидовский лес, находившийся в 30 километрах от Смоленска. Там и остановился отряд, в эфир ушла первая радиogramма Ходова с его полярными позывными. Начались рабочие будни отряда. Добытые разведчиками сведения зашифровывались и передавались Ходовым командованию, в ответ поступали новые задания, запросы... Регулярно принимал он и сводки Совинформбюро. Маленькая портативная рация «Белка» в умелых руках Василия Васильевича действовала безотказно, хотя, по современным понятиям, была далека от технического совершенства.

В первое время рация Ходова была для партизан и местного населения единственным источником информации о боевых действиях советских войск на фронтах Отечественной войны. Поэтому о выходе на боевые задания Василий Васильевич и думать не имел права — таков был строгий приказ командования.

К августу 1942 года отряд «Сатурн» выполнил задание, помог местным партизанам развернуть на коммуникациях врага диверсионную деятельность. В те дни в лесу на партсобрании отряда Ходов был принят в члены Коммунистической партии.

Отважные разведчики, перейдя линию фронта, вернулись в Москву. Но Василию Васильевичу не пришлось отдыхать. Он получил новое задание. На этот раз линию фронта ему пришлось переходить в одиночку. И опять Ходов на Смоленщине, в тылу врага. Он идет к месторасположению крупного партизанского соединения под командованием «Бати» (Н. З. Коляды). Связь с ним оборвалась из-за неполадок в аппаратуре, и Ходову было приказано ее наладить. По прибытии на место воин-радиотехник задание выполнил. Из Смоленского леса в Центр полетели по эфиру ценные донесения.

По возвращении в Москву Ходова вновь и вновь направляют со специальными заданиями — теперь уже на Северный Кавказ. Ему поручают командование небольшой группой разведчиков. Долгий путь к месту назначения, в обход линии фронта, — и, как всегда, в эфир уходят все новые и новые донесения. Следующее задание Ходов выполняет опять в одиночку. На сей раз место его действий — район Орджоникидзе. Недалеко от города проходит линия фронта...

Эти необыкновенно интересные страницы военной биографии Ходова когда-нибудь обязательно станут известны читателю, и тогда они раскроют многие удивительные черты этого мужественного и скромного человека, бывшего один на один с Арктикой, а в годы войны — с врагом.

В 1944—1945 годах Василий Васильевич продолжает службу в частях ОМСБОН. То и дело ему поручают командование спецгруппами, которые обеспечивали связь с командованием в период наступательных боев советских войск на Украине и в Белоруссии. Линия фронта все время перемещалась. Вместе с ней двигались и бойцы спецгрупп, оказываясь то по одну, то по другую ее сторону...

Правительство наградило Василия Васильевича многими боевыми наградами.

После окончания войны Ходов вновь работает в Управлении Главсевморпути: сначала — начальником управления связи, а в 1947—1951 годах — начальником Диксоновского арктического района. Так что судьба снова привела его туда, где он руководил

строительством первого в мире мощного полярного радицентра. Потом были годы службы в аппарате Управления Главсевморпути. 25 лет жизни Ходов отдал Арктике. Труд его оценен тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

В. В. Ходов не дождался нескольких месяцев до выхода этой книги. До последних дней он не сидел без дела. В домик на Московской улице частенько наведывались гости: писатели и журналисты, радиолюбители и школьники. Давнишняя дружба связывала Ходова с областным Смоленским краеведческим музеем, откуда ему часто писали. В музее есть стенд, посвященный отряду, в котором В. В. Ходов был радистом, на стенде — фотография В. В. Ходова и рядом — телеграфный ключ, которым в 1942 году он передавал из Смоленского леса разведанные командованию.

За советом приходили к бывалому полярнику лыжницы «Метелицы» и участники научно-спортивной экспедиции газеты «Комсомольская правда». Первого мая 1979 года, когда семь отважных лыжников, руководимые Д. И. Шпаро, шли к Северному полюсу, Василию Васильевичу пришла телеграмма: «Из хорошо знакомой вам Арктики шлем праздничные поздравления, пожелания здоровья и счастья. Стараемся быть похожими на наших старших товарищей. Обещаем вернуться с победой. Шпаро, Лабутины*».

Свое обещание они выполнили.

В 1978 году Географическое общество СССР отмечало 70-летие В. В. Ходова. Поздравить юбиляра и сказать теплые слова в его адрес пришли И. Д. Папанин, Н. Н. Урванцев, В. Н. Волков, А. К. Кирш, многие соратники по работе и боевым отрядам. С вниманием зал слушал выступавших, каждый рассказывал о Василии Васильевиче по-своему, но каждый говорил о его удивительной выдержке, работоспособности и скромности. Тогда же еще раз прозвучали строки, написанные о Ходове Г. А. Ушаковым и Б. Л. Горбатовым.

«Ходов снова оставался один... — это пишет Георгий Алексеевич. — Он заметно возмужал и по-прежнему был спокойным, выдержанным и уравновешенным. Обращаясь к нему, все чаще и чаще мы называли его уже не Васей, а Василием Васильевичем... Мы уходили почти в неизвестность. Всякая связь с нами прекращалась... Лед, снег, неминуемые еще метели, несколько щенков да сидящий на цепи около дверей дома медвежонок — вот обстановка и общество, в котором должен был жить наш Вася. Отшельники, удалявшиеся в пустыню, были в лучших условиях... Само-

* Л. Лабутины — радионинженер и радиолюбитель, главный радист экспедиции «Комсомольской правды» и автор конструкции радиостанции «Ледовая» — неизменной спутницы ее участников на ледовых дорогах Заполярья. На этой радиостанции Л. Лабутины работал с Северного полюса в 1979 году.

обладание у этого юноши было поразительным». И другой отзыв Бориса Горбатова: «Нельзя пролететь по северной линии и не услышать о диксоновском радиоцентре, а следовательно, и о Ходове, его строителе и начальнике. Любой радист обязательно расскажет о нем, об этом молодом человеке и уже «старом полярнике»».

...Города, как и люди, имеют свои судьбы. И если говорить о столице Арктики — Диксоне, то ей в «жизни» повезло. Сейчас там проживает более четырех тысяч жителей. Это крупный морской порт, а также один из важнейших в стране радиометцентров, где собираются метеодонесения с островов Ледовитого океана.

С годами изменился внешний облик Диксона. Он заметно подрос — в поселке появилось много трехэтажных домов. Раньше здесь все строили из дерева, теперь — из бетона и кирпича. На улицах своеобразный диксоновский тротуар — деревянные короба, внутри которых спрятаны трубы и кабели. Они несут к домам полярников воду, газ, электричество, тепло. Есть в поселке рыбпромхоз, животноводческая ферма, школы, гостиницы, магазины. Побывав на Диксоне в 1936 году, О. Ю. Шмидт сказал: «Будущее Диксона грандиозно. Не за горами, конечно, и город Диксон. Диксон должен стать нормальным советским поселком — со звуковым кино, магазином, теплыми и светлыми домами» *. Шмидт не ошибся.

Профессия радиста на Диксоне по-прежнему популярна. О новостях здесь узнают в первую очередь по радио. Недаром люди, побывавшие в Диксоновском порту недавно, говорят, что нигде не видели такого количества антенн, сконцентрированных на столь небольшой площади. Но верно, особым уважением пользуются странники эфира — коротковолновики. Их на Диксоне немало. Имеются и две коллективные радиостанции — в аэропорту и на радиоцентре. Их операторы, день и ночь просиживая у радиостанций (теперь это миниатюрные новомодные трансиверы), связываются с такими же приверженцами радио во всех концах земли, а порой и с такими «редкими птицами», как экспедиция на тростниковой лодке «Тигрис». В экспедиции Тура Хейердала для связи используются любительские диапазоны волн, и коротковолновики, следя за сигналами путешественников, как бы сопровождают их.

Сегодня во всем мире около двух миллионов коротковолновиков. На смену старшему поколению пришло новое, на счету у которого тоже много интересных дел. Представители этого поколения были пионерами освоения полупроводниковой техники, участвовали в телефикации страны, вели массовые наблюдения за сигналами первых искусственных спутников Земли.

* Боровиков Г. И. Остров Диксон. — «Советская Арктика», 1937, № 1, с. 56.

В начале 1979 года советские радиолюбители переживали волнующие события. Впервые на космическую орбиту были выведены два искусственных спутника Земли, созданные руками самодеятельных конструкторов и предназначенные для любительской связи. Так что радиолюбители наших дней достойно несут эстафету, принятую от первых в стране энтузиастов коротких волн, которые в 20-х и 30-х годах шли по непроторенным радиотрассам.

Почти все, о чем рассказывалось в этой книге, связано с освоением Северного морского пути: и эксперименты с короткими волнами в Арктике, и экспедиция на Северную Землю, и строительство мощных полярных радиоцентров — всем этим закладывался фундамент будущей полярной индустрии.

Наступили годы десятой пятилетки. Партия и правительство уделяют особое внимание развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока. Появилась актуальная потребность — продлить навигацию по Северному морскому пути. Уже несколько десятилетий, став важнейшей нашей транспортной артерией, Севморпуть действовал лишь в летние месяцы. На остальное время тяжелые льды наглухо закрывали Север от Большой земли.

И вот в марте 1977 года, в самое суровое время года, на три месяца раньше традиционных сроков навигации атомоход «Арктика» мощностью 75 тысяч лошадиных сил и ледокол «Мурманск» повели за собой к Ямалу транспортные суда. Уходя в плавание, исследователи Севера уже не чувствуют себя оторванными от страны, от дома и близких. Радисты «Арктики» могут установить связь с любым абонентом телефона в ряде городов нашей страны.

Через несколько месяцев после проводки каравана судов впервые в мире надводный корабль в активном плаваньи достиг Северного полюса. Это была наша «Арктика»!

1978 год был объявлен первым годом круглогодичного плавания на трассе Севморпути. «Арктика» и «Сибирь» ушли в очередные рейсы. Арсенал радиосредств «Сибири» — второго мощного советского атомохода — был уже значительно богаче, чем на «Арктике». В первую очередь это относится к космическим системам связи и навигации. «Сибирь» — первый ледокол, который для ориентирования использовал спутник «Космос-1000», предназначенный для целей морской навигации. Хорошим подспорьем штурманам корабля являлись и фотоснимки ледовых массивов, получаемые со спутника серии «Метеор». Телефонная связь с Москвой велась через спутник «Молния». Но самая интересная часть космического комплекса ледокола — телевизионная. 28 мая в 15.00 по московскому времени, когда ледокол «Сибирь» был у берегов Новой Земли, впервые в истории мореплавания в Северном Ледовитом океане на борту атомохода засветились экраны телевизоров. Собравшиеся около них участники экспедиции смотрели пе-

редачу Центрального телевидения, транслировавшуюся через систему спутникового вещания «Экран».

...Прошли годы, и так неузнаваемо изменилась Арктика. Это заслуга людей, подобных тем, о ком рассказывалось в этой книге, может, и не всегда легких в общении, порой с крутыми характерами и трудными судьбами, но умеющих отдавать себя делу, работе полностью и беспощадно. На их примерах воспитывается сегодняшнее поколение полярников, их имена вписаны золотыми буквами в историю освоения Арктики.

Авторы глубоко признательны всем тем, кто содействовал рождению этой книги. Это в первую очередь относится к Ирине Александровне, вдове, и Маоле Георгиевне, дочери Г. А. Ушакова, которые не только любезно предоставили фотоархив и дневники Георгия Алексеевича, но и на протяжении всех лет работы над книгой помогали советами; а также Владимиру Николаевичу Волкову, который по просьбе авторов наводил многочисленные справки в архивах Ленинграда и поделился с ними своими воспоминаниями.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
КАК ПРИХОДИЛИ К ЛЮДЯМ ВЕСТИ В ПРОШЛОМ	6
КОРОТКОВОЛНОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ	14
ПРОБА СИЛ В АРКТИКЕ	19
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ	26
СКОРО В ПУТЬ!	40
В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ, КУРСОМ НОРД	50
ПОХОД К НЕИЗВЕСТНЫМ БЕРЕГАМ	63
НА ИСХОДНОМ РУБЕЖЕ	70
ЗДРАВСТВУЙ, СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ!	77
ЧАРЫ АРКТИКИ	84
СКВОЗЬ ПУРГУ ВО МРАКЕ НОЧИ	92
НАСТУПЛЕНИЕ НА НЕВЕДОМОЕ	103
ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ И СКУКЕ	113
НАШИ ПЛАНЫ НА ВТОРОЙ ГОД	124
ЯНВАРСКАЯ СКАЗКА	132
РОЖДЕНИЕ КАРТЫ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ	141
ВСТРЕЧА «СИБИРЯКОВА»	150
ДОМА, В ЛЕНИНГРАДЕ	161
ГОВОРIT АРКТИКА, СЛУШАЙТЕ!	166
ПРОШЛИ ГОДЫ...	180

Ходов В., Григорьева Н.

X 69 Дороги за горизонт.— М.: Мысль, 1981.— 191 с., ил.,
16 л. ил.

95 к.

История создания сети связи в Арктике полна драматических и волнующих событий. Известный поллярный радист — участник первой советской экспедиции на Северную Землю — В. В. Ходов рассказывает о событиях, свидетелем которых он был, о своих встречах с известными поларниками и путешественниками. Книга рассчитана на массового читателя.

X 20901-025 163-81
004(01)-81

ББК 26.89 (88)
91(98)

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ХОДОВ
НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГРИГОРЬЕВА

ДОРОГИ ЗА ГОРИЗОНТ

Заведующий редакцией
О. Д. Катагощин

Редактор

Л. А. Мамарова

Редактор карт

Е. А. Шемякина

Младший редактор

Л. И. Васильева

Художественный редактор

А. И. Ольденбургер

Технический редактор

Е. А. Давыдова

Корректор

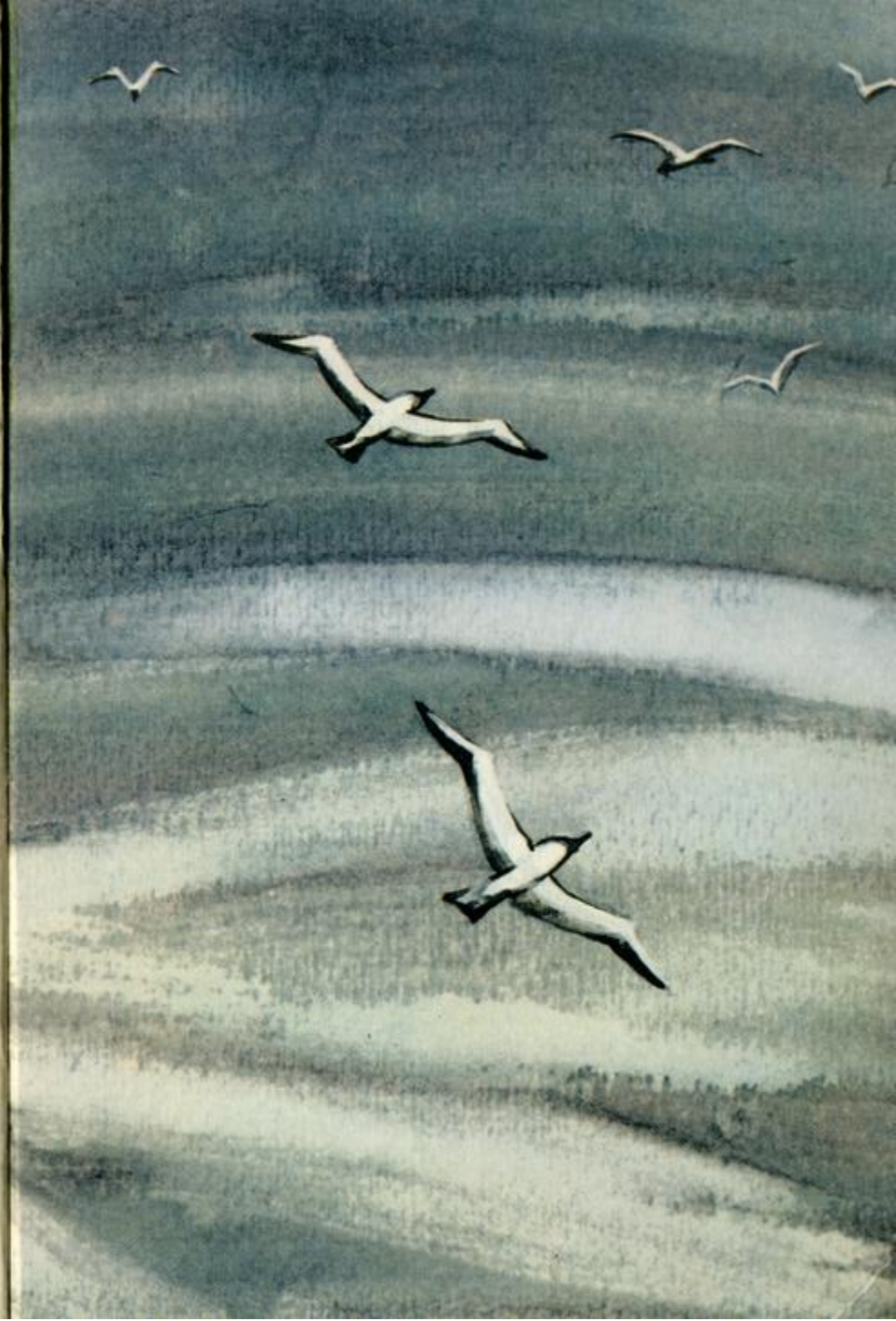
Н. С. Пристовко

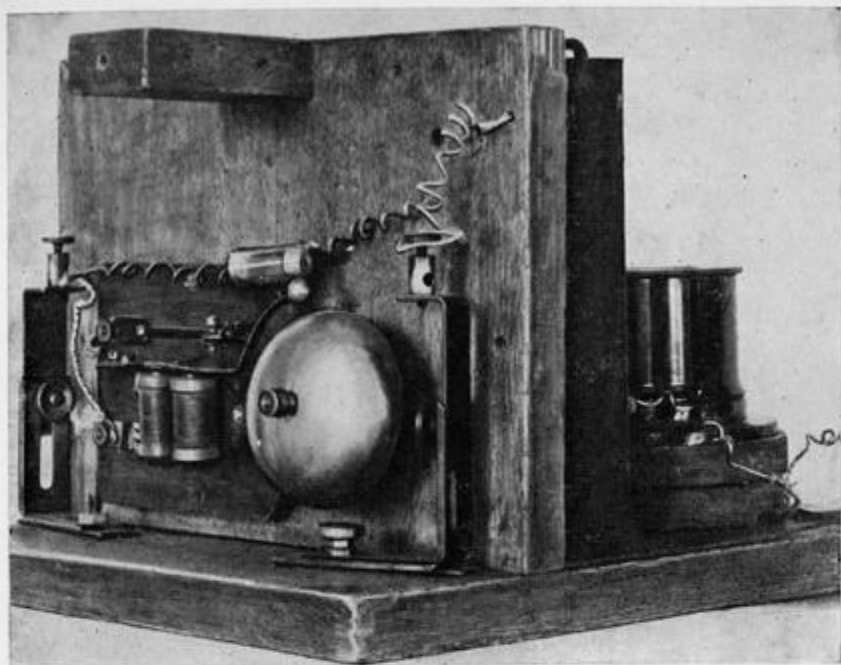
ИБ № 1659

Сдано в набор 06.08.80. Подписано в печать 19.03.81. А10348. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов
13,02 с вкл. Учетно-издательских листов 13,87 с вкл. 14,19 тыс. Усл. кр.-отт.
Тираж 70 000 экз. Заказ № 2042. Цена 95 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валуевская, 28

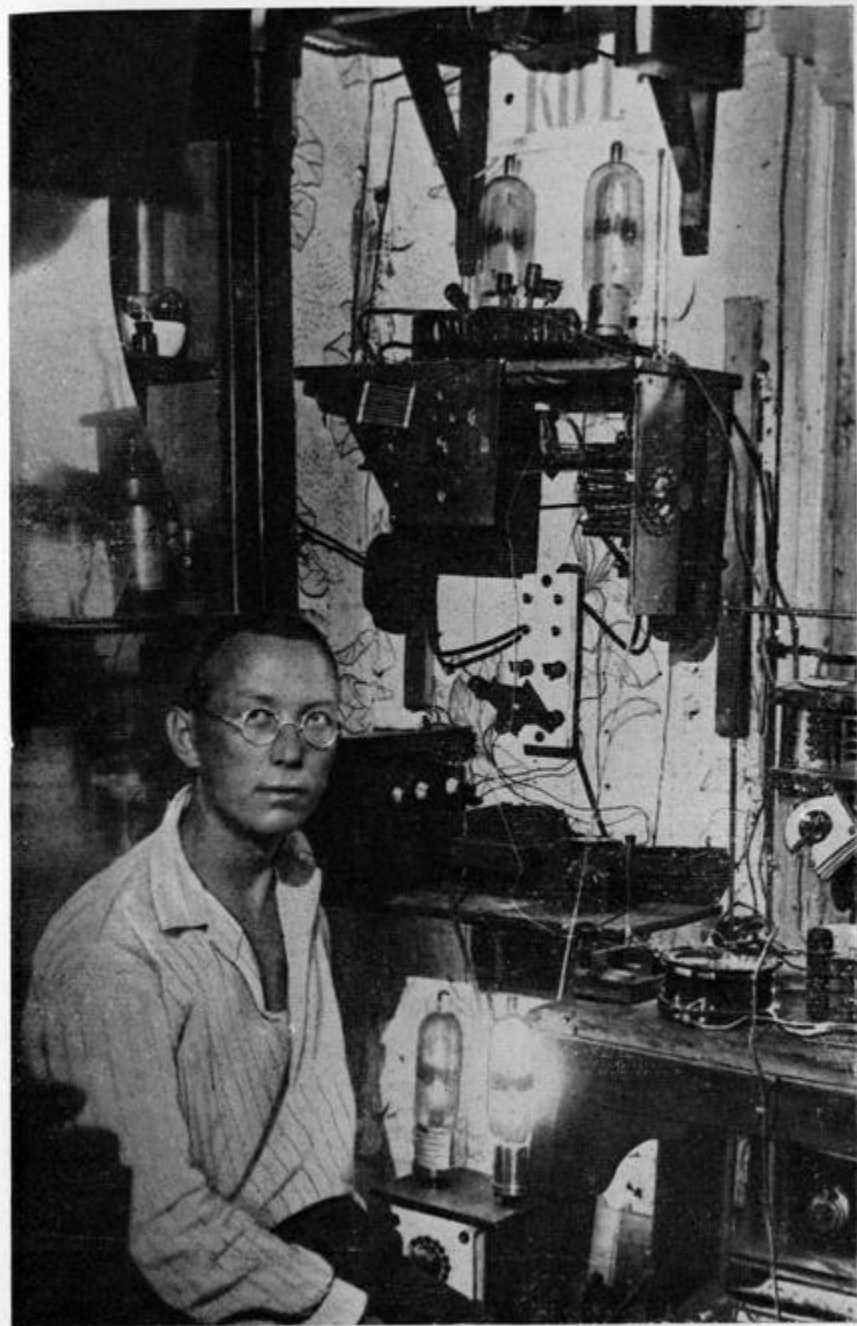

*Первый в мире радиоприемник,
который 7 мая 1895 года
А. С. Попов
продемонстрировал
на заседании Русского
физико-химического общества*

*Генерал-майор Н. А. Байкузов
у своей домашней
радиостанции*

*Первый советский
коротковолновик Ф. Л. Лвов.
Нижний Новгород, 1925 год*

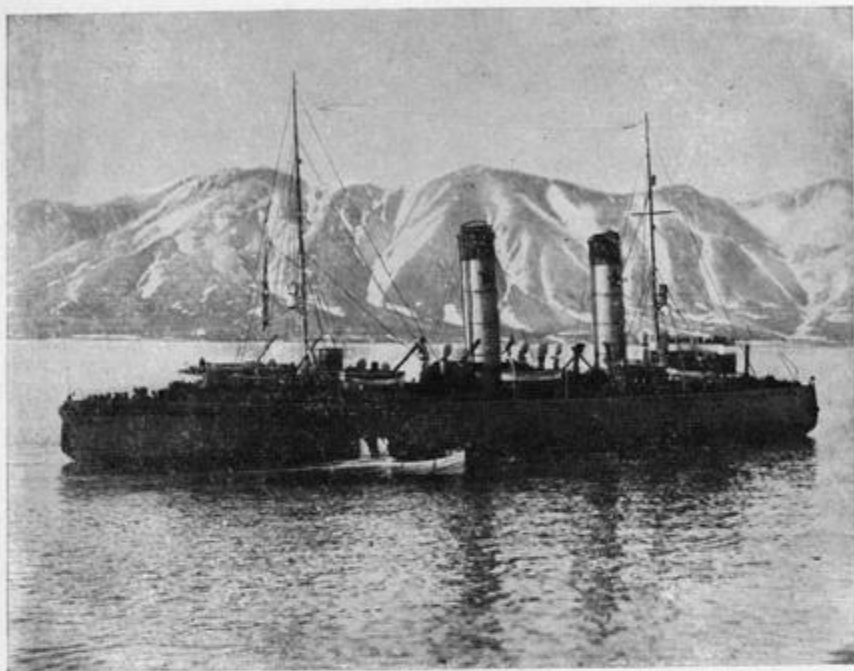

*Пилот А. Смелов (стоит)
и радист Д. Линманов
(в очках) перед полетом*

*Первая в мире
женщина — коротковолновик
Мария Гилярова*

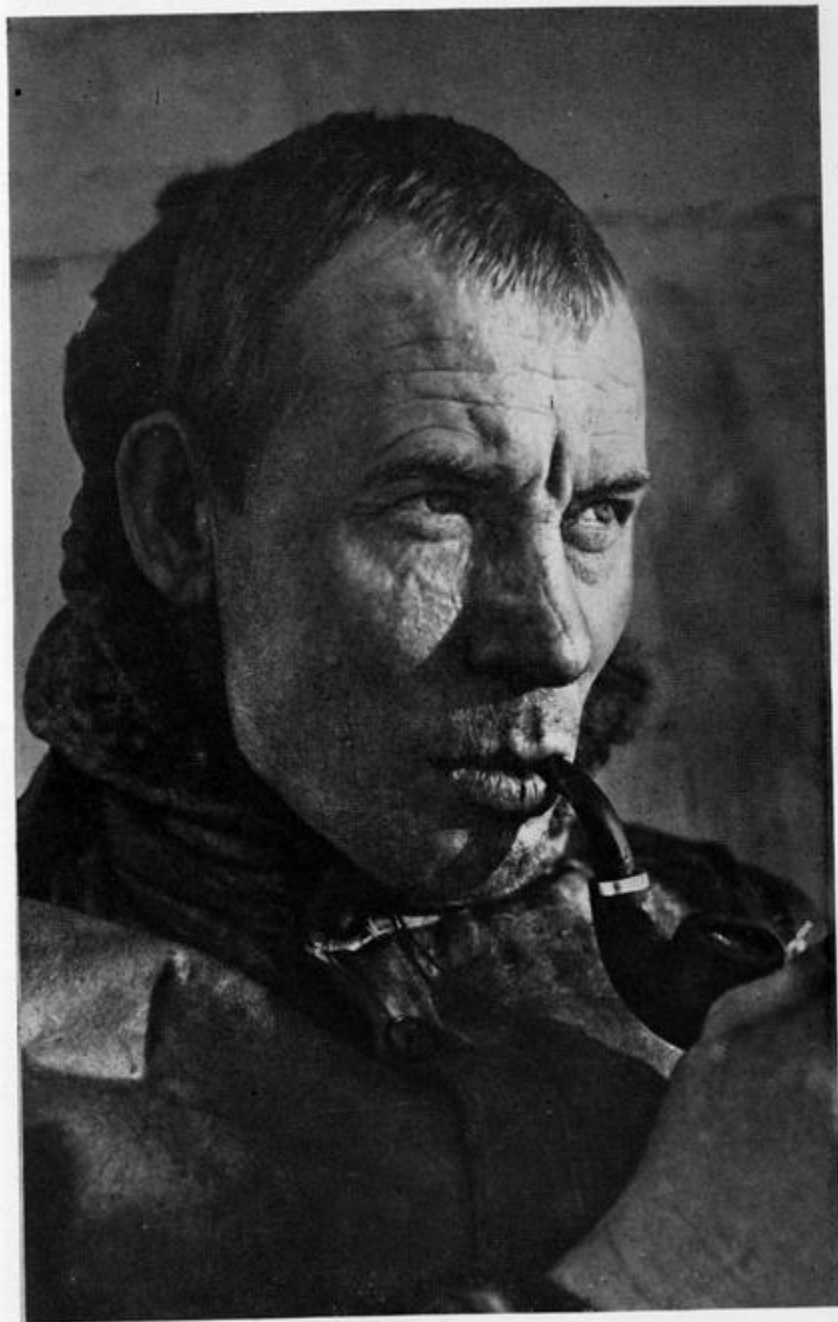
Учебное парусное судно «Вега»

*Ледокол «Красин», ему
предстояло вести поиски
на северо-западе
от Шпицбергена*

*Николай Шмидт, первый
услышавший сигнал SOS
экипажа дирижабля «Италия»*

Охотник С. П. Журавлев ►

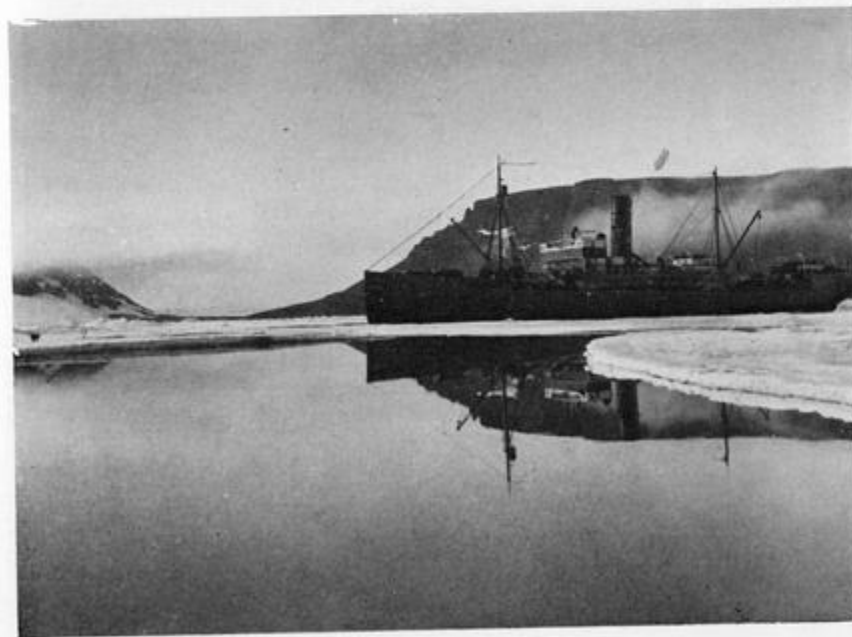

На борту «Красина».
Заврадио И. Экштейн
и радист дирижабля
«Италия» Джузеппе Биаджи

Ушаков и Журавлев
на борту «Седова»

«Седов» шел курсом норд
на Землю Франца-Иосифа

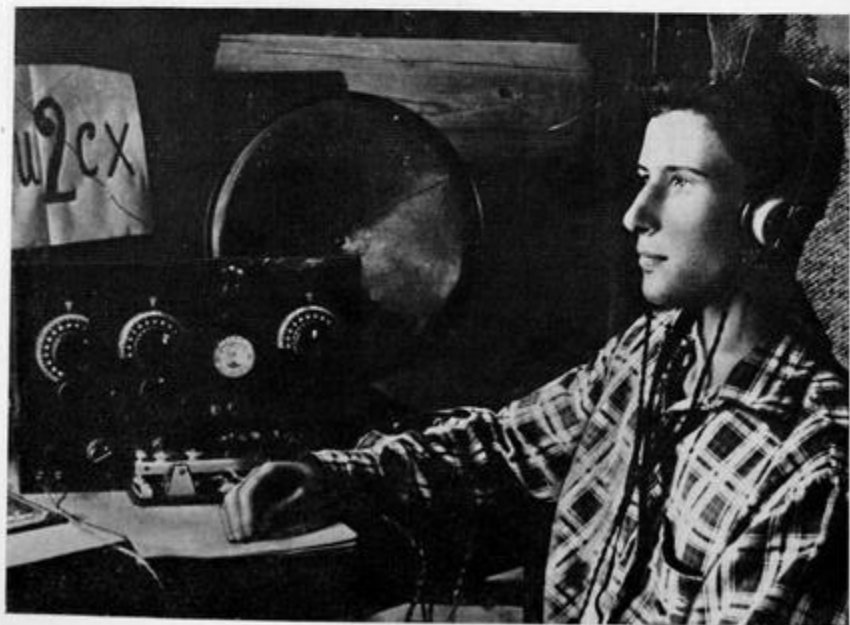
◀ *Радисты на борту ледокола
(слева направо): Э. Кренкель,
Г. Иойлев, Е. Гиршевич,
В. Ходов и В. Ворожцов*

◀ *Земля Франца-Иосифа...
Здание полярной станции
украшали морские
флаги расцветивания*

*Остров Домашний.
Избушка зимовщиков*

Ушаков в радиорубке

◀ В нашем доме
стало тепло и уютно

◀ Ленинградский радист
Г. А. Тилло

Гористые берега
мыса Ворошилова
в проливе Красной Армии

В первом разведывательном
походе к берегам
Северной Земли

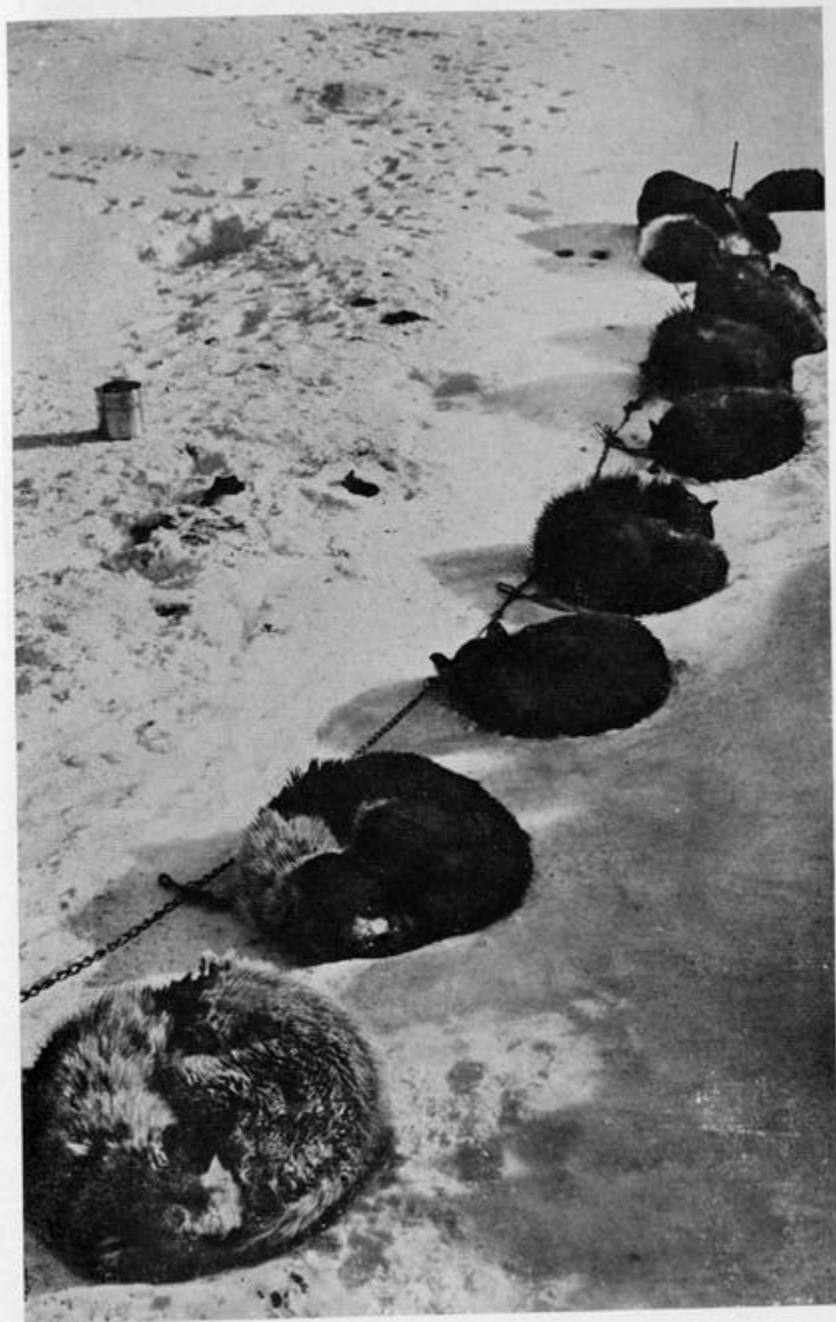

*Полярная ездовая лайка
неприхотлива и привязана
к человеку*

На отдыхе... ►

*Новоземельская
всерная упряжка*

*Сама жизнь в легкой палатке
была подвигом*

В годы Великой Отечественной войны в Карском море базировались и совершали бандитские налеты немецкие подводные лодки и тяжелый крейсер «Адмирал Шеер». Они топили наши торговые суда, пытались вывести из строя полярные станции и порты. Так, подводной лодкой был потоплен пароход «Марина Раскова», на котором находились 354 пассажира, среди них женщины и дети. Как свидетельствуют зарубежные исследователи, для создания в Арктике баз немецких подводных лодок из сейфов рейха были извлечены и данные аэрофотосъемки, которую вели немецкие фотографы-метристы в 1931 году во время полета над Советской Арктикой дирижабля «Граф Цеппелин» в районе Таймыра, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа *.

Вояж «Цеппелина» не отвлек нас от текущих дел. Промысловый сезон 1931 года начался раньше прошлогоднего и шел удачно.

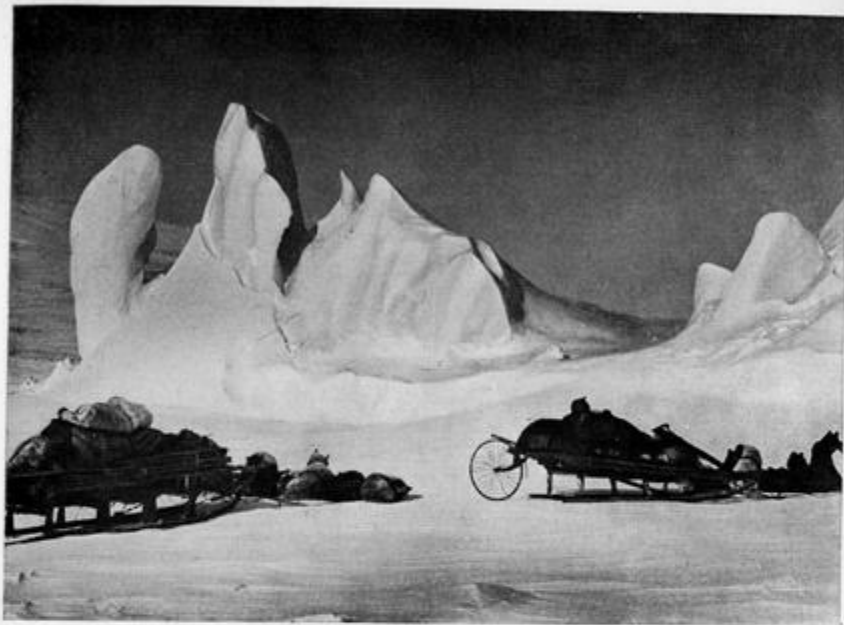
В пополнении мясных запасов нам очень помогло нашествие белух. Оно длилось с перерывами несколько суток. Вначале издадека, а затем все приближаясь стал слышен нарастающий звук, напоминающий шум оживленной автострады или пыхтение множества паровозов. Потом на горизонте появились похожие издали на белые гребешки морских волн белухи. Когда они подошли совсем близко, мы увидели, что их многие сотни. С мыса нашего острова они были видны как на ладони: длиной до пяти метров, белого цвета с едва уловимым кремовым оттенком. Белухи быстро скользили в синеватой воде. «Маленькие» — полутораметровые — белушата шли, плотно прижавшись к телу матерей.

Сверху было видно, как белуха приближалась к поверхности, на несколько мгновений из воды показывалась ее голова, зверь вдыхал воздух и издавал при этом фыркающий звук. Этот момент и должен не пропустить охотник.

Журавлев в азарте командовал «парадом». Он залег в камнях на мыске острова. Часть стада он пропускал без выстрела, выбирая наиболее крупного зверя и держа его на мушке. Стрелял же, когда тот показывал на мгновение голову из воды. Убитого зверя, чтобы он не затонул, нужно сразу загарпунить и отбуксировать к берегу. Мы помогали ему и не столь удачно, как он, но тоже добывали охотничьи трофеи.

Усталые, едва держась на ногах, мы все ходили и ходили по кругу, налегая грудью на бревно самодельного ворота, вытаскивали на берег зачаленные за хвост огромные туши белух. А в море одно стадо белух сменяло другое. Они преследовали мелкую рыбешку — сайку, которой кормятся эти полярные дельфины. Мы и сами горстями, а потом ведрами ловили сайку в лагуне, поч-

* «История открытия и освоения Северного морского пути». Л., 1969, т. IV, с. 491—493, 503—504.

◀ *Ледяные горы все чаще
преграждали путь*

◀ *В. Ходов у рации*

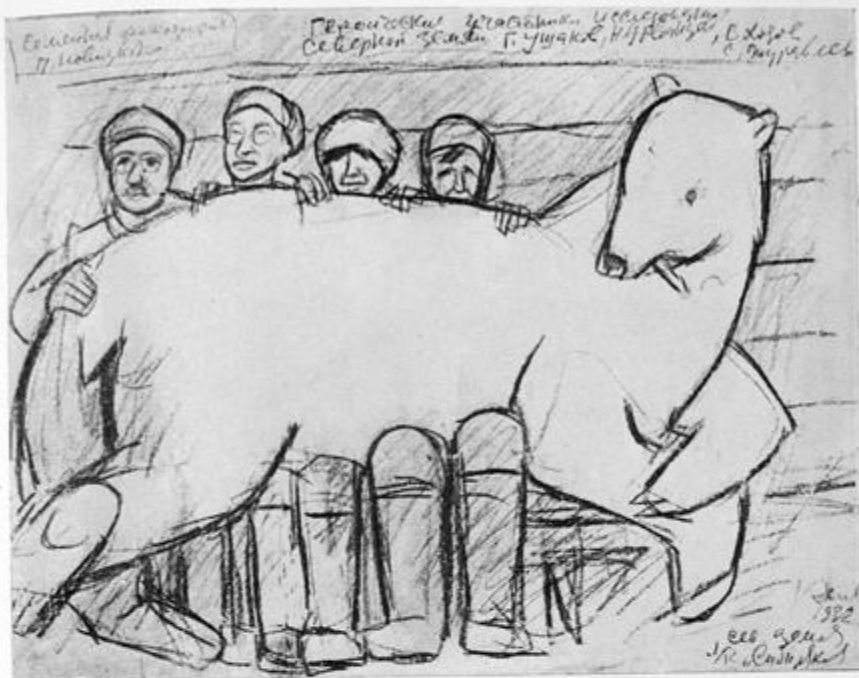
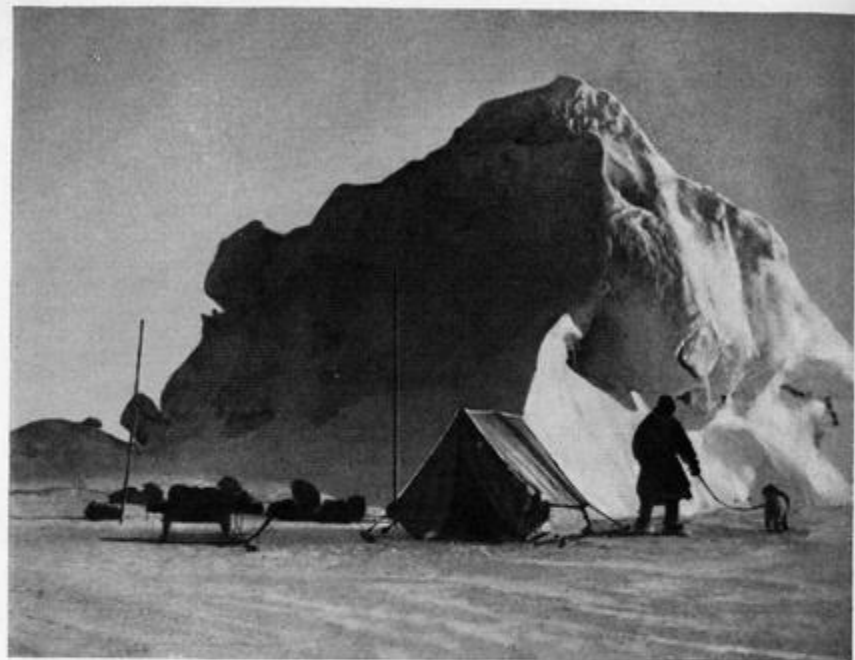
*Любой экземпляр
этого зверя в зоопарке —
это лишь жалкое подобие
его вольного собрата*

◀ Я таскал с собой
маленький «тузик» —
одноместную лодку с полозьями

◀ В довершение всех бед
началась многочасовая гроза...

Георгий Алексеевич Ушаков
склонился над дневником

◀ На привале

◀ Североземельская "четверка" в сборе (слева направо):
Урванцев, Ушаков,
Журавлев и Ходов

Так ее представил себе
художник Ф. П. Решетников

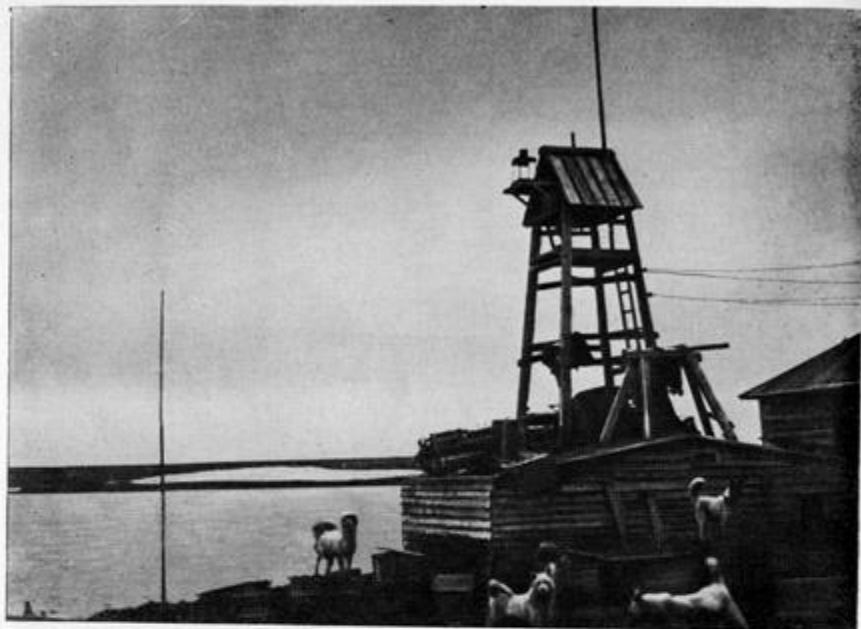

◀ Дружеский шажок
Решетникова
на «покорителя» земель
Г. А. Ушакова

Полярный исследователь
Б. А. Вилькицкий

«Таймыр», с борта которого
впервые увидели гористые
берега Северной Земли

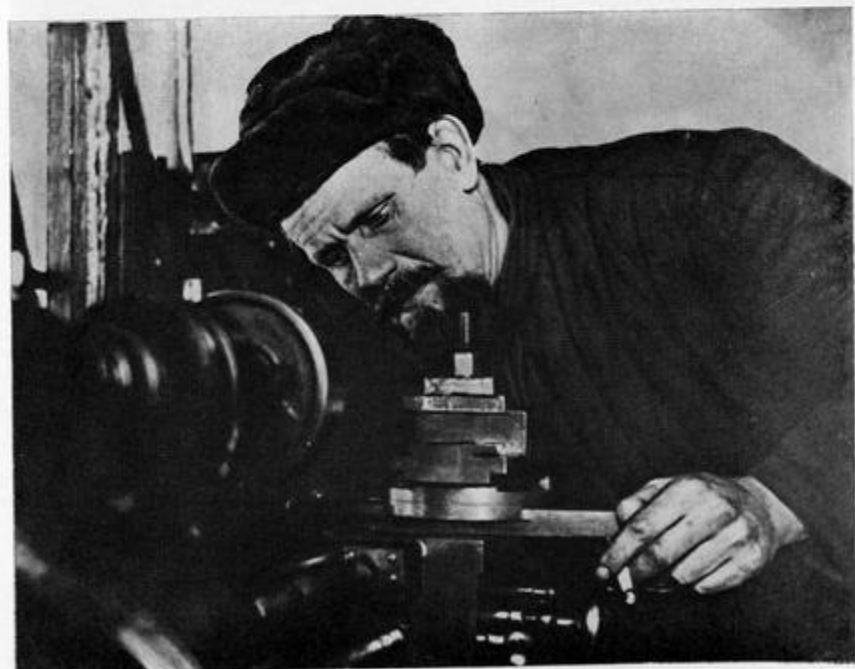

*В 1915 году
на острове Диксон была
построена радиостанция —
одна из первых
на севере России*

*Вот это «чудо техники»
и прослужило полярной связи
около 20 лет. За столом
сидит радист Н. М. Лосев*

*На остров прибыло
несколько семей строителей.
В. Дмитриева и Е. Новикова
с сыновьями* ▶

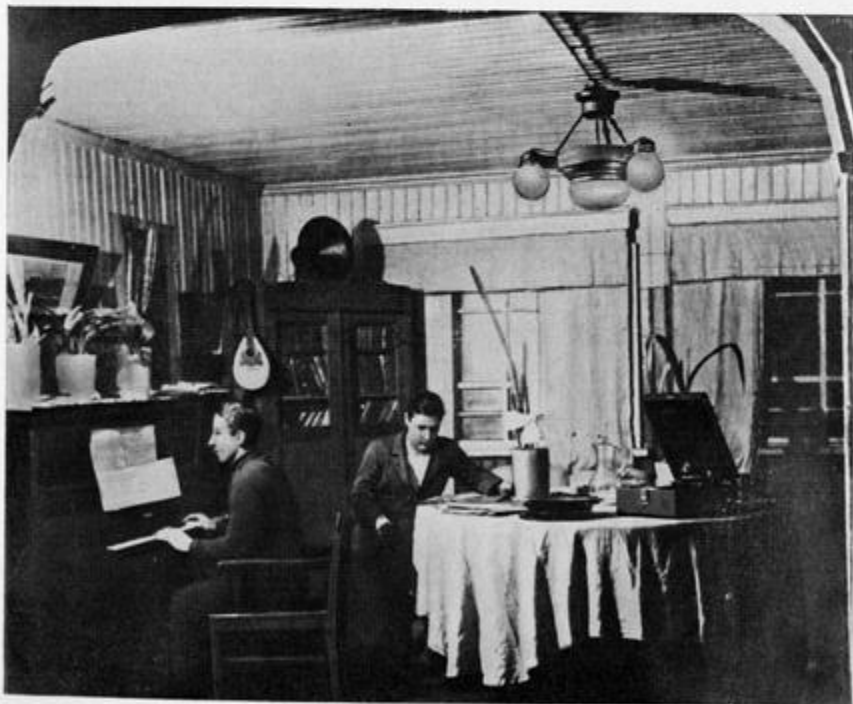
*Старший
механик-испытатель
А. Скубков* ▶

*Радиоцентр стал «меккой»
для полярников*

*В кают-компании
Нового Диксона*

*Весной 1935 года
Герой Советского Союза В. С. Молоков
впервые совершил испытательный перелет
из Красноярска на остров Диксон*

*Д. П. Аралов, добровольно
взявший на себя роль
верхолаза-мачтовика*

*Ю. А. Сенкевич
с советскими радиолюбителями,
которые поддерживали с ним
радиосвязь во время плавания
на тростниковой лодке «Тигрис»*

*Радиолюбители — создатели
первого советского
искусственного спутника
Земли, предназначенного
для радиолюбительской связи*

95 коп.

